

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ПЯТИГОРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Алёшин Юрий Денисович

**Историческая повседневность казачества Северо-Восточного Кавказа в
контексте российской политики в регионе в первой половине XIX века**

Специальность 5.6.1 – Отечественная история

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:

доктор исторических наук, профессор

Лазарян Сергей Степанович

Пятигорск 2026

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Кавказский фронт Российской империи и его жители.....	17
1.1. Ситуация на северокавказском пограничье в первой половине XIX в....	17
1.2. Феномен казачества в истории региона.....	38
Глава 2. Экономические и демографические процессы в казачьей среде Северо-Восточного Кавказа.....	57
2.1. Хозяйственный уклад терско-гребенского казачества.....	57
2.2. Демографическая ситуация в казачьих станицах.....	82
Глава 3. Культурно-религиозные черты казачьего социума.....	105
3.1. Специфика культурного самосознания казаков.....	105
3.2. Конфессиональная ситуация в казачьей среде.....	127
Заключение.....	152
Список источников и литературы.....	159

Введение

Актуальность темы исследования определяется тем, что северокавказский регион играет центральную роль в деле позитивного решения российских геополитических задач и обеспечения безопасности южных рубежей страны. В противостоянии внешним вызовам, власти опирались в названном регионе на различные социальные силы, способные содействовать российским интересам и сделаться надежными их проводниками на линии фронта. Казачество Северо-Восточного Кавказа сделалось одним из наиболее действенных инструментов (наряду с другими) в процессах трансляции российского влияния в северокавказском крае. И в наши дни казачество рассматривается как важнейший ресурс в деле обеспечения безопасности России, о чем наглядно свидетельствует Федеральный закон от 5 декабря 2005 г. N 154-ФЗ «О государственной службе российского казачества»¹. Поэтому исследование самого феномена терско-гребенского казачества, его становления и повседневного существования в северокавказских условиях, путей сближения с государством и превращение в орудие государственной политики со всеми вытекающими последствиями как для самих казаков, так и для северокавказского региона, может представлять пример решения стратегического проекта для современных государственных деятелей, реализующих политику федерального центра на Северном Кавказе.

Объектом исследования являются социокультурные группы терско-гребенского казачества, с самых ранних этапов их становления до превращения в составную часть государственного механизма по продвижению и закреплению российских интересов на Северном Кавказе.

¹ Федеральный закон от 5 декабря 2005 г. N 154-ФЗ «О государственной службе российского казачества» (с изменениями и дополнениями). URL: <https://base.garant.ru/188922/> (дата обращения 8.12.2025 г.).

Предметом исследования выступают военно-политические, этно-демографические и социокультурные процессы существования терско-гребенского казачества в северокавказском регионе в контексте российской политики первой половины XIX века.

Степень научной изученности темы. Историографический обзор по большей степени выявляет научную базу и направление научной проблематики представленного диссертационного исследования. Различные аспекты рассматриваемой темы уже не раз становились объектом пристального внимания со стороны исследователей. Сформировался обширный научный пласт литературы, которая посвящена изучению проблемы воздействия России на северокавказскую действительность.

В контексте заявленной темы внимание автора привлекли работы, выявлявшие геополитическую роль Кавказа для России¹, который приобрел значение ключевого фактора для обладания черноморско-каспийским пространством.

Немало работ отечественных и зарубежных ученых разных лет исследуют этапы развития и масштабы вооруженного противостояния между Российской империей и различными обществами горских народов, которое в российской историографической традиции получила название Кавказской войны².

Прошлое казачества пользовалось и продолжает пользоваться повышенным вниманием у исследователей. Накоплен существенный научный багаж, посвященный самому феномену казачества, как таковому и

¹ Дегоев В.В. Дегоев В.В. Введение в политическую историю Северного Кавказа (XVI век – 1917 год). Москва: Навона, 2009. 128 с.; Тургенев Н.И. Россия и русские. Москва: ОГИ, 2001. 744 с.; Фадеев Р.А. Кавказская война. Москва: Эксмо, 2003. 640 с.

² Кудашев В.Н. Исторические сведения о кабардинском народе. К 300-летию Дома Романовых. Киев: Типо-литография С.В. Кульженко, 1913.; Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. Статьи, очерки, эссе. Москва: Русская панорама, 2001. 448 с.; Потто В.А. Кавказская война: В 5 т. Москва: Центрполиграф, 2006. Т. 2. 591 с.; Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII-XIX вв. Санкт-Петербург: Европейский Дом, 2008. 400 с.; Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля / Под ред. В.Г. Гаджиева, Н.Н. Покровского. Москва: РОССПЭН, 2009. 584 с.; Гордин Я.А. Кавказская Атлантида. 300 лет войны. Москва: Время, 2014. 512 с.; Лазарян С.С. Кавказ под управлением князя М.С. Воронцова (1844-1854 гг.). Москва: Проспект, 2022. 768 с.; Баддели Д. Завоевание Кавказа русскими. 1720-1860 / Пер. с англ. Л.А. Калашниковой. Москва: Центрполиграф, 2007. 351 с.; Осли Э. Покорение Кавказа. Геополитическая эпопея и войны за влияние / Пер. с фр. Е.Д. Богатыренко. Москва: Плюс-Минус, 2008. 624 с.; King C. The Ghost of freedom. A History of the Caucasus. New York: Oxford university press, 2008. 291 p.

различным сторонам жизни терских казаков, в частности¹. Работы о них появлялись как в имперский период, так и в советское время. В наши дни мы также видим повышенное внимание к этой проблеме, что говорит о сохранении «белых пятен» в данном вопросе.

Отдельный блок работ посвящен хозяйственному укладу терского казачества. Это могут быть комплексные исследования либо труды, в которых внимание акцентируется на отдельном виде занятий населения Притеречья².

Целесообразно выделить работы, касающиеся проблемы казачьей колонизации Кавказа. Как правило, они поднимают вопросы, связанные не только с обстоятельствами выбора места расселения казачьего коллектива, но и с теми историческими событиями, которые привели к их появлению в крае³.

Достаточно популярны исследования, которые посвящены истории отдельной станицы, эпизодам жизни, населявшей ее казаков⁴.

¹ Сухоруков В.Д. Историческое описание земли войска Донского: В 2-х томах. Новочеркасск, 1867. Т. 1. 322 с.; Бентковский И.В. Гребенцы. Москва: Рус. типо-лит., 1889. 39 с.; Потто В.А. Два века Терского Казачества (1577-1801). Владикавказ: Типография Терского Областного Правления, 1912. 235 с.; Савельев Е.П. Древняя история казачества. (Историческое исследование). Новочеркасск: Донской печатник, 1915. Ч. 1. Вып. 1. 56 с.; Заседателева Л.Б. Терские казаки (середина XVI- начало XX в.). Историко-этнографические очерки. Москва: МГУ, 1974. 422 с.; Соловьёв С.М. История России с древнейших времен: В 18-ти книгах. Москва: Мысль, 1989. Кн. 3. Т. 5-6. 783 с.; Гордеев А.А. История казачества. Москва: Вече, 2006. 640 с.; Черников В.В. Казачество в истории России. Москва: Айрис-пресс, 2013. 160 с.; Ржевуский А.А. Терское казачье войско. Москва: Вече, 2014. 400 с.; Любавский М.К. История русской колонизации, или как возникла империя. Москва: Вече, 2021. 288 с.

² О состоянии разных отраслей сельского хозяйства в южной России, в 1849 г. // Журнал министерства государственных имуществ. Санкт-Петербург, 1850. Часть XXXVI. С. 19–40; Очерк виноделия Кавказа // Сборник сведений о Кавказе. Тифлис, 1875. Т. III. С. 177–563; Севрюков А.А. Виноградарство и виноделие в низовьях р. Терека (Доклад на съезде виноградарей и виноделов 1902 г. в г. Москве) // Терский сборник. Владикавказ, 1903. Вып. V. С. 268–297; Вертепов Г.А. Хозяйственное положение низовьев реки Терек // Терский сборник. Владикавказ, 1903. Вып. VI. С. 13-53; Гриценко Н.П. Социально-экономическое развитие Притеречных районов в XVIII – первой половине XIX вв. / Под ред. Н.А. Тавакаляна. Грозный: «Грозненский рабочий», 1961. 197 с.; Чекменёв С.А. Социально-экономическое развитие Ставрополя и Кубани в конце XVIII века и в первой половине XIX века. Пятигорск: ПГУ, 2022. 368 с.; Емельянов О.Б. Земледелие в казачьих станицах Терского левобережья в системе природных и общественно-политических факторов в первой половине XIX века. Георгиевск: ИП Банный М.И., 2014. 199 с.; Емельянова Л.А., Емельянов О.Б. Хозяйственное развитие волгских станиц Кавказского Линейного казачьего войска в контексте военно-политических процессов (1840–1864 гг.). Георгиевск: ИП Банный М.И., 2014. – 186 с. и др.

³ Виноградов В.Б., Магомадова Т.С. О месте первоначального расселения гребенских казаков // Сборник избранных статей Виталия Борисовича Виноградова. К 70-летию со дня рождения. Армавир: Редакционно-издательский центр АГПУ, 2008. С. 83–90; Берозов Б.П. Из истории русского (казачьего) поселения в Осетии // Роль России в истории Осетии. Орджоникидзе: СОГУ, 1989. С. 180-201 и др.

⁴ Бутова Е. Станица Бороздинская, Терской области, Кизлярского округа // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. Тифлис, 1889. Вып. 7. С. 3–156; Попов И. Станица Луковская (Историко-статистический очерк) // Терские ведомости. 1889. № 21. 17 февраля; Малявкин Г. Станица

Вызывают интерес труды авторов, которые изучают материальную и духовную культуру терского казачества¹. Благодаря предпринятому в них анализу фактического материала появилась возможность наглядно продемонстрировать не только изменения в их укладе, но и понять суть психологического портрета жителей пограничья.

В последнее время усилился интерес к такому явлению в казачьей жизни, как переход отдельных станичников на сторону «немирных» горцев. Эта тема поднималась еще в дореволюционный период, но затем интерес к ней уменьшился. В современных работах по истории казачества он вновь актуализируется. Это связано с попыткой выяснить специфику двойственности казачьего мировоззрения, которое формировалось под влиянием как русской, так и горской культурной традиции².

Религиозная жизнь казаков, их отношение к «расколу», диалог с Русской Православной Церковью был и остается приоритетом среди

Червленная Кизлярского отдела Терской области // Этнографическое обозрение. 1891. № 1. С. 113–136; Семенов П. Несколько страничек из жизни казаков ст. Слепцовской, Сунженского отдела, Терской области // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1893. Вып. 16. С. 162–210; Востриков П.А. Станица Наурская, Терской области // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1904. Вып. 33. Отдел 2. С. 102–309; Ткачев Г.А. Станица Червленная. Исторический очерк // Сборник общества любителей казачьей старины. Владикавказ, 1912. № 7–12. 223 с.; Колесников В.А. Одинодворцы-казаки. К 200-летию со дня основания Рождественской, Каменнобродской, Сенгилеевской и Новотроицкой станиц. Санкт-Петербург: Издательство «НЕСТОР», 2000. 319 с. и др.

¹ Путилов Б.Н. Русская былина на Тереке (Собирание и изучение терской казачьей поэзии, особенно эпической) // Ученые записки № 3. Филологическая серия. Выпуск 3. / Под редакцией Н.И. Пруцкова. Грозный: Грозненское областное издательство, 1947. С. 7–46; Путилов Б.Н. Кавказская война в песнях Терского казачества // Известия Грозненского областного краеведческого музея. Выпуск 5. Б.м., 1953. С. 62–71; Коломиец В.Г. Очерки истории и культуры терских казаков / В.Г. Коломиец. Нальчик: Эльбрус, 1994. 88 с.; Тхамокова И.Х. Традиционная культура казачества КБР. Нальчик, 2003. 132 с.; Белецкая Е.М. Казачество в народном творчестве и в русской литературе XIX века. Тверь: Золотая буква, 2004. 252 с.; Григорьев А.Ф. Этническая картина мира гребенских казаков (на примере ритуально-обрядовых традиций и песенного фольклора). / Под ред. И.И. Горловой. Ставрополь: Возрождение; Ставролит, 2011. 336 с.; Белецкая Е.М., Великая Н.Н., Григорьев А.Ф. Очерки духовной культуры гребенского казачества в дореволюционный период. Ставрополь: Ставролит, 2012. 300 с. и др.

² Чернозубов Ф.Г. Очерки Терской старины. Побег в горы // Терский сборник. Екатеринбург: Издательские решения Ridero, 2023. Т. 10. С. 482–489; Клычников Ю.Ю. «Находился у непокорных горцев...»: побудительные мотивы предательства казаков-перебежчиков (по материалам ЦГА РСО-А) // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнической культуры казачьих групп России за 2011–2012 гг. Дикаревские чтения (17): Материалы Всероссийской науч. конф., Зерноград, 11–13 октяб. 2013 г. / сост., науч. ред. М.В. Семенцов; Оргкомитет по проведению Всероссийской науч. конф. «Дикаревские чтения»; ФГБОУ ВПО «Азово-Черноморская агроинженерная академия». Краснодар: Эдви, 2014. С.153–156; Ходарковский М. Горький выбор: верность и предательство в эпоху российского завоевания Северного Кавказа. Москва: Новое литературное обозрение, 2016. 232 с.; Степаненко Н.С. Беглые казаки и крестьяне – рабовладельцы на Северо-Западном Кавказе в середине XIX века // Slavery: Theory and Practice. 2019. № 4(1). С. 29–34 и др.

исследователей, которые занимаются прошлым и настоящим казачества¹. Учитывая ту роль, которую играла вера в формировании казачьего мировоззрения, данное направление будет и дальше развиваться, пополняться новыми фактами и их интерпретацией.

Разноплановая информация содержится в обобщающих трудах по истории казачества². До революции они чаще всего имели описательный характер, в советский период акцент делался на хозяйственных и социально-политических процессах, а в современных работах нередко применяется междисциплинарный подход, благодаря которому удастся преодолеть однобокость в изображении жизни казаков. Это направление научных усилий видится наиболее перспективным, и оно легло в основу предлагаемого диссертационного исследования.

Целью работы является выявление роли и значения терско-гребенского казачества в реализации российской политики на Северном Кавказе в первой половине XIX века.

¹ Г.М. Сведения о расколе и раскольниках в пределах Кавказской Епархии // Кавказские епархиальные ведомости. 1875. № 10; Михайловский Г. Исторические сведения о расколе среди терских (гребенских) казаков во второй половине XVIII столетия // Кавказские епархиальные ведомости. 1877. № 3; М-ин Г. (Малявкин) Казачьи верования и суеверия. V. Понятие о дьяволе и его роль в жизни // Терские ведомости. - 1891. № 50; Решетов. Старообрядческий скит в станице Калиновской // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1893. Вып. 16. С. 134–140; Гриценко Н.П. Из истории старообрядчества на Терке в XVIII – XIX вв. // Вопросы истории Чечено-Ингушетии (дореволюционный период). Грозный, 1977. Т. XI. С. 69–81; Сопов А.В. Религиозность казачества: мифы, факты, проблемы // Проблемы изучения и развития казачьей культуры. Майкоп: б.и., 2000. С. 58–61; Голованова С.А. Региональные группы казачества Юга России: опыт системного анализа. Армавир: Издательский центр АГПИ, 2001. 156 с.; Письменная Т.Г. О некоторых причинах распространения старообрядчества среди линейного казачества в 30-е годы XIX в. // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа. Материалы шестой международной Кубанско-Терской научно-практической конференции. / Под ред. Н.Н. Великой, С.Н. Лукаша. Краснодар–Армавир, 2008. С. 62–63; Емельянов О.Б. Архивные источники о численности и конфессиональной принадлежности жителей Кавказского Линейного казачьего войска на 1 января 1847 года // Конфессиональные факторы в истории и культуре славянских народов и их соседей: Материалы международной научно-практической конференции / Научн. ред., сост. Э.Р. Вартянян, О.В. Матвеев. Краснодар: Кубанский гос. университет, 2012. С. 148–156; Клычников Ю.Ю. «Бабий бунт» 1835 г. в станице Кисловодской // Вопросы истории и культуры Ставрополя XIX–XX веков. Третьи Ребровские музейно-краеведческие чтения. Кисловодск 17-18 февраля 2011 года. Материалы, часть II. Кисловодск, 2014. С.14-19 и др.

² Попко И.Д. Терские казаки со стародавних времён. Гребенское войско. Нальчик: Эль-Фа, 2001. 527 с.; Ржевуский, А. Терцы. Сборник исторических, бытовых и географическо-статистических сведений о Терском казачьем войске. Владикавказ, 1888. 287 с.; Потто В.А. Два века терского казачества / Репринтное издание. Ставрополь: Кавказская библиотека, 1991. 383 с.; Караулов М.А. Терское казачество. Москва: Вече, 2007. 320 с.; Заседателева Л.Б. Терские казаки (середина XVI – начало XX в.). Историко-этнографические очерки. Москва: Издательство Московского университета, 1974. 424 с.; Омельченко И.Л. Терское казачество. Владикавказ: Ир, 1991. 301 с.; Великая Н.Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. Ростов-на-Дону, 2001. 278 с. и др.

В соответствии с поставленной целью были сформулированы следующие взаимосвязанные **задачи** исследования:

- Прояснить ситуацию, сложившуюся на северокавказском пограничье Российского государства к середине XIX столетия.
- Объяснить феномен терско-гребенского казачества и его роль в истории северокавказского региона.
- Выявить факторы, повлиявшие на особенности становления хозяйственного уклада терско-гребенского казачества.
- Исследовать причины, повлиявшие на ситуацию демографической напряженности в станицах терско-гребенского казачества.
- Определить специфику культурного самосознания терско-гребенских казаков.
- Выявить и показать условия, содействовавшие формированию конфессиональной специфики терско-гребенской казачьей среды.

Хронологические рамки исследования охватывают первую половину XIX века, но при необходимости выявления и определения исторической сущности феномена терско-гребенского казачества пришлось обращаться к событиям XVI - XVIII вв.

Территориальные рамки диссертации подвижны и определялись вариантами расселения терско-гребенского казачества в ареале притеречного пространства Северо-Восточного Кавказа.

Методологическая основа. В основу представленной диссертационной работы положен принцип *историзма*, базирующийся на изучении фактов в их историческом контексте, взаимосвязи и взаимообусловленности. Также использовался принцип *объективности*, рассматривающий историческую реальность и её развитие в ракурсах универсальных закономерностей.

Принцип *историзма* способствовал тому, что автор строго придерживалась темпоральных параметров, в которых разворачивались

исследуемые процессы, тесно увязанные с особенностями выбранной территории.

Принцип *объективности* позволил избежать вольной или невольной тенденциозности в подходах к исследуемой проблематике, могущей проявиться в подборе и определении исследуемых объектов, базовых источников, оценках и выводах, к которым пришла автор.

В процессе работы над темой исследования применялись *историко-генетический, историко-типологический, историко-сравнительный* методы. Дана интерпретация понятия фронтир в применении к северокавказскому региону и использованы системный метод при характеристике геополитических задач, стоявших перед властями Российской империи в обозначенный период, находящейся в непрерывном взаимодействии с окружающим миром.

Источниковая база представленной работы основана как на документах, выявленных в центральных и региональных архивах Российской Федерации, так и на уже опубликованных источниках. Она состоит из документов, которые относятся к различным видовым группам. Это законодательные акты, делопроизводственная документация, документы личного происхождения, мемуары, воспоминания, фольклор. Представленные документы частично введены в научный оборот и опубликованы в тематических сборниках либо находятся в фондах региональных и центральных архивах Российской Федерации и выявлены автором в процессе работы над заявленной темой.

Так, в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) были использованы материалы фондов 13454 – *Штаб войск Кавказской линии* и 14719 – *Главный штаб Кавказской армии*. Участие казаков в охране и обороне границ на Кавказе нашло отражение в переписке командования, различных отчетах и приказах.

В Российском государственном архиве Древних актов (РГАДА) были использованы материалы фонда 1261 – *Воронцовы, графы, помещики*, в

котором сосредоточены большие массивы исторических документов разного видового происхождения. В использованных делах описи №3 хранятся документы личного происхождения (письма, записки, мемуары, воспоминания) за период с 1741-1885 гг., связанные с деятельностью графов Воронцовых, из которых автором данной диссертации были использованы документы, непосредственно касающиеся заявленной темы исследования.

В Российском историческом архиве (РГИА) использовались фонды 660 – *Закревский Арсений Андреевич, граф (1783-1865гг.)*, где, прежде всего, исследовалась переписка графа А.А. Закревского с генералом А.П. Ермоловым, и 1268 – *Кавказский комитет*, где исследовалась управленческая документация об управлении Кавказом в целом и его отдельными местностями (северо-восточная часть); документы (указы, циркуляры, распоряжения, рапорты, отчеты), касающиеся поземельных и вероисповедных вопросов, связанных с терско-гребенским казачеством.

Аналогичный материал был выявлен и в Центральном государственном архиве Республики Северная Осетия-Алания (ЦГА РСО-А). Здесь вызвали интерес документы, сосредоточенные в фондах 2 – *Управление наказного атамана Кавказского линейного казачьего войска 1831-1859 гг.*, 3 – *Канцелярия наказного атамана Кавказского линейного казачьего войска 1833-1860 гг.*, 13. – *Войсковое правление Терского казачьего войска 1845-1870 гг.* и 14. – *Войсковое хозяйственное правление Терского казачьего войска 1870-1888 гг.* Кроме информации, содержащей военные сведения, здесь сосредоточены и материалы, характеризующие хозяйственный уклад терских казаков, различные стороны их общественных отношений.

Аспекты мирной жизни казаков, особенности их повседневных отношений, конфессиональная специфика отражаются в свидетельствах фондов Государственного архива Ставропольского края (ГАСК). Были задействованы документы, собранные в фондах 79 - *Общее управление Кавказской области 1822-1847 гг.* и 135 - *Ставропольская духовная консистория 1843 - 1918 гг.*

При всей важности материалов, которые впервые были введены в научный оборот, отметим, что значительная часть необходимой информации уже систематизирована и доступна исследователям благодаря усилиям ученых имперского, советского и постсоветского периодов. Так, следует выделить крупнейший свод законодательных актов, которые объединены в «Полное собрание законов Российской империи». Среди них есть и информация, касающаяся жизни казаков на Северном Кавказе¹.

Важные сведения, относящиеся к теме диссертационного исследования, опубликованы в тематических сборниках документов, крупнейшим из которых в имперский период стали «Акты, собранные Кавказской археографической комиссией»², сосредоточивших большое разнообразие циркулярных постановлений, рапортов, отчетов, писем разного рода официальных лиц, чиновников военного и гражданского ведомств Российской империи, уполномоченных действовать на территории Северного и Южного Кавказа. Они позволяют получить представление как о ситуации в крае в целом, так и подробностях жизни в терских станицах. Такого рода научная практика сохранилась и в последующие периоды развития кавказоведения и вылилась в создание весьма информативных сборников, часть материалов которых относится к прошлому казачества³.

Активно привлекались мемуарные свидетельства непосредственных участников описываемых событий⁴. Они либо упоминали о казаках как о части «исторического фона», либо посвящали им свои размышления и делились впечатлениями, которые станичники у них вызвали. Весьма ценно, когда такая информация фиксировалась непосредственно представителем

¹ См. напр.: Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Второе собрание. Санкт-Петербург, 1831. Т. V. Отделение I. 294, 3 с.; ПСЗРИ. Второе собрание. Санкт-Петербург, 1833. Т. VII. 1044, 189, 155, 23, 3, 3 с. и др.

² См. напр.: Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. / Под ред. А.П. Берже. Тифлис, 1885. Т.Х. 936 с.

³ Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв. Документы и материалы в 2-х томах. Москва: Изд-во АН СССР, 1957. Т.2. 900 с.; Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. Документы и материалы. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1958. 336 с. и др.

⁴ Записки А.П. Ермолова 1798-1826 / Сост., подготовка текста, вступ. ст., коммент. В.А. Федорова. Москва: Высшая школа, 1991. 463 с.; Ольшевский М.Я. Кавказ с 1841 по 1866 год. Серия: «Воспоминания участников Кавказской войны XIX века». СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2003. 608 с.

казачьей среды, являвшимся носителем ее мировоззренческих представлений¹.

В этом отношении особой информативностью отличается казачий фольклор, в котором отразилась ментальность терского казачества, его духовно-нравственные приоритеты и жизненные принципы².

К числу источников следует отнести и литературные произведения, в которых упоминаются терско-гребенские казаки³. Их авторы непосредственно контактировали с ними и сумели подметить такие особенности, которые в прочих свидетельствах прошлого не актуализируются.

Научная новизна работы состоит в следующем:

во-1-х, подчеркивается, что Россия изначально стремилась играть роль медиатора и помощника притесняемым в северокавказском регионе и избегала провоцировать вражду;

во-2-х, доказывается, что основной фактор противоречий и противоборства между Россией и многими горскими народами коренился в имманентной природе разнонаправленных моделей социокультурного и хозяйственного существования сторон, возникавшего диалога, в который активно вовлекались терско-гребенские казаки;

в-3-х, подчеркивается природа фронтирного происхождения терского казачества, вобравшего в себя многообразную специфику географического и социокультурного пространства своего формирования;

в-4-х, указывается на комплексность исполняемой роли терского казачества в крае, где оно могло быть не только зачинателем межкультурного диалога с

¹ К. Гребенцы (Из заметок и воспоминаний гребенца) // Терские ведомости. 1886. № 11. 6 февраля.

² Гребенцы в песнях. Сборник старинных, бытовых, любовных, обрядовых и скоморошных песен гребенских казаков с кратким очерком Гребенского войска и примечаниями. / Составитель Ф.С. Панкратов. Владикавказ, 1895. 176 с.; Востриков П.А. Поверья, приметы и суеверные обычаи наурцев // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1907. Вып. 37. Отдел 2. С. 1–93; Песни Терека. Песни гребенских и сунженских казаков. / Публикация текстов, вступительная статья и примечания Ю.Г. Агаджанова. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1974. 238 с.; Терек вспыхнул: песни гребенских казаков. / Составитель Е.М. Белецкая; художник С.В. Наймушина. Грозный-Екатеринбург, 1991–2007. 260 с.

³ См. напр.: Толстой Л.Н. Хаджи-Мурат. Казаки. Кавказская повесть. Нальчик: Книжное издательство «Эльбрус», 1978. 288 с. и др.

местными народами северокавказского региона, но также форпостом защиты русских рубежей и его передовым отрядом, транслировавшим государственные интересы в горскую среду;

в-5-х, выявляется, что вовлечение терского казачества в государственную систему Российской империи повлекло за собой значительное ухудшение условий его существования, сокращение возможностей для сохранения прежних вольностей и одновременный рост служебных и иных тягот, а также жесткую предписанность вменяемых обязанностей. Неустойчивость прежней жизни казаков компенсировалась свободой их маневра в выборе мест проживания, способов поддержания взаимодействия с окружающим миром, способами получения средств к существованию, которые при всей их непредопределенности не снижали их общего витального потенциала.

Положения, выносимые на защиту:

1. На Северный Кавказ Россия пришла в поисках естественных границ для своих южных рубежей, которые одновременно приобрели значение ключевого фактора для обладания черноморско-каспийским пространством.
2. С Кабарды и шамхальства Тарковского началось установление политических контактов с местными феодальными владельцами, которые к началу XIX века переросли устойчивое взаимодействие, хотя и не всегда конструктивное. В условиях перманентных разногласий между кавказскими владельческими фамилиями, которые постоянно перерастали в междоусобную вражду и вооруженное противостояние, Россия часто принимала на себя роль медиатора или помощника (покровителя притесняемой стороны), чем провоцировала недовольство их соперников.
3. Непримируемость горской среды к русским, которых воспринимали во владельческих кругах как угрозу или конкурента, агрессивная реакция на действия российских властей со стороны «демократических» сельских общин региона заставили Санкт-Петербург пересмотреть свои первоначальные подходы и вынудили уполномоченных центром начальников перейти к активным действиям по усмирению и покорению

народов северокавказского пограничья при одновременном передвижении линии фронта в южном направлении.

4. Общая ситуация на северокавказском пограничье в первой половине XIX века была противоречивой и неустойчивой. Много лет устойчивому развитию края препятствовала Кавказская война, вылившаяся в противостояние части непримиримых к русским горцев, ставшая результатом непонимания намерений и целей сторон, а также реакцией на нововведения, приносимые в горы русскими. Ситуация приняла необратимый характер и проявила свои черты и тенденции только после пленения имама Шамиля и замирения северо-восточной части Кавказа к концу 50-х гг. XIX века.
5. Терское казачество, прежде всего, есть феномен фронта, элемент, который формировался стихийно и естественным образом на протяжении достаточно длительного периода и был следствием как внутренних общественно-государственных, так и внешних военно-политических процессов и событий, разворачивавшихся вокруг России. Казаки были «передовыми русскими бойцами», стремившимися на окраины государства за черту оседлого жилья, где общая опасность сплачивала их в особый род военного братства.
6. Специфика хозяйственного уклада терско-гребенского казачества отражала особенности тех политических событий, непосредственными участниками которых стали эти жители беспокойного фронта. На их систему жизнеобеспечения влияла перманентная военная опасность, заставлявшая затрачивать существенную часть производимых ресурсов на обеспечение защиты от нападений беспокойных соседей. Неминуемо оказывали воздействие на жизнь казаков внешние войны, интенсивность которых приводила к заметному ослаблению экономического потенциала защитников южного порубежья.
7. Казаки, являясь вернакулярным социокультурным явлением, постепенно замыкались и дистанцировались от лиц не казачьего сословия.

Они утратили свою географическую мобильность, обретя на Северо-Восточном Кавказе свою малую родину. Это было обусловлено как религиозными противоречиями, так и желанием сохранить свой образ жизни и мировоззренческие парадигмы, опасаясь аккультурации со стороны носителей ментальности, характерной для внутренних районов проживания великорусского этноса, более привычного к дисциплине и подчинению государственной власти. Платой за это стало ограничение демографической подпитки, получаемой казаками со стороны, что не могло не повлиять на их общей численности.

8. Терско-гребенское казачество, будучи самобытной этнической группой, пусть и связанной с материнской русской культурой, имело свои особые черты, нашедшие отражение в их самосознании. Оно формировалось под воздействием иноэтнического влияния, невзгод и опасностей, присущих фронтиру. Их ментальности было характерно совпадение группового и индивидуального сознания, не разделяя в этом контексте этническое сознание и самосознание.

Теоретическая и практическая значимость результатов исследования заключается в том, что был предпринят комплексный анализ как процессов становления и развития феномена терско-гребенского казачества, так и прослежены пути вовлечения названной категории казаков в систему государственной структуры Российского государства и превращения казачества в передовой отряд трансляции российских интересов в северокавказском регионе в первой половине XIX века.

Материалы данной диссертационной работы могут быть использованы при изучении и преподавании истории Российской империи первой половины XIX века, кавказской политики Российского государства на Северном Кавказе и освещения истории становления и развития терско-гребенского казачества на северокавказском фронтире.

Степень достоверности и апробация результатов исследования.

Диссертация была обсуждена на заседании Департамента координации научно-исследовательской и инновационно-проектной деятельности в специалитете, магистратуре и аспирантуре ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет». Основные результаты диссертационного исследования были апробированы в выступлениях с докладами на ежегодных научно-практических конференциях с международным участием, проводимым на базе ФГБОУ ВО «ПГУ» в 2024 и 2025 гг.; на Четырнадцатой международной Кубанско-Терской научно-практической конференции «Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа» г. Армавир, 2024 г.

По теме диссертации опубликовано 6 статей, из них 3 из списка изданий, рекомендованных ВАК РФ. Общий объем публикаций – **3, 14 п. л.**

Диссертационное исследование соответствует паспорту научной специальности 5.6.1. Отечественная история. Область исследования: пп: 2. Предпосылки формирования, основные этапы и особенности развития российской государственности; 3. Социально-экономическая политика Российского государства и ее реализация на различных этапах его развития; 4. История взаимоотношений власти и общества, государственных органов и общественных институтов России и её регионов; 7. История развития различных социальных групп России, их политической жизни и хозяйственной деятельности; 8. Военная история России, развитие ее Вооруженных сил на различных этапах развития; 10. Национальная политика Российского государства и ее реализация. История национальных отношений; 13. История взаимоотношений государства и религиозных конфессий.

Структура работы соответствует поставленной цели и сформулированным задачам. Работа состоит из введения, трёх глав, которые содержат в себе шесть параграфов, заключения, списка источников и литературы.

Глава 1. Кавказский фронт Российской империи и его жители

1.1. Ситуация на северокавказском пограничье в первой половине XIX века

На Северный Кавказ Россия пришла в поисках естественных границ для своих южных рубежей, а также из-за геополитического соперничества с Османской Портой и Персией, поскольку «государство, упирающееся в Черное и Каспийское моря, не может быть равнодушно к тому, что происходит на кавказском перешейке, который в полном смысле командует этими морями»¹. Кроме того, «охранять свои южные бассейны Россия», по мнению российского имперского геополитика Р.А. Фадеева, «могла только с кавказского перешейка»². По этой причине Северный Кавказ стал площадкой «динамического состязания между Россией, Турцией и Ираном»³ и приобрел значение ключевого фактора для обладания черноморско-каспийским пространством.

Другой российский политический мыслитель XIX века, Н.И. Тургенев, подчеркивал в южных и восточных устремлениях России первостепенность геополитики и цивилизаторской миссии и считал, что «истинные интересы русской политики находятся не на Западе, а на Востоке... Восток открывает для русской политики поле столь обширное, сколь и легкое для возделывания»⁴. К тому же потребность в расширении границ России «движет цивилизацию вперед, побуждая вторгаться в пределы варварства, всеми средствами подрывать его, прибегая даже к такой ужасной мере, как

¹ Фадеев Р.А. Кавказская война. Москва: Эксмо, 2003. С. 113.

² Там же. С. 37.

³ Дегоев В.В. Введение в политическую историю Северного Кавказа (XVI век – 1917 год). Москва: Навона, 2009. С. 10.

⁴ Тургенев Н.И. Россия и русские. Москва: ОГИ, 2001. С. 443.

война»¹, а «для широкого развития будущей цивилизации нужно больше пространств, выходящих к морю»², в данном случае к морю Черному и Каспийскому.

С Кабарды и шамхальства Тарковского началось установление политических контактов с местными феодальными владельцами, которые к началу XIX века переросли устойчивое взаимодействие, хотя и не всегда конструктивное. В условиях перманентных разногласий между кавказскими владельческими фамилиями, которые постоянно перерастали в междоусобную вражду и вооруженное противостояние, Россия часто принимала на себя роль медиатора или помощника обиженным, чем провоцировала недовольство их соперников.

Войны с османами и крымскими ханами в XVIII веке, а затем в первой половине XIX века в 1806-1812 гг., 1828-1829 гг. и с персами в 1804-1813 гг. и в 1826-1828 гг. привели к необходимости возведения кордонных укрепленных линий с крепостями на принадлежащих или контролировавшихся местными владельцами землях, что вызывало напряженность в отношениях между сторонами. Постройка русскими крепостей и устройство станиц на линии фронта с размещением в них казаков, а затем начавшееся крестьянское переселение на равнины Предкавказья нарушили прежний уклад жизни местных горских обществ, «их торговые и соседские отношения с ближайшими народами»³. Например, только одна Константиногорская крепость «по положению своему представляла важный стратегический пункт, заграждавший кабардинцам легчайший доступ в сношениях с кубанским краем и возможность хищническим партиям скрываться в группе так называемых Бештовых гор»⁴.

Следствием было то, что «со времени отобрания земель, необходимых для пастбищ, среди кабардинцев и образовалась партия, враждебная

¹ Там же. С. 373.

² Там же. С. 37

³ Кудашев В.Н. Исторические сведения о кабардинском народе. К 300-летию Дома Романовых. Киев: Типо-литография С.В. Кульженко, 1913. С. 70.

⁴ Там же.

России»¹. К этому прибавлялось также то обстоятельство, что русская колонизация по своему характеру «была не мирная, не культурная, а боевая и военная»², потому вместо мирных отношений обе стороны постепенно втянулись в тяжелую борьбу, приобретающую, например, при начальствовавшим на Кавказе князе П.Д. Цицианове (1802-1806 гг.), а потом при генерале А.П. Ермолове (1816-1827 гг.) вид взаимного ожесточения.

Кабардинские князья к началу XIX века «дополнительно лишились значительных территориальных владений и данников-горцев, издавна арендовавших у них участки равнины под пастбища и пашню»³. Потому кабардинские князья отказывались в большинстве своем от установленных империей порядков, а «военное поражение кабардинцев помимо прямых людских потерь привело к миграции значительной массы населения к верховьям Кубани и к Лабе»⁴.

Противоречия с кабардинцами вырастали также и потому, что сталкивались две разнонаправленные модели социокультурного и хозяйственного существования. Для имперской стороны «груз давнего противостояния со степью и кочевниками усугублял неприятие Россией скотоводческой модели хозяйства на территориях, удобных для земледелия. Для кабардинцев и значительной массы остальных адыгов, расселявшихся на плоскости и занимавшихся скотоводством, российское вмешательство в строй их жизни оказалось чревато кардинальными переменами и было встречено предельно негативно»⁵.

Что касалось Тарковских кумыков, которые по большей части культивировали земледельческую форму хозяйства, острого конфликта с русскими у них не происходило, «при том, что из экономического оборота последних, хотя и в значительно меньших по сравнению с Кабардой

¹ Там же. С. 91.

² Там же. С. 71.

³ Карпов Ю.Ю. Россия и этносоциальные процессы на Северном Кавказе в Новое и Новейшее время // «Россия и Кавказ – сквозь два столетия». Исторические чтения. Санкт-Петербург: Изд-во журнала «Звезда», 2001. С. 192.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

размерах, также изымались земли»¹. В силу того, что хозяйственная деятельность кумыков была преимущественно земледельческой, а потому понятной русским и не вызывала в них негативных коннотаций. Со стороны кумыкских владельцев изъятие из их хозяйственного оборота части земель компенсировалось иными возможностями от взаимодействия с российскими властями – премиями, пенсиями или пожалованиями, воинскими чинами, связанными со службой российскому императору. От дружественных отношений с кумыками зависело существование русской восточной торговли и безопасность вокруг г. Астрахани.

Одновременно и по мере укрепления позиций России на Северном Кавказе тот же социокультурный фактор и его неприемлемость для местных обществ «сработал на обострение отношений с жителями горных районов края»². Военная экспансия горцев (чеченцев), их «сползание» на равнины, их походы за добычей на казачьи и другие поселения кордонных линий, получившие в российской имперской историографии название «хищничество», не способствовали взаимному миролюбию и пониманию.

Так с конца XVIII века все более накалялись отношения с чеченскими обществами, которые значительно усилили свою социальную активность (движение шейха-Мансура 1785-1791 гг.), а также отреагировали на устройство кордонных линий по Сунже и Тереку расширением экспансии на равнины, где подвергали опустошительным набегам старожильческие селения русских поселенцев.

Новый всплеск противостояния России с кавказскими народами был предопределен фактом присоединения Грузии в 1801 г. к империи. После этого новой задачей России сделалось спасение единоверного народа, истомленного вековой борьбой с турками, персами и кавказскими горцами, от истребления «хищными соседями», а также усмирение и подавление

¹ Там же.

² Там же. С. 193.

«вечно кипящего кавказского котла»¹, чуждого всем параметрам имперского существования. Это способствовало разворачиванию событий, которые в отечественной историографии получили название «Кавказская война».

На Северном Кавказе Российская армия столкнулась с противником, с которым прежде не встречалась: «это были не феодальные ополчения и не взявшиеся за оружие мирные обыватели. Противником оказались народы, у которых владение оружием составляло одну из важнейших частей быта. Приобретение боевых навыков в горском обществе неразрывно связывалось с социализацией, а перманентная война являлась обычным состоянием»².

Первоначально Санкт-Петербург не ставил себе цель продвижения в горные районы Северного Кавказа, а потому там не планировали обострять отношения с горскими обществами, тем более, не стремились к их покорению. Российская политика долго не имела доминирующей определенности и постоянно колебалась от «ласканий» и заискивания с местной элитой до «сердитости» и карательных экспедиций в горы. Для политических элит имперской России важнейшим моментом в пространстве между Черным и Каспийским морями было стратегическое соперничество с Османской Портой и Персией, а также желание обеспечить безопасную торговлю российскому купечеству в его взаимодействии со странами Востока, а не пререкания с многочисленными горскими обществами.

Однако, опыт многих лет пребывания на северокавказском пограничье и попытки ограничиваться оборонительными действиями (отгородиться кордонными линиями) в отношениях с горским населением показали неэффективность такой стратегии. По мнению В.В. Лапина, соглашения между сторонами часто не выполнялись, а российские карательные акции лишь увеличивали число жертв с обеих сторон³. Непримируемость горской среды к русским, которых воспринимали во владельческих кругах как угрозу

¹ Гордин Я.А. Кавказская Атлантида. 300 лет войны. Москва: Время, 2014. С. 20.

² Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII-XIX вв. Санкт-Петербург: Европейский Дом, 2008. С. 69.

³ Там же. С. 24.

или конкурента, агрессивная реакция на действия российских властей со стороны «демократических» сельских общин региона заставили Санкт-Петербург пересмотреть свои первоначальные подходы и вынудили уполномоченных центром начальников перейти к активным действиям по умирению и покорению народов северокавказского пограничья при одновременном передвижении линии фронта в южном направлении.

Движение с севера на юг вызывалось также необходимостью, отодвинуть горскую угрозу от линии русской колонизации, добиться получения необходимых для аграрной деятельности пространства и земельного фонда, обеспечения для новоприбывавших контингентов новопоселенцев сносных жизненных условий и безопасности.

Русская колонизация порождалась острой необходимостью получения средства, способного скрепить новоприобретаемое кавказское пространство с основным телом империи: без славяно-русского и иных христианских народов крайне трудно было сохранять имперское присутствие в инородных регионах, населенных неприязненным к империи местными народами.

Как отмечает современный отечественный исследователь, «сложность усилий в Кавказском крае по сближению с Россией умножалась как категорическим требованием внедрять в местную гражданскую жизнь монархических начал империи, среди народов, таких начал не имевших, так и потому, что сам процесс сближения реализовывался в ситуации длительного вооруженного противостояния»¹. При этом заселение колонистами отдельных территорий имело свою специфику, порождавшуюся местными условиями и обстоятельствами расширявшихся масштабов войны.

Помимо казаков основными контингентами славяно-русских переселенцев были государственные крестьяне, выселявшиеся из Центральных и Южных губерний России из-за создавшегося там

¹ Лазарян С.С. Кавказ под управлением князя М.С. Воронцова (1844-1854 гг.). Москва: Проспект, 2022. С. 440.

малоземелья¹. Например, на равнинное Ставрополье переселялись выходцы из Курской и Орловской губерний, вслед за которыми устремились крестьяне Владимирской, Воронежской, Екатеринославской, Киевской, Полтавской, Саратовской, Тамбовской и Харьковской губерний². Первые славяно-русские крестьяне на территориях Кабарды стали поселяться, образуя слободы Прохладная и Солдатская и село Приближенное, в конце XVIII - начале XIX века³. Такие переселения способствовали разрастанию «имперского ядра» за счёт присоединения к нему сопредельных окраин⁴, а значит укрепляли позиции России в крае.

Кроме того, процессы колонизации неизбежно выходили за рамки хозяйственного освоения кавказских территорий и сочетались с процессами формирования политического и социокультурного пространства империи. В этом отношении данный тип колонизации сближается по смыслу с термином «фронтир», который был ранее использован автором, и который был заимствован у американского историка Ф.Д. Тернера⁵. Фронтир, как граница и порубежье, «приобретал черты подвижной зоны закрепления и освоения, зоны, которая... должна была сближать внутреннее и внешнее пространства»⁶.

В этой связи стала изменяться география военного противостояния. Если первоначальные стычки русских с горцами главным образом локализовались вдоль линии рек Кубань, Терек и Алазань, то с 20-х гг. XIX в. главной ареной противостояния сделался по преимуществу почти весь Северо-Восточный и отчасти Северо-Западный Кавказ. Страсти постоянно накалялись, чему способствовали не только геополитическая обстановка и притязания геополитических соперников России, но и почти ежедневные

¹ Там же. С. 443.

² Невская Т.А., Чекменев С.А. Ставропольские крестьяне. Очерки хозяйства, культуры и быта. Минеральные Воды: Кавказская здравница, 1994. С. 12.

³ Тхамокова И.Х. Русское и украинское население Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эль-Фа, 2000. С. 34.

⁴ Сибирь в составе Российской империи. Москва: Новое литературное обозрение, 2007. С. 40-41.

⁵ Тернер Ф.Д. Фронтир в американской истории. Москва: Весь мир, 2009.

⁶ Сибирь в составе Российской империи... С. 41.

выпады со стороны горских наезднических партий, а также характер и личностные качества российских главнокомандующих на Кавказе.

Переломным в этом смысле можно считать назначение на Кавказ князя П.Д. Цицианова, человека решительного, энергичного и непримиримого в отношении тех, кто пытался игнорировать интересы Российской империи. Как отмечал российский военный историк В.А. Потто: «С назначением его для Грузии наступают лучшие времена, времена действительной защиты царства русским оружием и полной перемены внутренней и внешней политики, приведшей к покорению всего того, что издавна было враждебно царству и мешало его жизни и правильному развитию»¹.

В отношениях с кавказскими владельцами князь П.Д. Цицианов перешел на повелительный и резкий тон и противопоставил прежним уговорам силу в качестве самого действенного аргумента: «статочное ли дело, чтобы муха с орлом переговоры делала...»². Князь П.Д. Цицианов сделался грозой северокавказских ханов и активно противодействовал Персии в войне 1804-1813 гг. вплоть до своей гибели в 1806 г., не позволив шаху изменить стратегический баланс сил в свою пользу.

Аналогичной политики и стратегии в отношении горских ханов и дворян придерживался генерал А.П. Ермолов, повторявший во многом не только характер князя П.Д. Цицианова, но придавал наступательной силовой политике России системность и масштабность, которые он реализовывал в течение своего начальствования на Кавказе с 1816 по 1827 гг. По мнению Я.А. Гордина, «мир, в который он (Ермолов – Ю.А.) попал, был ему чужд, и понимать его он не видел надобности»³. Кроме того, генерал прибыл на Кавказ с прочным мнением, что всему виной были ханы, ориентированные на Персию, «мошенники, которые грабят там без памяти и в отчаяние приводят народы»⁴. В самой Персии генерал видел сохранявшийся «корень

¹ Потто В.А. Кавказская война: В 5 томах. Москва: Центрполиграф, 2006. Т. 1. С. 239.

² Там же. С. 242.

³ Гордин Я.А. Ермолов. Москва: Молодая гвардия, 2012. С. 353.

⁴ Цит. по: Гордин Я.А. Указ. соч. С. 337.

зла», которая всегда готова к подстрекательству и агрессии, в то время как «... Провидение предназначило Россию принести всем народам вплоть до самых границ Армении мир, процветание и просвещение...»¹. Одновременно это вовсе не означало, что российские власти согласятся мириться с тем, что местные ханы, которые «ставят себя не менее султанов турецких, и жестокости, которые турки уже стыдятся делать, ... по правам им позволительными»². Уже «Персия имела возможность увидеть, как Россия отвечает на происки азиатского варварства, и убедиться, что генералы императора Александра твердой рукой карают дерзких и вероломных»³.

Коварство персов, жестокости и буйство кавказских ханов, которые были связаны религиозными или родственными узами с персами, и в любой момент могли нанести коварный удар в спину России, вызывали стойкое стремление генерала А.П. Ермолова к их истреблению. Он с ними не церемонился. Северо-Восточный Кавказ был в определенной мере структурирован институционально-политически и подразделялся на ханства и вольные горские общества. Генерал Ермолов имел дело долгое время с ними. Ханства были более понятны, так как представляли собой вид местных деспотических монархий традиционного типа, выросших из вождества. А.П. Ермолов считал их образцом «всего нелепого, злодейского самовластия и всех распутств, уничижающих человечество»⁴. Вольные горские общества (чеченские или дагестанские) имели для российской стороны менее выраженную физиономию, устройство и функционирование которых предстояло разгадать.

Генерал А.П. Ермолов с 1817 г. принялся с энтузиазмом разрушать северокавказские ханства, «стыдящие нас своим бытием»⁵, и намеревался

¹ Ван-Гален Хуан. Два года в России // Кавказская война: истоки и начало. 1770-1820 годы. Серия: «Воспоминания участников Кавказской войны XIX века». Санкт-Петербург: Звезда, 2002. С. 414.

² Ермолов А.П. Кавказские письма. 1816-1860 / Отв. ред. Я.А. Гордин. Санкт-Петербург: Звезда, 2014. С.34; РГИА. Ф. 660. Оп. 1. Д. 111. Л. 31-34.

³ Ван-Гален Хуан. Указ. соч. С. 415.

⁴ Кавказские письма А.П. Ермолова М.С. Воронцову / Предисловие Я. Гордина. Комментарии Б.П. Миловидова. Санкт-Петербург: Звезда, 2011. С. 37.

⁵ Ермолов А.П. Кавказские письма. 1816-1860... С. 58.

ввести перемены и сделать опыт, «который без сомнения и правительству понравится»¹, добивался введения на Кавказе российской имперской системы управления. Вера в свою правоту и сопровождавший все его действия энтузиазм опирались на восприятие себя как представителя страны-освободительницы Европы от деспотизма, с которым Российская армия совсем недавно (в 1812-1814 гг.) воевала в Европе, а в 1817 г. продолжала свою миссию на Кавказе.

Против горских обществ А.П. Ермолов возводил линию укреплений «на дорогах и на подходах к склонам Кавказских гор... дабы тем самым принудить горцев... отступить от своих разбойничьих привычек и в иных принципах воспитывать своих детей под неусыпным надзором и покровительством русских гарнизонов, размещенных в этих крепостях»². Генерал А.П. Ермолов составил для себя программу действий на Кавказе, дабы наискорейшим образом привести его к европейским стандартам жизни, и «все подвиги мои состоят в том, что какому-нибудь князю грузинской крови помешать делать злодейства... воспретить какому-нибудь хану по произволу его резать носы и уши...»³.

Заперев горцев в горах при помощи линии крепостей, генерал Ермолов надеялся вразумить беспокойных обитателей малодоступных ущелий, но из этого вышел иной, чем ожидалось результат. Сами крепости превратились в раздражитель местным племенам, «источником военной добычи, местом приложения сил воинственной молодежи»⁴. В ответ в 1807 г. несколько чеченских аулов, в том числе большое селение Атаги, были стерты с лица земли отрядом генерал-майора С.А. Булгакова⁵.

Нараставшее недовольство между сторонами привело также к восстанию в Кабарде в 1825 г., которое было жестко подавлено российскими

¹ Там же; РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 1381. Л. 49-50 об.

² Ван-Гален Хуан. Указ. соч. С. 364.

³ Ермолов А.П. Кавказские письма. 1816-1860... С. 57-58.

⁴ Лапин В.В. «Убедить непокорные племена в превосходстве нашего оружия...». Военные планы покорения Кавказа // Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. Санкт-Петербург: Звезда, 2005. С. 10.

⁵ Там же.

войсками. Но это не остановило разрастания войны и распространения её почти на все пространство Северного Кавказа. В военное противоборство постепенно втягивались все новые горские общества. Война сделалась затяжной и изнуряющей для всех участников. Слишком быстрая, по местным меркам, унификация кавказского края, проводимая Российским государством руками чиновников и вооруженных сил «в соответствии с общероссийской цивилизационной моделью грозила большими неприятностями»¹. Уполномоченные государством агенты стремились местное северокавказское политико-административное и социально-экономическое пространство превратить в южное продолжение Российской империи.

Наиболее жестким получилось противостояние местных миров с «русским цивилизационным проектом» в высокогорных районах Чечни, Дагестана и Черкесии, которые приобрели там форму очаговой локальности. На равнинах и предгорьях такое противостояние было относительно быстро преодолено. Как подметил британский исследователь Чарльз Кинг, «на практике экспансия России на Кавказе всегда была вопросом высоты, а не широты»², потому как само явление, так и сам термин «завоевание Кавказа» можно применять по большей части «к областям, которые мучили имперских стратегов: к районам высокогорья Кавказа»³.

Генералом А.П. Ермоловым внедрялся в горах весьма эффективный метод установления прочного военно-политического контроля над горскими территориями, которые охватывались сетью прорубавшихся через дремучие леса просек, устройством дорог, возведением на стратегических направлениях крепостей, которые блокировали непокорных горцев в ущельях Большого Кавказского хребта. Русские работали и уповали не только на пушки, ружья и штыки, но и на топоры, кирки и лопаты⁴. Генерал Ермолов ранее других понял, что Северный Кавказ нельзя покорить штурмом

¹ Дегоев В.В. Указ. соч. С. 28.

² King C. The Ghost of freedom. A History of the Caucasus. New York: Oxford university press, 2008. P.38.

³ Ibid. P. 39.

⁴ Дегоев В.В. Указ. соч. С. 30.

– только долгой, терпеливой каждодневной работой и планомерной осадой, добиваясь предельного ограничения свободы действий и истощения средств существования у своих противников¹.

В северо-восточной части Кавказа, которая тогда русскими считалась главной цитаделью горского сопротивления, выстраивалась генералом Ермоловым опасная для горцев стратегическая ситуация, в рамках которой предполагалось «не только блокировать горные районы Чечни и Дагестана с севера, но и разделить эту территорию на несколько изолированных зон, где оборонительные возможности горцев будут сведены до минимума...»². К этому следует добавить, что «осадную» работу генерал Ермолов сочетал с одновременными ударами по наиболее важным для горцев локациям.

Кавказская линия в 1825 г. находилась в смятении: Кабарда была объята восстанием, а партии закубанских черкесов, переправившись через Кубань, громили и грабили русские села. Вызревал бунт в Чечне. Там предприимчивый Бей-Булат собирал под свои знамена рассеянные силы противников русских, «искусно волнуя и подстрекая в то же время на Кумыкской плоскости андреевцев указанием на кровь лучших людей их, напрасно пролитую русскими в Герзель-ауле»³.

Собрав походный отряд, в который, наряду с армейскими частями вошли 3 сотни донских казаков, генерал Ермолов выступил в сторону Кумыкской плоскости. По пути к намеченному пункту отряд пополнился ещё 3-мя сотнями линейных казаков, взятых в станице Червленной. Войска не допустили прорыва Бей-Булата в Кумыкию: он отступил в Ханкальское ущелье, намереваясь угрожать оттуда коммуникациям и ближайшим крепостям. Произошедшее вскорости столкновение отрядов Бей-Булата с русскими вынудило его отступить за Гойту. На этом противостояние не закончилось. В ноябре 1825 г. чеченские партии грабили казачьи хутора на

¹ Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. Статьи, очерки, эссе. Москва: Русская панорама, 2001. С. 159.

² Там же. С. 163.

³ Потто В.А. Кавказская война: В 5 т. Москва: Центрполиграф, 2006. Т. 2. С. 130.

левом берегу Терека. Гребенские казаки, бросившись навстречу неприятелям, атаковали чеченцев в шашки. После яростного столкновения горские наездники бросили пленных и добычу, захваченную на хуторах, отступили и скрылись за Теремом¹.

В январе-феврале 1826 г. русские армейские части и казаки, выйдя из крепости Грозной, перешли через Ханкальское ущелье и заняли аул Большие Атаги. Затем был форсирован Аргун и начался погром чеченских селений Белготой, Гарменчуг, Шали (эти два последние, главнейшие и богатейшие, попросили пощады и выдали аманатов), Алды. Затем русские прошли через дремучие леса, находившиеся по рекам Гойта и Гехи, и после жарких сражений взяли и сожгли аулы Белакай, Урус-Мартан, Рошня, Гехи, Даут-Мартан. Жители селений, располагавшихся по Сунже, изъявили покорность².

По приказу генерала Ермолова русские стали рубить широкие просеки в лесах за Сунжей – от Алхан-Юрта до Гехи и Урус-Мартана, что переломило ситуацию. К концу мая 1826 г. бунт в Чечне угас окончательно. Горцы ненавидели генерала и называли «русским шайтаном»³, который был способен пройти через самые укрепленные их цитадели и разгадать самые изощренные их планы.

Дагестан в 1821-1826 гг., испытав на себе «силу русского оружия» и «отчасти поняв мирные цели северных пришельцев»⁴, переживал относительно мирный период в отношениях с российскими властями, хотя воинственный быт не мог быстро уйти из местной повседневности. По этой причине мирное течение событий часто прерывались спорадическими «эпизодами местных смут, быстро возникавших и быстро исчезающих, потому что массы населения были пока на стороне мира с русскими»⁵.

Однако там подспудно вызревала весьма опасная для русских идеология мюридизма, которую мулла Кодухский и мулла Гаджи

¹ Там же. С. 132-133.

² Там же. С. 135.

³ Дегоев В.В. Указ. соч. С. 164.

⁴ Потто В.А. Указ. соч. С. 234.

⁵ Там же. С. 234.

Казикумухский опробовали в 1825 г. в Чечне, будучи сподвижниками Бей-Булата. Среди чеченцев они выступали с речами и указывали на муллу Курали Магому, которого «Бог избрал его для освобождения от русских»¹. Призывы к войне с неверными, «пытающимися уничтожить или исказить магометанство», способны были сплотить горцев, «заместить недостающую идею национального единства»², которой в горах Чечни и Дагестана тогда не было.

После значительного ослабления ханской власти на территории Северо-Восточного Кавказа, идеология мюридизма не только и не столько выступала как явление чисто религиозное, но также постепенно превращалась в явление социально-политическое³, в инструмент воодушевления и сплочения горских масс для отстаивания их интересов и защиты традиционного существования против нововведений, внедрявшихся русскими.

Местные ханы не препятствовали распространению религиозных идей мюридизма, и не только от недостатка возможностей борьбы с ними, но также имели в виду «использовать начинающееся движение в своих целях, для объединения всего Дагестана при поддержке Ирана»⁴. В этой связи можно отметить, что распространению мюридизма сильно содействовало обострение русско-персидских отношений в 1825 г., быстро переросшее в войну между соседними державами.

«Осадную» стратегию генерал Ермолов реализовывал также в Кабарде, заблокировав крепостями выходы на равнину из главных ущелий. Между кабардинцами и русскими возникало много поземельных споров, а «неуклонность строгих мер, введенных Ермоловым, уже давно вызывали неудовольствие и ожесточение»⁵ среди кабардинских княжеских фамилий.

¹ Цит. по: Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля / Под ред. В.Г. Гаджиева, Н.Н. Покровского. Москва: РОССПЭН, 2009. С. 228-229.

² Там же. С. 236.

³ Там же. С. 236.

⁴ Там же. С. 262.

⁵ Потто В.А. Указ. соч. С. 405.

Неуступчивость русских и нежелание кабардинцев поступиться своими правами и привилегиями привела к тому, что многие аулы последовали за своими князьями, эмигрировав за Кубань, где становились «лютыми врагами всего русского»¹.

Раскинувшись на предгорных территориях, Кабарда не имела крепких рубежей, которыми обладали Закубанье, Чечня и Дагестан, а потому была доступной для русского присутствия. Кабардинские князья вынуждены были до времени мириться с русским влиянием, но, когда, по мнению многих князей и местных исламских религиозных деятелей, русское управление стало переходить всякие границы и разрушать устои их традиционного существования, они решились защищать «веру и учреждения свои»², выступив с оружием в руках против российских нововведений, желая также вернуть себе прежний статус и господствующие позиции на Северном Кавказе.

В течение марта – ноября 1825 г. российские войска заблокировали все выходы из ущелий и отняли у кабардинских повстанцев возможность бегства за Кубань. Все попытки прорыва жестко пресекались. В поисках спасения часть непримирившихся кабардинцев ушли по горным тропам в Карачай и Чечню. К концу декабря 1825 г. военные действия в Кабарде прекратились, а восстание подавлено. Восстание в Кабарде не было столь массовым и сплоченным, как это было в Чечне. Недовольные российскими нововведениями кабардинские князья не сумели создать себе массовой социальной поддержки и преодолеть взаимную враждебность.

В северо-западной части Кавказа А.П. Ермолов не успел внедрить избранную им «осадную» систему до своей отставки и убытия в Россию.

Можно констатировать, что генерал А.П. Ермолов получил результат, совершенно противоположный тому, на который рассчитывал. Его жесткие репрессии способствовали распространению среди горцев идей мюридизма,

¹ Там же.

² Там же. С. 297.

которые смогли подтолкнуть к единению разрозненные горские общества и сделались знаменем борьбы с Россией. Кроме того, генерал Ермолов немало содействовал косвенным образом выдвижению в горах Дагестана и Чечни новых вождей мюридизма (Гази-Магомед, Гамзат-бек и Шамиль), которым удалось не только сплотить вокруг себя горцев разного этнического и социального происхождения, организовать их на наднациональной основе в рамках имамата – горского исламского теократического государства, просуществовавшего в нагорной части Чечни и Дагестана с 1828-1859 гг.

Новые вожди стали альтернативой местным феодальным владельцам, не способным не только решить внутренние проблемы горских обществ, но и эффективно противостоять российскому имперскому социально-политическому проекту, внедрявшемуся в горах. Другим немаловажным поводом к созданию горского имамата стали победоносные русско-персидская война 1826-1828 гг. и русско-турецкая война 1828-1829 гг., лишивших на время кавказских горцев прямой поддержки единоверцев и подтолкнувших к отчаянным действиям под знаменем газавата.

Прибывший в декабре 1826 г. из Санкт-Петербурга специальный посланник императора Николая I генерал И.Ф. Паскевич, «возложил на Ермолова всю вину за удручающее положение дел на Кавказе, в частности за рост недовольства в бывших ханствах и за раздражение, заставившее Персию начать войну»¹ против русских, предрешив тем самым его отставку в марте 1827 г.

На Северо-Западном Кавказе активное противостояние русских с многочисленными адыгскими обществами развернулось только после войны с турками 1828-1829 гг. Вытеснив турок с побережья и отняв главный их оплот и плацдарм влияния на восточном побережье Черного моря – Анапу, российские власти могли начать планомерное наступление на адыгов, лишив их идейной и открытой военной поддержки османских султанов. Немало

¹ Баддели Д. Завоевание Кавказа русскими. 1720-1860 / Пер. с англ. Л.А. Калашниковой. Москва: Центрполиграф, 2007. С. 129.

проблем им создавало крейсерство военных судов Черноморского флота вдоль восточного побережья Черного моря¹. Для усиления изоляции прибрежных территорий кавказского побережья Черного моря стала возводиться Черноморская береговая линия (17 укреплений от Новороссийска до Гагр) в течение 1830-1840 гг.².

Кроме турок прибрежным горцам всячески стремились содействовать англичане, которые посылали на Северный Кавказ своих эмиссаров и морские суда с военным снаряжением и оружием³. Политические круги Британии отказывались признавать черкесов подданными России и всячески содействовали поддержанию вражды к русским среди горцев. В британском парламенте очень беспокоились, что завоевание русскими Кавказа даст России «неограниченную власть над Турцией, Персией и всеми странами Востока»⁴, чего они допустить не желали. Страсти настолько были накалены, что наиболее нервные парламентарии требовали «отправки британского флота в Черное море или даже превентивной войны»⁵. До времени британское правительство удерживалось от радикальных действий против России, но в консультациях со своими европейскими единомышленниками в отношении русских и их действий на Кавказе у англичан возникла идея «запретить всякое присутствие русского флота в Черном море»⁶ и которую они осуществят вместе с Францией накануне и во время Крымской войны 1853-1856 гг.

Однако вплоть до 1859 г., по-прежнему, основным театром военных действий (ТВД) на Северном Кавказе оставались Чечня и Дагестан, где с 1834 г. после утверждения власти 3-го имама Шамиля сопротивление

¹ Лазарян С.С., Клычников Ю.Ю. Польский сюжет в кавказско-черноморских реалиях XIX века. Москва: Проспект, 2024. С. 327-376.

² Лазарян С.С., Клычников Ю.Ю. Служба поляков в укреплениях Черноморской береговой линии и на судах Черноморского флота. 1830-1856 годы. Пятигорск: ПГУ, 2023. С. 41-48.

³ Лонгворт Дж. Год среди черкесов: В 2 т. / Пер. с англ. В.М. Аталиков. Нальчик: Эль-Фа, 2002; Спенсер Э. Описание поездок по Западному Кавказу в 1836 году / Пер. с англ. К.А. Мальбахов. Нальчик: Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 2008; Осли Э. Покорение Кавказа. Геополитическая эпопея и войны за влияние / Пер. с фр. Е.Д. Богатыренко. Москва: Плюс-Минус, 2008. С. 155-176.

⁴ Осли Э. Указ. соч. С. 173.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

русскому проникновению в горы приобрело организованные и идейно мотивированные формы и отличалось большим упорством. Против русских стали действовать хорошо структурированные сплоченные ополчения мюридов, которым имам Шамиль стремился придать форму регулярной армии. Кроме того, горцы обзавелись артиллерией, где основной контингент артиллеристов состоял из русских солдат-перебежчиков и польских дезертиров¹.

В 1840-1846 гг. имперские власти фактически утратили контроль над Чечней и Дагестаном. Война с горцами окончательно приняла затяжной характер. Разгром аулов и племенных ополчений не вел к ослаблению сопротивления русским усилиям. Не работали «буферные зоны», которые пробовали создавать военные власти из селений «мирной» части местных жителей, назначавшиеся прикрыть русские поселения и крепости от нападений непокорных горцев. Более того, сами созданные «буферные зоны» «становились объектом нападения мюридов, тогда как русские войска в большинстве случаев не могли их защитить»².

Русские войска неоднократно брали верх в сражениях над горскими ополчениями, но ситуация не менялась кардинально – горцы продолжали сопротивление, изменив тактику противостояния русским. Например, в 1839 г. генерал П.Х. Граббе штурмовал и разгромил аул Ахульго, пытаясь пленить имама Шамиля, но в результате не только не получили благоприятного течения дел в пользу русских, но способствовали росту авторитета горского предводителя и нашли ему новых приверженцев. До конца 1840 г. война возобновилась с новой силой и захватила не только Чечню, но и большую часть Дагестана, ознаменовавших дерзкими нападениями горцев на русские крепости (Моздок) и казачьи станицы или кровопролитным сражением на реке Валерик.

¹ Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. Москва: РОССПЭН, 2009. С. 449-451.

² Лапин В.В. «Убедить непокорные племена в превосходстве нашего оружия...». Военные планы покорения Кавказа // Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX - начало XX вв. Санкт-Петербург: Звезда, 2005. С. 15.

На Кавказском побережье Черного моря в 1840 г. неутешительными были усилия русских военачальников по укреплению обороны береговых укреплений. В столкновениях с местными горцами были потеряны 4 крепости, несмотря на храбрость и стойкость их гарнизонов¹.

Оценивая ситуацию 1840 года, Джон Баддели констатировал, что несмотря на то, что «в целом Россия добилась успехов непосредственно на полях сражений и тем не менее потеряла завоеванные ранее позиции»². Что касалось имама Шамиля – тот «теперь стоял во главе вооруженного народа, а его власть распространялась на территории от границ Дагестана до Владикавказа»³.

1841 и 1842 гг. прошли в жестких военных столкновениях. Генерал К.К. Фрезе штурмом взял аул Гергебиль и вернул под контроль России часть Аварии и Койсубу. Ответом стал налет имама Шамиля на Кази-Кумух, где был отстранен от власти правящий дом, и только наступление войск генерал-майора М.З. Аргутинского-Долгорукова поправило ситуацию. В 1843 г. ситуация оставалась неблагоприятной к русским. Силы имама Шамиля увеличивались, как и опасность его наступательной тактики. Российские отряды, пытавшиеся спасти аул Унцукуль от погрома, а жителей от резни, были разбиты, пал аул Цатаних. Перед русским командованием встал вопрос о спасении гарнизонов, расквартированных в крепостях в Аварии. Все они были захвачены мюридами после отчаянного сопротивления. Русские гарнизоны крепости Низовой и Евгеньевка отбивались из последних сил от нападавших горцев, но были спасены подоспевшим из Чечни генералом Р.К. Фрейтагом.

На 1844 г. царское командование планировало провести полномасштабное наступление на всем театре военных действий и восстановить или построить новые крепости для защиты, контролируемых

¹ Блиев М.М. Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. Москва: Мысль, 2004. С. 675.

² Баддели Д. Завоевание Кавказа русскими. 1720-1860 / Пер. с англ. Л.А. Калашниковой. Москва: Центрполиграф, 2007. С. 256.

³ Там же.

русскими территориями. Однако, «несмотря на колоссальные усилия, никаких существенных результатов достигнуто не было... Позиции Шамиля и его престиж остались неизменными»¹. Кроме того, год ознаменовался предательством султана Элису – Даниэль-бека, генерал-майора русской армии, перешедшим на сторону мюридов.

Наиболее тяжелым по своим результатам стал 1845 г., что было связано с неудачным походом графа М.С. Воронцова в горы, состоявшегося по настоянию императора Николая I, который стремился покончить с горским сопротивлением и его вождем. Понимая всю сложность своей миссии, граф М.С. Воронцов, не был уверен в положительном исходе похода, но не посмел ослушаться воли императора. Достигнув цели похода – взяв аул Дарго, ставки Шамиля, который оставил её незадолго перед приходом русских, войска вынуждены были возвратиться, поняв, что им не удастся закрепиться в горах.

Врагами русских были не только непримиримые к ним горцы, но и природа. Войска, измученные трудностями маршей и нехваткой провианта, вынуждены были возвращаться по голым горам Дагестана и через густые леса Ичкерии, где подвергались убийственным атакам мюридов. Отходящие и преследуемые горскими отрядами войска были спасены генералом Р.К. Фрейтагом².

Неудачный Даргинский поход, между тем, стал переломным моментом для осознания Петербургом сложности войны против непримиримых горцев, что также позволило графу М.С. Воронцову убедить императора в необходимости перемены стратегии покорения гор, перейти к разумной и методической системе, способной дать необходимый результат не только на театре военных действий, но изменить социально-политическую ситуацию в пользу русских, постепенно сократив не только военно-политические возможности имама Шамиля, но и лишить его широкой социальной

¹ Баддели Д. Указ. соч. С. 274.

² См.: «Даргинская трагедия. 1845 год». Серия: «Воспоминания участников Кавказской войны XIX века». Санкт-Петербург: Звезда, 2001.

поддержки среди местных жителей. М.С. Воронцов убедил Николая I отказаться от стратегии штурма в пользу методического и постепенного завоевания¹. Также немалую роль сыграло то, что князь М.С. Воронцов «существенно расширил сферу применения среди горцев гибкого социального лавирования...»².

В дальнейшем, начиная с 1846 г., военно-политические и социокультурные усилия Кавказских наместников – князя М.С. Воронцова и потом князя А.И. Барятинского – постепенно переломили ход дела в пользу России: Воронцов засеял поле, а Барятинский снял жатву, пленив имама Шамиля в ауле Гуниб в 1859 году³.

Таким образом, общая ситуация на северокавказском пограничье была противоречивой и неустойчивой. Долгое время политической и социальной неопределенности в крае содействовали геополитические претензии и соперничество трех сопредельных держав – России, Персии и Османской Порты – боровшихся между собой за доминирование на Кавказе, при растущем вмешательстве европейских игроков – Англии и Франции, стремившихся всячески вредить России.

Много лет не способствовала устойчивому развитию края Кавказская война, вылившаяся в долгое противостояние части непримиримых к русским горцев, ставшая результатом непонимания намерений и целей сторон, а также реакцией на нововведения, привносимые в горы русскими. Ситуация приняла необратимый характер и проявила свои черты и тенденции после пленения имама Шамиля и замирения северо-восточной части Кавказа к концу 50-х гг. XIX века.

¹ Лазарян С.С. Кавказ под управлением князя М.С. Воронцова (1844-1854 гг.). Москва: Проспект, 2022. С. 84.

² Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. Москва: Русская панорама, 2001. С. 203.

³ Каспари А.А. Покоренный Кавказ. Москва: Центрполиграф, 2016. С. 412-436; Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказская война. Москва: Росет, 1994. С. 546-547; Дегоев В.В. Указ. соч. С. 178-204.

1.2. Феномен казачества в истории региона

По подсчетам отечественных исследователей существует около 18 версий происхождения казачества¹. Все версии можно разделить на две традиции: от С.М. Соловьева, казаки – это потомки этнической группы, сформировавшейся в субэтнос; от М.К. Любавского, казаки – автохтоны степной зоны. С.М. Соловьев не разделял версию об автохтонном происхождении казачества. Он выводил казаков из исконно русского населения Руси, отправлявшегося на южную «украину», граничившую со степью, которая обуславливала постоянно необходимость выделения людей, «искавших приволья в степи, составлявших передовые дружины колонизации»².

С точки зрения М.К. Любавского, на границах государства со степью существовали территории, «уже приобретенные инициативой и средствами народа», составлявшего «элементы, стремившиеся оторваться от него (государства – Ю.А.) и уйти на вольную волюшку»³. Эти народные элементы представляли собой казачество, которое вело свое происхождение от домонгольских бродников, братавшихся и соединявшихся с разными «отщепенцами тюрко-татарских орд, ... от них перенимали различные названия, обычаи... привольная жизнь поглощала навсегда многих людей... К половине XVI в. эти бродники начинают утверждаться на постоянное жительство, заводят прочную оседлость...»⁴.

Если обобщить разные точки зрения, бесспорным является то, что казаки, прежде всего, есть феномен фронта, элемент, который формировался стихийно и естественным образом на протяжении достаточно

¹ Бочарников И.В. Феномен казачества в истории Российского Отечества URL: <https://nic-pnb.ru/analytics/fenomen-kazachestva-v-istorii-rossijskogo-otechestva/?ysclid=mh7njq8v6t273631010> (Дата обращения: 27.10.2025); Черников В.В. Казачество в истории России. Москва: Айрис-пресс, 2013; Гордеев А.А. История казачества. Москва: Вече, 2006. С. 12-14.

² Соловьёв С.М. История России с древнейших времен: В 18-ти книгах. Москва: Мысль, 1989. Кн. 3. Т. 5-6. С.670.

³ Любавский М.К. История русской колонизации, или как возникла империя. Москва: Вече, 2021. С.210-211.

⁴ Там же. С. 211.

длительного периода и был следствием как внутренних общественно-государственных, так и внешних военно-политических процессов и событий, разворачивавшихся вокруг России. Казаки были «передовыми русскими бойцами», стремившимися на окраины государства за черту оседлого жилья, где общая опасность сплачивала их в особый род военного братства¹.

Само название этих людей – казаки – люди вольные, никому не подвластные, свободные². Историк XIX в. В.Д. Сухоруков характеризовал казаков, как отважных наездников, живших набегами и войной, не привязанных к земле и домовитости³. Казаки «как лихие конники с копьями и саблями – на суше и отважные мореходы – на море, представляя передовой оплот великого славяно-русского племени ... осталось победителем над всеми своими многочисленными врагами»⁴.

Казачество выросло из сообществ вольных воинов, разбросанных по российским окраинам, поселявшихся в полосе неустойчивого и ещё не оформившегося государственного пограничья, вмещавшего в себя всю гамму разнообразных угроз, а также возможностей вольного пространства, находившегося в переходном состоянии. Доминантом, во многом определявшим образ жизни казаков, был фактор постоянной военной опасности, воплощавшей экзистенциальное состояние месторазвития, избираемого той или иной группой людей, вынужденных формировать военизированные сообщества для обеспечения самозащиты и выживания.

Другой историк имперского времени И.Д. Попко считал, что феномен казачества мог быть связан с поисками выхода для большого числа русских людей, не желавших мириться с татарским порабощением и искавших для себя товарищей и поприща, способных возратить им волю и самоуважение. По мнению этого историка, в казачестве «нашла своё продолжение дружина

¹ Потто В.А. Два века Терского Казачества (1577-1801). Владикавказ: Типография Терского Областного Правления, 1912. Т. 1. С. XI.

² Савельев Е.П. Древняя история казачества. (Историческое исследование). Новочеркасск: Донской печатник, 1915. Ч. 1. Вып. 1. С. 1.

³ Сухоруков В.Д. Историческое описание земли войска Донского: В 2-х томах. Новочеркасск, 1867. Т. 1. С. 32.

⁴ Савельев Е.П. Указ. соч. С. 11.

после того, как татарское порабощение лишило её подобающего места при княжеском столе... в казачестве долго-долго потом отыскивал русский человек дружинной замашки, ту волю и ту добрую долю, которые отнял татарин... когда же не стало свободного вождя – князя, на его место стал атаман»¹.

Предоставленные самим себе предприимчивые люди составляли шайки и пускались в «вольное молодечество». Со временем насобиралась особенная группа казаков-бездомовников, составленная бойкими и смелыми людьми, выученниками «степной воли и тревоги, нужды и добычи, существование которых в разных видах» никогда не прекращалось. Они спускались в низовья Дона и гуляли по Волге в надежде собрать добычу в ордынских улусах². Казаки из бывших «осиротелых» княжих дружинников, носители военного братства и молодечества, «не свычные с трудом черных пашенных людей»³, направлялись во многие отдаленные и укромные места, добирались до Каспийского моря и его побережья, в том числе до устья р. Терек, недосягаемого для погони московских людей.

Военизированность и охранительно-оборонительная направленность вольных сообществ (в данном случае на Северо-Восточном Кавказе) вызывались неустойчивостью взаимодействий и агрессивным характером ситуативных субъектов, населявших или претендовавших контролировать порубежное пространство и линию фронта, видевших там поле для удалства и поживы примерно со второй половины XVI века, когда начали формироваться общины вольных терских и гребенских казаков⁴. Набор факторов окружавшей естественной и социально-культурной среды расселения казаков содействовал становлению их организации в виде милитарных сообществ с выборной системой управления и

¹ Попко И.Д. Терские казаки со стародавних времен. Санкт-Петербург, 1880. Вып. 1. С. 5.

² Там же. С. 7.

³ Там же. С. 9.

⁴ Бочарников И.В. Феномен казачества в истории Российского Отечества URL: <https://nic-pnb.ru/analytics/fenomen-kazachestva-v-istorii-rossijskogo-otechestva/?ysclid=mh7njq8v6t273631010> (Дата обращения: 27.10.2025).

демократическими порядками в повседневном существовании. Как отмечает И.В. Бочарников, «главными критериями в процессе отбора – принятия в казаки – было соответствие установленным в казачьих общинах морально-этическим нормам и боевым качествам»¹. С этнографической точки зрения состав казаков был многонародный: славяно-русский элемент пополнялся выходцами из ближних и отдаленных «украин», в пределах которых организовывались казачьи городки².

Казаки обладали личной свободой и социальным равенством. Главным властно-управленческим органом общины был казачий круг, на котором обсуждались и принимались решения, касавшиеся организации внутренней жизни, избирались атаманы и другие должностные лица, творился суд. Там же обсуждались вопросы внешнего характера. В повседневной жизни военизированный быт сочетался с аграрно-производственной деятельностью.

Когда пределы Московского царства раздвинулись до побережья Каспийского моря, русские пришли в соприкосновение с миром кавказских народов и форпостами персидского влияния. Тогда же на южном порубежье Русского государства стал формироваться своеобразный «пояс безопасности», который вольно или невольно (стихийно) составили казачьи общины, защищавшие себя и одновременно южные пределы России от многочисленных агрессивных сообществ, которыми всегда наполнено фронтирное порубежье. В этой связи Е.П. Савельев считал, что «казаки отстояли для России весь юг...»³. Поселившись на гребнях гор между реками Терек и Сунжей, казаки первоначально «Гребенского войска, как организованной единицы ещё не составляли»⁴. Но исторически так случилось, даже в какой-то мере получалась предопределенность, что куда бы ни бежали русские выселенцы, «за ними по пятам шло русское царство»⁵, а И.Д. Попко дополнил эту отмеченную тенденцию констатацией того, что

¹ Бочарников И.В. Феномен казачества в истории Российского Отечества...

² Потто В.А. Кавказская война: В 5 томах. Москва: Центрполиграф, 2006. Т. 1. С.11-12.

³ Савельев Е.П. Указ. соч. С. 3.

⁴ Потто В.А. Два века Терского Казачества... С.17.

⁵ Там же.

«куда не забегут русские люди, хотя бы «самодурью» без видимой государственной цели, туда придет и русское царство»¹.

В правление царя Ивана IV Грозного (1533-1584 гг.) началось сближение интересов Русского государства и казаков, расселявшихся вдоль реки Терек. Этот царь первым из российских государей осознал значение казаков как естественного союзника в борьбе с враждебными силами, концентрировавшимися на южных оконечностях расширявшихся границ страны. Сообщества казаков выступали на стратегически важных направлениях реализации государственных интересов форпостом и колонизаторским инструментом растущего Русского государства. Этот царь стал приручать казачью стихию к постоянно укреплявшемуся сотрудничеству государственной организации и свободолюбивой вольницы, постепенно осознававших необходимость друг в друге в условиях беспокойных «украин», в данном случае на Тереке².

Убегая от государства, казаки невольно создавали ему новые границы и оказывались сами в его рубежах, приобретая роль передового форпоста государственных целей. По мнению В.А. Потто, «роль эта не являлась для них чем-нибудь неожиданно новым... Отсюда был уже один только шаг до образования вольного казачьего войска»³.

Исследователи казачьей истории высказывают различные мнения по поводу происхождения казаков, расселившихся в северо-восточной части Северного Кавказа, прежде всего тех, кто осваивал низовья реки Терек. Причина разномыслия кроется в том, что отсутствуют какие-либо письменные документы или свидетельства, которые можно было бы предъявить в качестве доказательства той или иной точки зрения. Большая часть ранней истории терских казаков опирается на устные предания самих казаков, искаженных временем и причудливыми поворотами человеческой памяти.

¹ Попко И.Д. Указ. соч. С. 1.

² Бочарников И.В. Феномен казачества в истории Российского Отечества...

³ Потто В.А. Два века Терского казачества... С. 17.

Что же касается тех казачьих общин, которые поселились на гребнях гор, то картина их исторического прошлого предполагает их выходцами с Дона, выделившихся из основного войска¹. С другой стороны, И.Д. Попко считал гребенских казаков выходцами из Рязанской земли, несогласными с присоединением своей родины в состав Московского государства².

А.А. Ржевуский объединяет обе гипотезы ранней истории Терского и Гребенского казачества, высказывая мнение об их общем происхождении из субстрата рязанских, донских и волжских молодецких людей, водившихся с ушкуйниками, которым расширение пределов Московского царства грозило немилостью властей. Одновременно он подчеркивает, что этот разномастный контингент, по крайней мере, часть его, достигнув устья реки Терек, не остались там, а продолжили свой путь и поселились на гребнях гор при впадении реки Аргун в реку Сунжу³.

Поселившиеся там казаки крепко держались на своих гребнях, получая подмогу от кабардинских князей, земли которых прикрывали от неприязненных к ним татар и турков. Казакам в том деле также много помогали жившие по соседству чеченцы, от которых гребенские казаки брали себе жен⁴. Домашний быт также складывался под сильным влиянием соседей. Часто казаки возводили себе жилье в виде саклей, внутреннее убранство которых мало отличалось от горского (чеченского). Казаки вслед за горцами упражнялись в джигитовке для поддержания должного уровня военной сноровки в новых кавказских условиях.

Расположение казачьих поселений на гребнях гор отвечало стратегической и хозяйственной целесообразности. Река Терек обеспечивала связь с Каспийским морем и Волгой, откуда могла прийти помощь от новых вольных людей и куда можно было уйти в поисках спасения при опасном для гребенских казаков развитии событий. В окрестных лесах водилась в

¹ Там же. С. 12; Ригельман. История или повествование о Донских казаках. Москва: Университетская тип., 1846. С.138-140; Бентковский И.В. Гребенцы. Москва: Рус. типо-лит., 1889. С. 3-5.

² Попко И.Д. Указ. соч. С. 18.

³ Ржевуский А.А. Терское казачье войско. Москва: Вече, 2014. С. 8-9.

⁴ Там же. С. 11.

изобилии дичь, а в речках, сбегавших с гор в Терек, водилось немало рыбы. Как отмечает Л.Б. Заседателяева, «охота, рыбная ловля, сбор дикорастущих плодов, которыми так богат был новый край, имели сначала большее значение, чем приусадебное земледелие огороднического типа»¹.

Ситуация кардинально изменилась к исходу XVII в. Бывшие в приятельстве с гребенскими казаками чеченцы сделались их злейшими врагами², а положение казаков так невыгодно изменилось, что им пришлось переселиться за Терек. Кроме того, после принятия частью кабардинцев русского подданства, другая их часть отказалась принять над собой начальство России, что спровоцировало гражданское междоусобие между кабардинцами, в которое неизбежно были втянуты казаки.

В сложившейся обстановке никакой мирный труд не мог более существовать без вооруженной охраны, тем более что набеги горцев подорвали под корень казачье хуторское хозяйство. Например, постоянно растущий натиск чеченцев вынудил казаков переселиться за р. Сунжу и оттуда отвечать встречными набегами на чеченцев, жечь их хутора и отгонять их скот. Неприязнь и вражда между ними постепенно росла и приняла вид почти непреходящей непримиримости. Эти события и направленность их хода подтолкнули терских и сунженских казаков к мысли о создании казачьего войска, объединившего все их отдельные небольшие общества. Тогда же стали образовываться первые 5 станиц гребенских казаков – Червлённая, в 1567 г. Щедринская, в 1569 г., Старогладковская, Новогладковская, Курдюковская, к которым постепенно прибавились станицы Калиновская, Николаевская, Шелковская, Гребенская и Шелкозаводская. По мнению В.А. Потто, станица Червленая располагалась в наиболее безопасном месте, ограждённая другими казачьими городками, куда отсылались все пленные и все выбегавшие из гор³.

¹ Заседателяева Л.Б. Терские казаки (середина XVI- начало XX в.). Историко-этнографические очерки. Москва: МГУ, 1974. С. 187.

² Лаудаев У. Чеченское племя // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1872. Вып. 2. С. 26-27.

³ Потто В.А. Два века Терского казачества... С. 21.

Помимо государственной службы они продолжали совершать налеты на горских соседей и не только в качестве ответной меры, должной урезонить беспокойных соседей, но как отмечал В.А. Потто, «такие налеты, составлявшие поэзию казачьей жизни, воспитывавшие дух их ... предпринимались ими не для одной добычи, не по нужде «добыть себе зипунов» , а просто из лихого молодечества, из желания окурить порохом молодежь, незнакомую ещё с боевыми опасностями...»¹. В данном случае явно обнаруживалось влияние горских соседей на гребенских казаков, которые в жизненных повадках своих если не копировали, то сильно сблизилась с местными обычаями повседневного существования своих горских визави. При этом тот же В.А. Потто подчеркивал, что гребенские казаки «никогда не жили на счет мирных обитателей русской земли, а только за счет врагов своего народа, своего отечества... эта характерная черта, прошедшая через всю историю войска красною нитью»².

Совсем иным было происхождение Низового терского казачества, первоначальный контингент которого составляли беглые, безродные, бездомные, гулящие люди – так называемые «воровские» казаки, – сбегавшиеся со всех концов Московского царства. В этой связи Терек представлял собой локацию, значительно удаленную от метрополии, и потому бывшую удобной для индивидуальной миграции или миграции малых групп. Терек поглощал на протяжении длительного времени большое число разного рода этнических отщепенцев, сделавшись «этническим котлом», в котором варилось особенное общество, отражавшее транзитные формы своего происхождения. По мнению Л.Б. Заседательевой, для людской разношерстной массы транзитным центром людской перевалки стал Дон, который время от времени разбрасывал разноликие социальные элементы в низовье Волги, Яика и Терека³.

¹ Там же. С. 29.

² Там же. С. 30.

³ Заседательева Л.Б. Терские казаки (середина XVI - начало XX в.). Историко-этнографические очерки. Москва: Изд-во МГУ, 1974. С. 179.

В устье р. Терек вольные сообщества находили удобные зимние стоянки и обильные рыбные и охотничьи угоды и промыслы, за счет которых кормились. Там же укрывались те, кто спасался от преследования царских воевод, очищавших Волгу от разбоев. Многих терских поселенцев эта локация привлекала потому, что была отделена от Московской метрополии широкой полосой южных степей, на которой кочевали скотоводческие народы – ногайцы, астраханские татары, северокавказские тюрки, которые своим существованием прикрывали их присутствие на Тереке, делали их незаметными для Московских царей.

В эту приморскую местность стекались также разные выходцы из кабардинцев, кумыков, чеченцев, ногайцев, армян, поляков, грузин, закубанских черкесов и многих других беглецов, не особенно афишировавших свое этническое и социальное происхождение. Все они вместе со славяно-русским элементом были людьми одного пошиба, а потому легко находили общий язык и уживались друг с другом¹. Эти люди, «перероднившись со своими затеречными соседями, приняли их одежду, образ жизни и даже некоторые обычаи, что явилось у них простым результатом общего закона применения к тем или другим условиям жизни»².

Помимо этнического многообразия терские казачьи общества отличались чрезвычайной подвижностью и «наклонностью к морскому молодечеству, школой для которого был рыболовецкий промысел»³. Тесно общаясь с горскими народами, казаки перенимали от них определенные черты военного быта, методы ведения войны и набегов за барантой⁴.

В нижнем течении Терека, образовалось потаенное и безопасное убежище для всех и всяких бывших не в ладах с обычаями и законами людей, забиравшихся «в непролазную глушь приречных камышей»⁵, чтобы скрыться там от своих врагов и залечить свои раны, отлеживаясь в куренях (шалашах).

¹ Ржевуский А.А. Терское казачье войско. Москва: Вече, 2014. С. 12.

² Потто В.А. Два века Терского казачества ... С. 13.

³ Ржевуский А.А. Указ. соч. С. 13.

⁴ Северный Кавказ в составе Российской империи. Москва: Новое литературное обозрение, 2007. С. 60.

⁵ Потто В.А. Два века Терского казачества... С. 21.

Терские казаки, совершая набеги, захватывали женщин, на которых женились и расселялись по берегам Терека. Семейные казаки, составляя наиболее устойчивую часть местного казачества, численность и состав которого постоянно менялся, так как бездомовые и бродящие казаки часто отплывали на Волгу и также часто приливали с Волги на Терек.

В отличие от гребенских казаков, православных в своем большинстве, низовое разноплеменное и разнопородное казачество не имело каких-либо общих духовных скреп, кроме общности судьбы. Долгое время жили они «разбросанными юртами по разметам терского устья и держались ватагами по ближайшим островам для производства рыбного промысла»¹, а также морского молодечества (пиратства), осуществлявшегося ими по Волге и Каспию, во время которых многие гибли и тонули. Завладев и укрепившись на острове Чечень в Каспийском море, который отстоял от берега «на полдня парусного плавания»², казаки получили возможность контролировать значительные участки моря и побережья.

После возведения по воле Ивана IV Грозного в 1567 г. на левом берегу р. Терек крепости Терский город или Терки, терские казаки, принеся повинность русскому царю, стали там отбывать государственную службу, которая состояла из объездов, несения караулов на заставах, ближних и дальних посылок, охране речных переправ и походах вместе с царскими войсками против Тарковского шамхала³. Кроме того, многие служилые люди неславянского происхождения, по большей части, наряжались в сопровождение торговых караванов и посылались в разведки в шамхальские, кабардинские и ногайские земли на Куму, Кубань и даже в Крым⁴. Таким образом Терское казачье войско образовалось позднее Гребенского казачьего войска и проживало в низовьях Терека, около моря, и на гребнях никогда не появлялось.

¹ Там же. С. 22.

² Ржевуский А.А. Указ. соч. С. 13.

³ Потто В.А. Два века Терского казачества... С. 10.

⁴ Попко И.Д. Указ. соч. С. X.

Между тем турецкий султан был очень обеспокоен и недоволен появлением терских казаков, которые стали много вредить «турским» людям, «на перевозах и топких местах на них нападают, а иных в полон емлют»¹. Потому терские казачьи городки подвергались по указаниям из Стамбула частым опустошениям со стороны кубанских и крымских татар, к которым присоединялись шамхальские люди. Кроме того, Терское войско немало вынесло бедствий от наводнений и от болотного климата, среди которого были устроены казачьи юрты.

С середины XVII в. на Терек устремились раскольники-старообрядцы. Смуты в России постоянно способствовали пополнению рядов гребенских и терских казаков. Туда же подались остатки отряда Ивана Заруцкого, после взятия Астрахани московскими ратными людьми. Беглецы-старообрядцы поселялись в городках гребенских казаков, в то время как в ряды низового казачества вливались беглые крестьяне и прочая голытьба, выбегавшая из пределов Московского царства. На Терек также ссылались разного рода опальные элементы, литовские и ливонские пленные, к которым примыкали искавшие воли «гуляющие» люди. Однако местные условия жизни способствовали тому, что к началу Петровского времени из этого многолюдства едва ли выжила третья часть².

После овладения Петром I Азовом в 1696 г. в терских и гребенских станицах праздновали эту победу так же, как её праздновали в Москве. Для терских и гребенских казаков это событие было утешением за многие казачьи головы, положенные им ранее под Азовом. Русские границы устремились на юг – «в сторону Кубани и Кавказа»³. Для российских государей Кавказ «был ключом, без которого невозможно было овладеть обширными равнинами и запереть их от вторжений все новых и новых племен и народов...»⁴. Потому казаки, располагавшиеся у кавказских границ, сделались «не войском,

¹ Потто В.А. Указ. соч. С. 28.

² Ржевуский А.А. Указ. соч. С. 16.

³ Черников В.В. Указ. соч. С. 58.

⁴ Потто В.А. Кавказская война: В 5 томах. Москва: Центрполиграф, 2006. Т. 1. С.7.

делающим только кампанию, а скорее воинственным народом, созданным Россией и противопоставленным ею воинственным народам Кавказа»¹, бывшие одновременно «пионерами русского владычества на Кавказе»².

По мнению Н.А. Смирнова, «поселения вольных русских людей на Тереке (гребенские казаки) с самого начала своего существования были связующим звеном России с народами Северного Кавказа, в частности с кабардинцами»³ и тарковскими кумыками. По мере сближения интересов казаков и Российского государства казачество из состояния вольных людей постепенно переходило в служилое сословие Московских царей, а затем государей Российской империи⁴, сделавшись не только надёжным стражем южного порубежья, но и колонизаторами новых пространств, раздвигавшими границы России в южном и восточном направлении. Что касалось Кавказа, то дело России там долгое время в течение XVII-XVIII вв. не было окончательно упрочено и продолжалось почти исключительно силами и отвагой казаков⁵.

Как отметил В.А. Потто: «До Петра Великого служба правительству, совместно с его войсками, входила в расчет вольного казачества в общем и главном – по свойству его русской природы, исповеданию православной веры и тяготению к своему царю и отечеству»⁶. В связи с этим «казак-колонизатор явился вернейшим слугою Российского государства, а государство, в свою очередь, стремилось поддерживать своего пионера. Ни казаку не удержаться бы перед горцами без помощи государства, ни государству не завоевать бы Кавказа с одною регулярной армией без помощи оседлого казака»⁷, сделавшегося к указанному времени «довольно

¹ Там же. С. 8.

² Ржевуский А.А. Терское казачье войско. Москва: Вече, 2014. С. 3.

³ Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI-XIX веках. Москва, 1958. С. 26.

⁴ Гордеев А.А. История казачества. Москва: Вече, 2006. С. 3.

⁵ Лазарян С.С. Становление предпринимательства в регионе КМВ. 1780-1917 гг. Пятигорск: Спецпечать, 2003. С. 15.

⁶ Потто В.А. Два века Терского Казачества (1577-1801). Владикавказ: Типографии Терского Областного Правления, 1912. Т. 2. С. 1.

⁷ Владыкин М.Н. Путеводитель и собеседник в путешествии по Кавказу: с приложением карты Кавказа с железными дорогами. В 2-х частях. Москва: Типография И.И. Родзевича, 1885. Ч. 1. С. 93.

значительной и сильной народной общиной»¹, способной предложить свою службу Российскому государству в борьбе с их общими врагами. С этого момента ни одно военно-политическое событие, совершавшееся на Кавказе по воле российских монархов, не проходило без участия терских и гребенских казаков. Одновременно при быстром ходе Петровских реформ «бесследно стали исчезать старинные порядки, а вместе с ними бесповоротно уходило в область преданий и время вольного казачества»². Возникавшие среди казаков и старообрядцев-раскольников недовольства новым положением дел проявлялись в редких бунтах, которые быстро подавлялись железной рукой российского самодержца. Утверждалось правило безусловного повиновения царю.

В 1711 г., когда царь Пётр Алексеевич ходил в Прутский поход, гребенские казаки вместе с союзными русским кабардинцами под командой графа П.М. Апраксина сильно погромили кубанских татар-союзников османских султанов. В 1712 г. гребенские казаки по призыву графа Апраксина перенесли и расположили свои городки вдоль Терека, образовали кордонную линию протяженностью в 80 верст. С этого времени Гребенское войско стало выставлять на государеву службу до 1000 казаков, из которых половина состояла на хлебном и денежном довольствии от государства, а другая половина служила «с воды да травы», без всякого содержания охраняла казачьи городки³. Окрестные беспокойные соседи (чеченцы и шамхальцы) совершали на казачьи станицы воровские набеги и грабежи, вынуждая казаков «день и ночь не выпускать из рук оружия»⁴. Приходилось постоянно быть на стороже, охранять себя и свою семью, свой дом, свои табуны скота и лошадей, свои виноградные сады и поля от воровства и потравы. Малейшее замешательство или оплошность приводили к чьей-нибудь смерти, плену или разорению хозяйства.

¹ Савельев Е.П. Древняя история казачества. (Историческое исследование). Новочеркасск: Донской печатник, 1915. Ч.1. Вып. 1. С. VIII.

² Потто В.А. Два века Терского Казачества... Т.2. С. 1.

³ Ржевуский А.А. Указ. соч. С. 11; Попко И.Д. Указ. соч. С. XXII-XXIII.

⁴ Потто В.А. Два века Терского Казачества... Т.2. С. 2.

В 1717 г. 500 гребенских казаков принимали участие в несчастливом походе князя Бековича в Хиву и там погибли. Сотни семей осиротели в гребенских городках. После такой потери гребенские казаки не могли восстановить свою численность в прежнем объеме и вплоть до начала XIX в. не выставляли в службу более 500 человек¹.

Во время Персидского похода в 1722 г. император перевел терских казаков на р. Сулак и Аграхань и поручил им охранять пространство от новой крепости Святой Крест до пристани, устроенной на морском берегу. Казаки, поселенные на Аграхани, постоянно вынуждены были менять местоположение своих городков из-за упорных нападений чеченцев и дагестанских агрессивных наездников. Казаки потеряли свои хозяйства и пришли в крайнее разорение из-за частых переездов и поселения в безлесых местах, где вынуждены были копать землянки для жилья. От зловредного воздействия климата и лихорадок многие семейства вымирали почти поголовно. По причине того, что аграханские поселенцы не могли самостоятельно держать в неприкосновенности назначенные им рубежи, в 1724 г. на помощь им с Дона были переселены 1000 семей «сказочных» казаков, которые вместе с бывшими терцами испили чашу страданий и невзгод, отнявших жизни у большей половины их семей в течение 10 лет пребывания на Аграхани. Только воцарение Анны Иоанновны (1730-1740 гг.) переменяло участь казаков к лучшему – их вернули на Терек, а крепость Святого Креста приказано было бросить².

После возвращения персам петровских завоеваний по Сулаку и Каспийским берегам, выше старой крепости Терки была заложена новая крепость с городом Кизляр, куда были переведены остатки Аграханского войска, уложившего в могилы 2/3 своего населения. Водворенное на новое место войско получило название Терско-Кизлярского. Оно отличалось малолюдством и едва могло выставлять в службу более 200 чинов, хотя как

¹ Там же. С. 12.

² Ржевуский А.А. Указ. соч. С. 17.

самостоятельная часть казачества просуществовало до «самой эпохи образования Кавказского линейного войска»¹.

Часть казаков, переживших существование сулакской крепости, с большим числом вдов и сирот перевели на левый берег Терека и посели в 3-х городках между гребенскими станицами и кизлярской крепостью, продлив тем самым Гребенскую линию вниз по вышеназванной реке. Эта часть казаков получила наименование Терско-Семейных и могло выставить на службу 4 сотни чинов. В 1745 г. это войско для облегчения отбывания службы было присоединено к Гребенскому войску², но не ужилося с гребенцами и через десятилетие его отделили и вновь возвратили прежнее наименование Терско-Семейного войска. В составе этого войска объявился казак Каргалинской станицы Емельян Пугачев в 1771 г., который в 1773-1774 гг. бунтовал на Яике и Волге, сказавшись самозванным царем Петром Фёдоровичем и сложившим голову на эшафоте в Москве. Как Терско-Семейное войско просуществовало до 1832 г. и стало частью Кавказского линейного войска.

На Кавказе правительство императрицы Екатерины II не могло обойтись без казачьих иррегулярных войск и формировало их из любых и всяческих элементов. После учреждения крепости при городе Моздок в 1763 г. и переселения туда части кабардинского населения, принимавшего христианскую веру, была сформирована моздокская горская команда, умножившая ряды гребенских и терских казаков³.

После начала русско-турецкой войны 1768-1774 гг. часть кабардинских князей и уорков, враждебно отнесшихся к укреплению позиций России в крае, впервые со времен Ивана IV открыто подняли оружие против русских. Это привело к тому, что к 1770 г. Моздок был превращен в сильную крепость, оснащенную 40 орудиями и самостоятельным гарнизоном с комендантским управлением. Для прислуги к орудиям были присланы с Дона

¹ Там же.

² Там же. С. 18.

³ Там же. С. 20.

100 семей казаков под названием канониров. В том же 1770 г. на моздокскую дистанцию было переселено 517 семей казаков с Волги, которых расселили в городках между моздокской крепостью и станицами Гребенского войска¹.

После 1774 г. российские границы на Кавказе стали стремительно расширяться с востока в западном направлении и с 1777 г. стала формироваться Азово-Моздокская кордонная линия, представлявшаяся «длинный ряд укреплений от впадения Малки в Терек и далее к азовскому бассейну – по рекам Куре, Цалуге или Золке, по Куме и вершинам Карамыка, Домузлова, Бийбалы, или Буйвалы, и Калауса, а потом по Егорлыкам и Манычу до низовья Дона»².

Азово-Моздокскую линию стали заселять казаками, собираемыми с Волги и учреждать там новые станицы. Ситуация оставалась достаточно сложной из-за географической неустойчивости создаваемых кордонов. Её протяженность и постоянные набеги горских наездников на русские поселения требовали большего присутствия вооруженных людей, способных защитить себя и поселения мирных хлебопашцев, располагавшихся за кордонной линией. В 1822 г. по предложению генерала А.П. Ермолова в Кабарде была учреждена новая Кабардинская кордонная линия, протянувшаяся от Черных гор до Владикавказа. Необходимость учреждения этой линии была связана с постоянными вооруженными выступлениями кабардинцев против российских властей в 1822 и 1825 гг.³. Всего в Кабарде было учреждено 7 казачьих станиц, население которых постоянно пополнялось казачьими семьями, переводимыми из старых терских и кубанских станиц. К 1851 г. общая численность населения этих станиц достигла 9714 душ обоего пола⁴. В дальнейшем из этих станиц было выселено по жребию часть казачьих семей на Лабинскую и на Сунжескую

¹ Там же. С. 21.

² Там же. С. 23.

³ Тхамокова И.Х. Русское и украинское население Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эль-Фа, 2000. С. 28-29.

⁴ Там же. С. 32.

линии. Такие переселения продолжались до окончания военных действий на Северном Кавказе в 1864 г.

По новой инициативе генерала А.П. Ермолова в 1825 г. из водворенных на Азово-Моздокскую линию казачьих станиц стали переводить на новые места часть казачьих семей во вновь образуемые станицы на передовые пункты. Из Александровской станицы выведено 385 семейств, из которых 100 семей поселились на Подкумке, у крепости Кисловодской, где образовали станицу Кисловодскую. В станицу Боргустанскую поселили 50 семей, а 235 семей основали на реке Бургунте станицу Ессентукскую. Из Георгиевской станицы выселили 250 семей, из которых 200 водворили близ Пятигорска и образовало станицу Горячеводскую, а 50 семей приселились к Бабуковскому аулу, на Подкумке, и составили с кабардинским его населением станицу Бабуковскую. В 1829 г. были передвинуты на Малку станицы Мариинская и Павловская и названы по именам бывших там постов Беломечетской и Приближной. Также решением Правительствующего сената в декабре 1832 г., обращены в казаки и причислены к Волгскому войску четыре гражданских селения, лежавшие по Куме: Нижнеподгорное, Верхнеподгорное, Александровское и Незлобное, в которых насчитывалось 629 дворов с населением до 4050 душ обоего пола¹.

Приращение вызывалось большой необходимостью из-за протяженности Кавказской линии, составлявшей 700 верст. К уже указанным гражданским селениям, переведенным в казачье сословие, было добавлено ещё около 30, население которых «более или менее свыкшихся с пограничными тревогами»². В 1832 г. был назначен командиром казачьего войска наказной атаман генерал-майор П.С. Верзилин. Казачье войско разделили на полки, которые носили свои старые имена и облачались в обмундирование особого цвета, что позволило им сохранить собственную физиономию.

¹ Ржевуский А.А. Указ. соч. С. 25; Попко И.Д. Указ. соч. С. XXIV.

² Попко И.Д. Указ. соч. С. XXX.

В 1845 г. Кавказскому Линейному войску были дарованы, по примеру Донского и Черноморского, особое положение и определили его устройство в гражданском и военном отношениях. Войско обособлялось по гражданской части от Кавказской области, получив собственное внутреннее управление с набором необходимых учреждений. По военной части – все единицы Войска были приведены к единообразной организации с уравнительным распределением населения. С этого времени для Кавказского Линейного войска наступил период усиленного колониционного движения, оказавшего громадное влияние на исход Кавказской войны.

По мнению современного отечественного историка, «обстоятельства колонизации края долгое время требовали не просто и не столько хозяйственного, но, одновременно, военного механизма, для которых казачество было лучше всего приспособлено»¹. Численность Линейного казачества росла за счет переселения новых казачьих семей с Дона и Волги и к 1853 г. достигла 263 242 человек обоего пола².

Таким образом, казачье население Терека формировалось стихийно из разнородного народного субстрата разного этнического происхождения на протяжении длительного периода, представлявшего общества вольного молодечества, искавшего потаенных мест в прибрежных затоках устья р. Терек и на гребнях гор, протянувшихся вдоль течения этой реки. Эта локация оказалась наиболее подходящей для людей, искавших способов вольной жизни и не имевших позитивного опыта государственного существования, или бывших изгоями неблагоприятных исторических обстоятельств.

Распространение государственных границ Российского государства в южном направлении и обстоятельства существования казаков на фронтире способствовали их сближению. При этом вовлечение терского казачества в государственную систему Российской империи повлекло за собой значительное ухудшение условий их существования, сокращение

¹ Лазарян С.С. Кавказ под управлением князя М.С. Воронцова (1844-1854 гг.). Москва: Проспект, 2022. С. 443.

² РГИА. Ф.1268. Оп.8. Д. 184. Л. 54-55.

возможностей для сохранения прежних вольностей и одновременный рост служебных и иных тягот. Неустойчивость прежней жизни казаков компенсировалась свободой их маневра в выборе мест проживания, способов поддержания взаимодействия с окружающим миром, способами получения средств к существованию, которые при всей их неопределенности не снижали их общего витального потенциала. Вовлечение терского казачества, всех его групп, в геополитическое пространство Российской государственности, значительно подрывало возможности их самостоятельной и независимой жизни, наделило обязанностями и встраивало в жесткий механизм реализации государственных интересов и воли, которая мало считалась с имманентными чувствами и устремлениями казачества, которое все больше превращалось в один из элементов функционирующей государственной машины. Терские и гребенские казаки получили в составе Кавказского линейного войска государственные военно-служебные обязанности, которые лишь отчасти оснащались и сохраняли частные отголоски их прежнего вольного существования. С развитием Кавказской Линии усложнялось её управление, вместе с которым нарушалось единство управления Кавказским Линейным войском.

Глава 2. Экономические и демографические процессы у казаков Северо-Восточного Кавказа

2.1. Хозяйственный уклад терско-гребенского казачества

Специфика хозяйственного уклада терско-гребенского казачества отражала особенности тех политических событий, непосредственными участниками которых стали эти жители беспокойного фронта. На их систему жизнеобеспечения влияла перманентная военная опасность, заставлявшая расходовать существенную часть производимых ресурсов на обеспечение защиты от нападений беспокойных соседей. Также неминуемо оказывали воздействие на жизнь казаков внешние войны, интенсивность которых приводила к заметному ослаблению экономического потенциала защитников южного порубежья.

Изначально у поселившихся на Тереке и Сунже казаков сложился промысловый хозяйственно-культурный тип, в основе которого лежали охота и рыболовство. Изобилие этих ресурсов во многом определяло привязанность казачьих групп к конкретному месту проживания. Добываемые ресурсы шли как на удовлетворение собственных нужд, так и обменивались у соседей на необходимые казакам вещи и продукты. Примечательно, что правительство, которое хотело лишить казаков возможности свободно торговать рыбой, передав это право откупщикам, вынуждено было вернуться к старинным привилегиям, т.к. опасалось, что казаки разорятся и не смогут нести свою службу¹.

Помимо хозяйственных приоритетов, полная опасностей жизнь заставляла русских первопоселенцев, фиксируемых в этих местах ещё со

¹ Потто В.А. Два века терского казачества / Репринтное издание. Ставрополь: Кавказская библиотека, 1991. С. 217-219.

второй половины XVI в., часто менять место жительства, скрываться от более сильного неприятеля¹. Отсюда и отсутствие у казаков склонности к занятию земледелием, хотя у них и практиковалось разведение скота (лошадей и коров).

Отдельно можно упомянуть об изготовлении виноградного вина, для которого использовали дикий виноград. Он в большом количестве произрастал на берегах Терека, и изготавливаемый из него напиток, хотя и не предназначался для продажи, но вполне удовлетворял потребности и вкусы самих казаков. Исследователи приходят к выводу о наличии в этот период неполной земледельческой оседлости у гребенцов – самой старейшей группы среди местного казачества.

Самостоятельной отраслью хозяйства стали набеги на горских соседей с целью захвата добычи. Они в значительной степени компенсировали казакам скудость иных способов жизнеобеспечения, способствовали формированию у них специфичных черт социальной организации². В этом казаки не уступали своим соседям – горцам, от которых со временем восприняли многие черты их материальной культуры, быта и ментальных особенностей. На раннем этапе формирования казачества можно говорить даже о наличии не просто промыслового, а военно-промыслового типа хозяйства. Выработавшийся хозяйственно-культурный тип стал следствием множества различных факторов, которые нельзя ограничить лишь воздействием природной среды³.

Российская власть, заинтересованная в лояльности казаков и не желавшая допускать их бесконтрольные силовые акции, постаралась найти для них альтернативу военной добыче. Казаки со временем стали получать от

¹Там же. С. 40.

²Великая Н.Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII-XIX вв. Ростов-на-Дону, 2001. С. 99.

³Чеснов Я.В. О социально-экономических и природных условиях возникновения хозяйственно-культурных типов (в связи с работами М.Г. Левина) // Советская этнография. 1970. № 6. С. 24.

казны содержание в виде продовольствия, пороха, денег, что постепенно экономически привязало их к государству¹.

Такая практика сохранялась очень долго. По сведениям на конец 30-х гг. XIX в., офицерам от казны начислялось 17 руб. 82 коп., а рядовым казакам 11 руб. 88 коп. Кроме того, они получали на пропитание примерно 435 кг муки и 40,5 кг крупы. Предполагалось и снабжение фуражом – 18 четвертей овса, 270 пудов сена для офицерских лошадей, а нижним чинам 12 четвертей овса и 180 четвертей сена². На практике эти нормы соблюдались редко и казакам приходилось самим изыскивать возможности не только прокормить свои семьи, но и подготовиться к несению службы.

Вынужденная мобильность казаков диктовала особенности обустройства их поселений и жилья. Как правило, это был острог, в котором имелись землянки и полуземлянки. Такие поселения в случае серьёзной опасности забрасывались, а потому исследовать ранние следы присутствия славянского компонента в регионе крайне затруднительно. Отсутствие культурного слоя и письменных свидетельств фактически оставляют учёных без необходимой источниковой основы. Впрочем, аналогичная ситуация прослеживается и у других народов края (кумыков, адыгов и т.д.), а потому резонно предположить, что их образ жизни напоминал то, что можно было наблюдать в казачьих обществах³.

Способы ведения хозяйства зависели и от внешнеполитических факторов. Они приводили к определённой архаизации быта, но не искореняли полностью всех элементов производящего хозяйства, и как только ситуация менялась, казаки возвращались к своей земледельческой традиции. Произошло это благодаря укреплению на Северном Кавказе позиций российского государства. Появление в крае русских острогов с

¹ Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом. Материалы, извлечённые из Московского Главного архива Министерства иностранных дел. Вып. I. 1578-1613 гг. Москва, 1889. С. LXXXI-LXXXII и др.

² Емельянова Л.А., Емельянов О.Б. Хозяйственное развитие волгских станиц Кавказского Линейного казачьего войска в контексте военно-политических процессов (1840-1864 гг.). Георгиевск: ИП Банный М.И., 2014. С. 70.

³ Белокуров С.А. Сношения России с Кавказом. С. 100-101.

постоянными гарнизонами, формирование пророссийской партии из числа местных владельцев постепенно стабилизировали ситуацию. Военная угроза снижалась, и казакам уже не было необходимости часто покидать обустроенные поселения. К началу XVIII в. казачьи станицы уже прочно освоили левобережье Терека и активно задействовались в охране и обороне границы. Власти не были заинтересованы в превращении казаков в обычных крестьян-земледельцев. Именно их воинские навыки оказались востребованы на беспокойном фронтире. Поэтому казаки по-прежнему занимались привычным военным делом, но только теперь встроив свой военно-промысловый быт в те допустимые рамки, которые определило для них российское государство.

Сосредоточение станиц на одном из терских берегов (левом) породило многочисленные трудности в казачьих хозяйствах. Они имели виноградные сады, покосы, огороды и бахчи на правобережье, куда приходилось переправляться на лодках. Несмотря на меры предосторожности, именно работа на этих землях была чревата опасностью быть убитым или захваченным в плен горцами. Сохранилось немало свидетельств таких трагических происшествий, и охрана работавших на полях людей отнимала значительные силы у казаков¹. Со временем они стали переносить часть своих виноградных садов непосредственно к месту расположения станиц, но полностью отказываться от земель по другую сторону реки не собирались.

С распространением земледельческих занятий у казаков стало формироваться право собственности на обрабатываемые наделы. Первоначально это были заимки, устраиваемые по личной инициативе и закрепляемые за отдельной семьей на основании неписанного права. В глазах общества они могли владеть ею как первопоселенцы и первовладельцы,

¹ Указатель географического, статистического, исторического и этнографического материала в «Ставропольских губернских ведомостях». Первое десятилетие (1850-1859 г.) / Под редакцией Д.А. Кобякова. Тифлис, 1879. С. 240-241 и др.

рискнувшие обосноваться в определённых ими самими границах земельного участка¹.

В дальнейшем правительство озаботилось размежеванием земель по Терскому левобережью, закрепив за казаками регламентируемые законом земельные пай. Возврат к занятию земледелием потребовал от казаков объединиться в крупные рабочие коллективы и возродить большие патриархальные семьи. Это произошло на рубеже XVIII – XIX вв., когда, по мнению Л.Б. Заседательевой, «происходит интересный и своеобразный процесс вторичного формирования большесемейных казачьих коллективов под влиянием хозяйственно-экономических, миграционных факторов и этнических традиций. Государство, всячески поддерживая и консервируя казачью общину, поддерживало и консервировало вторично возникшие, хотя и традиционные, семейные институты в лице большой патриархальной казачьей семьи»².

Но получив землю, казаки не могли обработать её в необходимых площадях. Большинство мужчин-казаков были задействованы на службе, а женщины физически оказались не в состоянии справиться с такой задачей³. Именно этим объясняется тот факт, что казаки вынуждены были сдавать землю в аренду, чтобы иметь возможность обеспечить прожиточный минимум своим семьям и получить средства на покупку необходимого для выполнения ими воинских обязанностей.

Даже казачий скот порой передавали выпасать караногайцам, оплачивая за это натуральным продуктом. Известно, что в станицах нередко проживали ногойские семьи и, судя по их скромному достатку (одна кибитка, одна лошадь), речь шла о наёмных работниках⁴.

¹ Скорик А.П., Федина И.М. Кубанский хутор: фазы и повседневность топохронной эволюции (конец XVIII – первая треть XX вв.). Новочеркасск: Лик, 2016. С. 44.

² Заседательева Л.Б. Терские казаки (середина XVI – начало XX в.). Историко-этнографические очерки. Москва: Издательство Московского университета, 1974. С. 299.

³ Омельченко И.Л. Терское казачество. Владикавказ: Ир, 1991. С. 173.

⁴ Ерёмин Н.М. Гребенской участок Кавказской линии в конце XVIII-XIX вв. Белгород: Константа, 2014. С. 81.

Со временем это найдёт отражение в ментальности казаков. Они будут относиться к земледелию с пренебрежением, как к недостойному воина занятию. Это утверждали современники, подмечая, что гребенцы «нерадивы в земледелии»¹.

В этом отношении вызывает интерес анализ духовной культуры гребенского казачества, в частности, их песенного репертуара, с отражёнными в нём ментальными ценностями. В текстах мы не найдём сюжетов, относящихся к календарно-обрядовой тематике, и, напротив, в приоритете песни, связанные со службой и всеми сопутствующими ей обстоятельствами. Так, в современных исследованиях мы находим следующий вывод: «...нам удалось выявить духовно-нравственные личностные ценности, определяющие ментальную сущность и мировоззренческую специфику казачества, и условно разделить их на три группы: 1) социально-общественные: воля и свобода, честь и слава; 2) военно-патриотические: патриотизм и самоотверженность, мужество и героизм; 3) нравственно-этические: неукоснительное соблюдение обычаев, религиозных традиций и этических норм, уважение традиций и заповедей»².

Ещё одной причиной отсутствия успехов в земледелии и скотоводстве была нехватка плодородной земли и достаточно непростой климат для успешного занятия хлебопашеством³. Вопреки утверждениям о наличии закреплённых за станицами больших угодий, они представляли собой преимущественно «песок и солонец», непригодные для использования в хозяйстве. Земля такого качества требовала серьёзных трудозатрат, чтобы получить с неё приемлемый урожай. А такой возможности, как уже сказано, у казаков не было⁴. Необходимых по закону участков только на берегу

¹Зубов П. Картина Кавказского края, принадлежащего России, и сопредельных оному земель; в историческом, статистическом, этнографическом, финансовом и торговом отношениях. Санкт-Петербург, 1835. Ч. II. С. 48.

²Белецкая Е.М., Великая Н.Н., Григорьев А.Ф. Очерки духовной культуры гребенского казачества в дореволюционный период. Ставрополь: Ставролит, 2012. С. 177.

³Востриков П.А. Станица Наурская, Терской области // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. Тифлис, 1904. Вып. 33. Отдел 2. С. 152-157.

⁴Исторические сведения о Гребенском казачьем полку // Сборник общества любителей казачьей старины. 1912. № 4. С. 50.

Терека станичникам не хватало, а потому часть их юртов была расположена в Ногайской степи¹.

Заслуживает внимание то обстоятельство, что государственные крестьяне впоследствии на этих же землях будут получать достаточно хорошие урожаи и не только удовлетворять свои потребности, но и реализовывать излишки тем же казакам. Таким образом, неблагоприятные природные условия не являлись доминирующими в выработке у местных жителей хозяйственных приоритетов.

В Притеречье возникли специфичные способы ведения хозяйства, не характерные для других мест. Болотистая, заросшая камышом территория нуждалась в предварительной подготовке, прежде чем её начинали распахивать. Заросли камыша выжигали, а затем на пепелище запускали скот, который своими копытами вытаптывал корни этого растения. После этого наступал черёд распашки и боронования. Подготовленный участок засевали зерном, а после сбора урожая, начинали высаживать бобовые культуры. Как правило, такое чередование сельскохозяйственных культур давало приемлемый результат, но по истечении пяти лет всё равно следовало на время оставлять землю «под паром», чтобы она могла восстановить свои плодородные свойства².

У казаков преобладало экстенсивное земледелие, при котором распахивался целинный участок с помощью тяжёлого плуга. В дальнейшем можно было ограничиваться обычной сохой. Известны случаи практики перелога, но только тогда, когда для этого имелись подходящие участки. Урожайность оставалась низкой, и если речь шла о ржи и озимой пшенице, то в среднем исчислялась сам-2, а ячмень и яровое просо сам-3³.

Часто случались неурожаи, вызванные природными катаклизмами. Так, засуха 1833 г. погубила все насаждения и вынудила правительство предоставлять казачьим общинам кредит на покупку продовольствия. Спустя

¹ Ерёмин Н.М. Указ. соч. С. 81.

² Бутова Е. Указ. соч. С. 25-26.

³ Омельченко И.Л. Указ. соч. С. 170-172.

двадцать четыре года казаки всё ещё были должны казне 630 руб. 14,5 копеек серебром за «ссудный хлеб, взятый из казны»¹. Остатки этого долга «согласно Высочайше утверждённого положения, с казаков сложены» в ноябре следующего 1858 г.²

Столкнувшись с этой проблемой, правительство обязало казаков заранее формировать денежные фонды, которые должны были идти на покупку хлеба в случае повторения неурожая. В итоге они выплачивали взносы до 1842 г., которые хранились в банке под проценты, став своеобразной «подушкой безопасности» для станичников³. Также практиковался сбор зерна, который распределялся нуждающимся семьям⁴.

Местные жители прекрасно понимали необходимость таких мер, но это не значит, что у них было достаточно возможностей для осуществления задуманного на практике. Засеваемые площади были подвержены колебанию, и на основании анализа обширного статистического материала современные исследователи показали, что благополучие казачьих пашен зависело от интенсивности военных столкновений в регионе. По мере усиления активности мюридизма станичники всё чаще отвлекались от хозяйственных забот для участия в боевых операциях и охране границы, а потому их поля оставались необработанными⁵.

За десятилетия рассматриваемого хронологического периода количество выращиваемых зерновых непрерывно возрастало. Казаки стали больше уделять внимания передовым агротехническим приёмам, и это позитивно сказывалось на урожайности. Всё это давало возможность отдельным семьям полностью обеспечивать свои потребности в хлебе. Правда, его «впритык» хватало лишь до следующего урожая и «зачастую только тонкая грань отделяла их от угрозы голода»⁶.

¹ ЦГА РСО-А. Ф. 3. Оп. 1. Д. 93. Л. 65 об.

² ЦГА РСО-А. Ф. 3. Оп. 1. Д. 100. Л. 84 об.

³ ЦГА РСО-А. Ф. 2. Оп. 1. Д. 132. Л. 159 об.-160.

⁴ ЦГА РСО-А. Ф. 14. Оп. 1. Д. 419. Л. 92 об.

⁵ Емельянова Л.А., Емельянов О.Б. Хозяйственное развитие волгских станиц... С. 75-76.

⁶ Там же. С. 84.

Отсюда проистекает и значение иных способов достижения продовольственной безопасности. Отмечается, что в казачьих станицах наибольшее распространение получили виноградарство и огородничество. Объяснялось это тем, что здесь можно было широко использовать женский труд. Пока мужчины находились на службе, именно женщины несли основные тяготы по ведению хозяйства¹.

В литературе, посвящённой казачеству, часто цитируют ёмкие и точные оценки, данные казакам Л.Н. Толстым, имевшим возможность непосредственно наблюдать жизнь и быт этой группы «христианского народца», который в силу исторических обстоятельств закинут «в уголок земли, окружённый полудикими магометанскими племенами и солдатами». Пока мужчины проводили время в походах, на кордонах, на охоте и рыбалке, именно на женские плечи ложилась забота о доме. А потому, показательно презрительно относясь к труду, казак «смутно чувствует, что всё, чем он пользуется и называет своим, есть произведение этого труда, и что во власти женщины... лишить его всего, чем он пользуется»².

Как отмечалось выше, с самого начала своего появления на Северном Кавказе казаки использовали местный виноград для изготовления алкоголя. Со временем на смену дикорастущим сортам пришли садовые. Размах винодельческого промысла оказался настолько велик, что о нём стало известно в столице, и государь Алексей Михайлович дал распоряжение изготовить из местного сырья вино «для опыта»³.

Однако дальше собственно северокавказского региона местная продукция практически не распространялась. На то было множество причин, среди которых выделяется сложность её транспортировки по причине слабого развития транспортной инфраструктуры, а также серьёзная конкуренция со стороны европейских производителей, количество и качество

¹ Великая Н.Н. Казаки Восточного Предкавказья... С. 112.

² Толстой Л.Н. Хаджи-Мурат. Казаки. Кавказская повесть. Нальчик: Книжное издательство «Эльбрус», 1978. С. 144-145.

³ Очерк виноделия Кавказа // Сборник сведений о Кавказе. Тифлис, 1875. Т. III. С. 177.

вина которых не позволяло казакам найти собственную нишу даже на внутреннем рынке России. Допускались и управленческие просчёты со стороны правительства. Оно пыталось монополизировать с целью казённой экономии продажу местных вин и заставляло казаков отдавать свою продукцию только откупщикам по заниженным ценам¹.

Справедливости ради отметим, что и качество алкогольного напитка от местных виноделов оставляло желать лучшего. Отмечалось, что их усилия направлены «к обильному производству самого плохого и малоценного продукта. Обильная поливка виноградников (от 3 до 6 раз в лето), слишком густая посадка кустов, излишняя влажность почвы и затенённость кустов, плохой сортимент – все эти недостатки не искупаются даже теми приёмами, в общем довольно тщательной обработки, о которых нельзя не отозваться с одобрением»².

Одним количеством производимого вина нельзя было добиться его высокого качества, требовавшего серьёзных материальных затрат (селекция сортов, тара, каменные погреба) и свободных рабочих рук, которых у казаков просто не было. Местная продукция находила своего почитателя в самой казачьей среде, у неизбалованных изысками солдат и офицеров Отдельного Кавказского корпуса, местного чиновничества со скромными доходами, но о больших успехах в данном деле говорить не приходилось.

Если местное вино и попадало в Центральную Россию, то, как правило, это была продукция северокавказских помещиков, которые имели возможность добиваться высокого качества своего товара. Но и они большую часть своих винных изделий реализовывали курсовым, приезжавшим лечиться и отдыхать на Воды (в Пятигорск)³.

Но были там и свои исключения. Когда началась затяжная война с наполеоновской Францией, дефицит в виноматериале позволил увеличить

¹Севрюков А.А. Виноградарство и виноделие в низовьях р. Терека (Доклад на съезде виноградарей и виноделов 1902 г. в г. Москве) // Терский сборник. Владикавказ, 1903. Вып. V. С. 273.

²Баллас М. Виноделие в России. Часть IV. Предкавказье. Санкт-Петербург, 1898. С. 116.

³Стивен Х.Х. Шелководство, виноделие и садоводство южных губерний России в 1838 году // Отечественные записки. 1839. Т. IV. № 7. С. 41.

посадки виноградников на Тереке и, как отмечалось выше, были это преимущественно низкосортные виды, использовавшиеся для выделки спирта¹.

Казачье виноградарство и казавшиеся сторонним наблюдателям примитивными обработка и уход за лозой были реакцией на военную обстановку. Приходилось охранять работавших в садах женщин, а потому, чем плотнее были высажены кусты, чем меньше занимали пространство насаждения, тем легче становилось контролировать их вооружённым мужчинам. Такая практика сделалась настолько привычной, что казаки даже не задумывались о том, почему применяется этот приём. Даже когда угроза нападений исчезнет, они будут сохранять привычных хозяйственный уклад, объясняя его «заветом предков». Естественно, что при таких обстоятельствах часть винограда не могла нормально вызреть, в ягодах было больше кислоты, чем сахара². Но даже такой виноград позволял казачьим семьям зарабатывать дополнительные средства для выживания, компенсировал недостатки и ущербность подчинённого милитарным требованиям хозяйства.

Если оценить ситуацию, сложившуюся в начале столетия, то окажется, что виноградных садов в станицах, расположенных по Тереку, насчитывалось 5050 на 8894 тыс. десятинах земли³. В дальнейшем полученный урожай настолько возрос, что казаки даже не справлялись с его переработкой и вынуждены были продавать виноград армянским предпринимателям. Если армянские семьи проживали в казачьих станицах, то им разрешалось иметь собственные сады. Но в случае переезда на новое место жительства права на угодья утрачивались, и их следовало продать местным станичникам. Такой прецедент мы видим на примере станицы Шелкозаводской в 1842 г., что нашло отражение в материалах, выявленных в

¹ Емельянов О.Б. Земледелие в казачьих станицах Терского левобережья в системе природных и общественно-политических факторов в первой половине XIX века. Георгиевск: ИП Банный М.И., 2014. С. 76.

² Статистические монографии по исследованию станичного быта Терского казачьего войска: Сост., по поруч. наказ. атамана Войска, О. Марграфом, П. Линтваревым и др. под ред. Н. Благовещенского. Владикавказ, 1881. С. 344.

³ Очерк виноделия Кавказа // Сборник сведений о Кавказе. Тифлис, 1875. Т. III. С. 352.

ЦГА РСО-А¹. Казаки должны были побеспокоиться о благосостоянии «переселенцев, вновь прибывших на водворение в Гребенской полк», которым в итоге достались эти сады².

Если говорить о доходах с таких садов, то в год казак мог получить минимум выручки в 500-800 рублей, а порой стоимость урожая приносила в семейный бюджет казака до 2000 рублей³. Ведро красного вина в конце первой четверти XIX в. стоило от 2,5 рублей до 3,5 рублей, а бочка в сорок вёдер от 29 до 32 рублей⁴. Всего в это время казаки производили 280793 7/8 ведер, что составляло больше половины (55 %) от общего количества вина, изготовленного в Кавказской области⁵.

Нельзя не отметить разведение казаками фруктовых деревьев и плодовых кустарников, без которых не обходилась ни одна станица. Рядом со своими домами жители высаживали яблони, груши, сливы, абрикосы, черешни, смородину, малину и крыжовник и т.п. Одним из первых стал культивировать фруктовый сад старообрядец Толмачёв, живший в станице Калиновской. По воспоминанию старожилов, он имел некие представления об уходе за деревьями, что, видимо, и стало причиной успешного развития его начинания. Он даже переселился в свой сад, выстроив избу. В дальнейшем сюда потянулись его единоверцы, которые, несмотря на военную опасность, занимались расширением сада. Примечательно, что сады были окопаны глубоким рвом, который позволял усилить оборону живших обособленно людей. Это, впрочем, не спасло их от нападений «немирных» горцев, убивших часть старообрядцев. Такие случаи были обыденностью и не останавливали процесса расширения садоводческих хозяйств⁶.

Но, как и в случае с виноградными сортами, фруктовые деревья практически не подвергались селекции. Чаще всего встречались летние и

¹ ЦГА РСО-А. Ф. 3. Оп. 1. Д. 9. Л. 127-127 об.

² Там же. Л. 132 об.

³ Исторические сведения о Гребенском казачьем полку. С. 50.

⁴ ГАСК. Ф. 79. Оп. 1. Д. 342. Л. 13 об.-14.

⁵ Там же. Л. 13 об. – 16.

⁶ Решетов. Старообрядческий скит в станице Калиновской // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. Тифлис, 1893. Вып. 16. С. 134-135.

осенние сорта, а зимние приобретались у горцев. Следует отметить, что левобережье Терека плохо подходило для их разведения, т.к. под слоем плодородной почвы шли солончаки, от которых корневища деревьев погибали, не достигая необходимого возраста. Особенно это пагубно сказывалось на грушах, которые «быстро развиваясь в первые годы, быстро стареют», в меньшей степени сливах, персиках и яблонях¹.

Для старожилов местные сорта были желанным дополнением и лакомством в пищевом рационе. Однако дальше Притеречья они не распространялись. Более того, приезжим настоятельно рекомендовалось не рисковать пробовать их плоды, чтобы не заболеть «лихорадкой»². Скорее всего, речь шла о дизентерии, вызванной загрязнением пищи или незрелостью употребляемых плодов, которые были непривычны северянам. Данная проблема была известна издревле и даже упоминалась в контексте походов русов на Кавказ³.

Власти стремились снабжать казаков саженцами лучших сортов, которые для этого специально разводили в казённом саду в Кизляре, но больших успехов в этом начинании не достигли. Хотя все желающие могли получить посадочный материал бесплатно, но даже и в этом случае обременять себя дополнительными хлопотами не торопились⁴. Выращенные фрукты для продажи не предназначались, а потому не могли существенно улучшить материальное положение станичников. Это же касалось и ягод с домашних кустарников. Их, конечно, засушивали на зиму, но на реализацию не вывозили.

Несмотря на то, что рыболовство, как отмечалось выше, издревле считалось одним из основных занятий казаков, оно не получило в первой половине XIX в. широкого распространения, и не достигло промышленного

¹ Севрюков А.А. Указ. соч. С. 270.

² Бларамберг И. Кавказская рукопись. Ставрополь: Кн. изд-во, 1992. С. 120.

³ Клычников Ю.Ю. Тысячелетие формирования российского Кавказа. Часть I. Ранние русско-северокавказские контакты. Пятигорск: ПГУ, 2020. С. 47.

⁴ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. / Под ред. А.П. Берге. Тифлис, 1885. Т.Х. С. 701.

уровня¹. Обратим внимание на примечательный факт. В некоторых работах, посвящённых прошлому терского казачества, достаточно подробно анализируется их хозяйственная деятельность, но рыбные промыслы вообще не упоминаются².

Присутствуя в традиционном перечне любимых казачьих блюд, рыбопродукты не превратились в товар, реализация которого пополняет казачий бюджет. Здесь свою роль сыграло решение правительства отобрать рыбные промыслы у казачьих общин. Исключением стал лишь Кизлярский казачий полк, да и то его право существовало в ограниченном объёме, на Каспии «на семьдесят шесть вёрст и в реке Терек, по течению его чрез участки», размер которых был строго регламентирован³. Закончилось всё тем, что казаков, которые не могли в силу служебных обязанностей использовать морские рыбные промыслы в полном объёме, в итоге лишили прав на пользование ими, передав другому владельцу. Бюджет казачьих семей потерял ещё одну статью доходов, а рыбу для собственных нужд они добывали из местных пресных водоёмов или покупали привозную⁴.

Тем не менее современники оставили восторженные описания массового заготовления рыбы казаками. Так, в мемуарах М.Я. Ольшевского мы встречаем следующие строки: «В такой период своего разлития и разрушения Терек, как и все другие реки, впадающие в моря, начинают наполняться разной рыбой. <...> Но гребенцов не интересует этот летний лов рыбы. Осетров и другой красной рыбы доходит до пределов их полка немного, а потому если красная рыба и ловится ими, то для начальства или на продажу... Для гребенских же казаков важен лов сомов, как главный продукт их кормления...»⁵.

¹ ЦГА РСО-А. Ф. 2. Оп. 1. Д. 93. Л. 64.

² Коломиец В.Г. Очерки истории и культуры терских казаков. Нальчик: Эльбрус, 1994. С. 28-42.

³ ЦГА РСО-А. Ф. 13. Оп. 1. Д. 1030. Л. 250-250 об.

⁴ Там же. Л. 77 об.

⁵ Ольшевский М.Я. Кавказ с 1841 по 1866 год. Серия: «Воспоминания участников Кавказской войны XIX века». СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2003. С. 47-48.

При всей любви к рыбе казаки так и не научились качественно заготавливать её впрок. Обычно на берегу водоёма вырывались ямы, в которых улов засаливался. Но от этого она теряла свои вкусовые качества, и срок хранения такой продукции был ограничен¹.

Ещё одной важной сферой деятельности было разведение огородных культур. В исследовании И.В. Ровинского, вышедшем в конце первого десятилетия XIX в., отмечалось, что во всех станицах произрастали арбузы, тыквы, дыни, а также «разные огородные в пищу употребляемые зелени»². Повсеместно в станицах Терского левобережья на огородах можно было встретить лук, чеснок, капусту, редис, морковь хрен и т.п.³. Если позволяла почва, под огородные культуры выделялись большие участки. В этом случае излишки можно было реализовать на ярмарке. Но там, где этой возможности не было, огородные культуры выращивали возле дома, для личного употребления.

Песчаная почва прекрасно подходила для бахчевых. Вспашка земли не должна была быть глубокой, и с этим вполне могли справиться юные казаки. Женщинам впоследствии оставалось лишь изредка пропалывать бурьян, как правило, дважды за период созревания высаженных культур. Арбузов было так много, что их излишки скармливали скотине. Некоторые предприимчивые казаки делали из арбузной мякоти алкогольные напитки, но широкого распространения они не получили. Также много было дынь. Казаки пытались сушить их ломтики для долгосрочного хранения, но больших успехов подобная практика не достигла⁴.

В рационе терцев присутствовали блюда из тыквы, которая, благодаря своей неприхотливости, давала высокие урожаи. Во время досуга казаки в качестве лакомства употребляли высушенные семечки тыквы. Судя по тому,

¹ Васильев Д.С. Очерки истории низовьев Терека: (Досоветский период). Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1986. С. 152.

² Ровинский И.В. Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний по гражданскому и естественному их состоянию. В отношении к земледелию, промышленности и домоводству. СПб., 1809. С. 430.

³ ЦГА РСО-А. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5. Л. 58, 64 и др.

⁴ Бларамберг И. Указ. соч. С. 120.

что жителей станицы Микенской даже в шутку называли «тыквачами», объёмы возделывания этой культуры впечатляли даже самих казаков¹.

Но в первой половине XIX в. реализовывать выращенный урожай казаки могли только в пределах региона. Отсутствие надёжных коммуникаций и необходимых для длительного хранения скоропортящегося продукта условий ограничивало его продажу на организованных в крае ярмарках. В частности, много огородных культур завозилось в Кизляр, куда стекались не только станичники, но и горцы. Как отмечал в своём описании Кизляра Ю. Шидловский, «...румяные казачки Дубовской, Червлёной, Наурской и других станиц терских, сидят на арбах, навьюченных арбузами, дынями, огурцами, свёклой, капустой и т.п.». Казаки же торговали «оружием и рыбой»². По данным за 1849 г., только семечек отсюда вывозили до 280 четвертей³.

Казаки охотно перенимали опыт выращивания культур, которые были завезены на Северный Кавказ из других мест. В частности, благодаря армянам с территории Закавказья на казачьи огороды попали салат латук, кресс-салат и т.п.⁴. С восторгом рассказывал о баклажанах И. Бларамберг, делившийся способами приготовления плодов этого растения: «...его выращивают в огородах и жарят с мясом или готовят отдельно на масле с небольшим количеством перца»⁵. К числу иноземных культур относилась фасоль, которую называли «турецкими бобами». Она шла на изготовление похлёбки и каши. Постепенно получало распространение и «сорочинское ереванское пшено», под которым в рассматриваемый период понимали рис. Исходя из названия, резонно утверждать, что оно также было завезено армянскими переселенцами, которые теперь проживали среди казаков⁶.

¹ Емельянов О.Б. Земледелие в казачьих станицах ... С. 111.

² Шидловский Ю. Записки о Кизляре // Журнал Министерства Внутренних Дел. 1843. Ч. IV. С. 177.

³ Васильев Д.С. Указ. соч. С. 101.

⁴ Емельянов О.Б. Земледелие в казачьих станицах... С. 109.

⁵ Бларамберг И. Указ. соч. С. 120.

⁶ Гриценко Н.П. Социально-экономическое развитие Причеречных районов в XVIII – первой половине XIX вв. / Под ред. Н.А. Тавакаляна. Грозный: «Грозненский рабочий», 1961. С. 43.

Интерес к рису был обусловлен не столько личными гастрономическими потребностями, сколько желанием заработать на его продаже. Рис оставался диковиной, а потому за него давали хорошую цену. Между тем расположение многих станиц позволяло без чрезмерных трудозатрат обеспечивать полив рисовых полей, к которым прорывались водяные каналы, наполняемые водой Терека¹. Все эти усилия давали впечатляющий результат, и в урожайные годы казаки вывозили сорочинское пшено на продажу не только в Кизляр, но и в Нахичевань (Ростов)². Ещё одним местом сбыта стала Нижегородская ярмарка. На месте очищенный рис можно было приобрести за 4 – 5 руб. 20 коп., но транспортные расходы повышали его закупочную стоимость³.

Впрочем, были и свои издержки, которые в итоге стали причиной уменьшения посевов данной культуры. По наблюдению академика Иоанна Петра Фалька, рис «сеяли сперва при Тереке очень много и с хорошим успехом, но как посев часто потопляем был водою и испускал тлетворные пары, то оный у Кизляра на 40 вёрст запрещён»⁴.

Но только этим обеспечить прожиточный минимум не удавалось. Весь рассматриваемый период, пока на Северном Кавказе продолжались военные действия, правительство регулярно выделяло средства на приобретение продовольствия для нуждающихся казачьих семейств⁵. О той роли, которую играли садоводство и огородные культуры в жизни казаков, говорит строгость наказания за воровство, когда «похищение фруктов из садов и овощей с огородов наказывается взысканием с похитителя двойной цены похищенного и денежным штрафом в количестве пяти рублей в станичный

¹Вертепов Г.А. Хозяйственное положение низовьев реки Терек // Терский сборник. Владикавказ, 1903. Вып. VI. С. 15-17.

²Гриценко Н.П. Социально-экономическое развитие... С. 44.

³Краткие известия об успехах шелководства, виноделия и садоводства в полуденных губерниях России, за 1835 год // Журнал Министерства Внутренних Дел. 1836. Часть XX. С. 60-61.

⁴Фальк И.П. Записки путешествия академика Фалька // Полное собрание учёных путешествий по России издаваемое Императорскою Академиею Наук, по предложению её президента. Т. VI. Санкт-Петербург, 1824. С. 72.

⁵Великая Н.Н. Казаки Восточного Предкавказья... С. 113.

доход; сверх того хищник наказывается телесно или приговаривается к аресту с употреблением в работы...»¹.

Вопрос с обеспечением продовольственной самодостаточности могло решить распространение картофеля. Но если на крестьян власти могли надавить с помощью административного принуждения и заставить его высаживать на своих огородах, то казаки крайне враждебно восприняли такую затею². Здесь сказывались религиозные предубеждения. Картофель напоминал им табак, курение которого осуждалось в их религиозной среде³.

Долго не приживалась в хозяйстве казаков кукуруза. В отличие от своих соседей-горцев, казаки, несмотря на усилия со стороны кавказской администрации почти не производили её посевов. Причина видится в отсутствии для этого необходимых площадей, а также в устоявшихся хозяйственных традициях гребенцов и терцев⁴.

Практиковалось выращивание технических культур. Речь идёт о льне и конопле, из которых готовилась пряжа не только для собственных нужд, но и на продажу. Пуд пеньки оценивался в 4 рубля. Сама технология изготовления оставалась примитивной. Как фиксировал И.В. Ровинский, «прялок и веретён не употребляют, вместо коих обматывают около себя пеньку, отделяют волокна, сучат руками, какие надобны из неё нитки, и продают на рыболовные сети, каждый фунт от 20 до 30 копеек»⁵. Продолжалась это до начала 40-х гг. XIX в., а затем казаки ограничатся сбором этого дикорастущие растения, а освободившиеся площади станут использовать для иных целей. В итоге на продажу материал больше не поставлялся⁶.

¹ Попко И.Д. Терские казаки со стародавних времён. Гребенское войско. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2001. С. 298.

²Чекменёв С.А. Социально-экономическое развитие Ставрополья и Кубани в конце XVIII века и в первой половине XIX века. Пятигорск: ПГУ, 2022. С. 195-197.

³ Емельянов О.Б. Земледелие в казачьих станицах... С. 110.

⁴ Там же. С. 117-118.

⁵ Ровинский И.В. Указ. соч. С. 421.

⁶ ЦГА РСО-А. Ф. 3. Оп. 1. Д. 76. Л. 59.

Пополнял казачий бюджет и сбор марены, которую использовали для изготовления естественного красителя, весьма востребованного текстильной промышленностью. В основном собирали дикорастущие растения, но известны случаи, когда казаки специально разводили марену с целью продажи¹. Высушенный корень оценивался в начале 30-х годов XIX в. в 8 рублей за пуд, а к началу 40-х гг. уже 20 рублей². Трудно было найти столь прибыльное занятие, которое сравнилось бы с мареноводством по выгоде и затрачиваемых на это усилиях.

Однако продолжалось это недолго. В 1842 г. был открыт способ изготовления синтетической краски, которая пришла на смену природной. Чаще всего фигурирует такое объяснение резкому уменьшению количества собранного корня растения казаками. Но нам представляется не лишённым основания вывод о том, что причина кризиса мареноводства скрывается в отвлечении почти всего мужского населения на службу, а оставшиеся в станицах домохозяева едва успевали выполнять прочие виды хозяйственных работ, балансируя на грани голода³. Что касается ализарина, то он в промышленных масштабах стал производиться лишь с 1869 г., а до этого интерес к корню марены сохранялся.

Не впечатляли и результаты по внедрению шелководства. Оно требовало узкоспециального кропотливого труда и высокого уровня профессионализма. Достичь этого можно было, игнорируя прочие хозяйственные задачи. Казачьи семьи, которые должны были обеспечивать находящихся на службе станичников необходимым прожиточным минимумом, таких условий не имели. Не обошлось и без негативного воздействия природного фактора. Заморозки не щадили посадки тутовых деревьев, число которых в станицах уменьшалось, а восстанавливать насаждения у казаков не было ни времени, ни возможности⁴.

¹ Бутова Е. Станица Бороздинская, Терской области, Кизлярского округа // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1889. Вып. 7. С. 16.

² Васильев Д.С. Указ. соч. С. 148; Стевен Х.Х. Указ. соч. С.48.

³ Емельянов О.Б. Указ. соч. С. 119.

⁴ Емельянова Л.А., Емельянов О.Б. Указ. соч. С. 100-102.

Отдельно следует остановиться на развитии скотоводства и коневодства у казаков. Животных содержали непосредственно рядом с домом в хозяйственных постройках, практиковали отгонное скотоводство и реже разводили на отдельных хуторах. В последнем случае речь шла о состоятельных людях, которых среди казаков в военное время было немного¹. В станицах были свои пастухи, которые за фиксированную плату выпасали животных. В случае потери скота такой пастух должен был компенсировать его стоимость.

Работа пастуха была опасной. «Немирные» горцы нередко устраивали нападения на табуны, которые считались хорошей добычей. Лошадей и крупный или мелкий рогатый скот можно было угнать на неконтролируемые российскими войсками территории; в отличие от вещей, скот не нуждался в транспортировке, а передвигался сам.

Вот, как описывали меры предосторожности, которые ежедневно соблюдали в станицах: «С восходом солнца, прежде всего отправляется в разъезды партия казаков. Тщательно осмотрев все балки и кустарники, окружающие станицу, они возвращаются и рапортуют станичному начальнику, что следы горцев нигде не открыты. Тогда ворота отпирают, жители выгоняют свой скот и выходят сами на полевые работы. Но если день серый, ненастный и густые туманы покрывают землю, мешая видеть вокруг себя, тогда разъезды делаются осторожнее, чтобы самим не наткнуться на засады... За несколько часов до заката, казацкие табуны и стада пригоняются обратно в станицу с пастбищ, под прикрытием двух или трёх вооружённых линейцев»².

Но даже в таких условиях поголовье казачьих табунов возрастало, и они могли не только удовлетворять собственные потребности, но и продавать скот за пределы своих полков. Иногда это приводило к сокращению

¹ ЦГА РСО-А. Ф. 14. Оп. 1. Д. 419. Л. 35 об.

² Драгунский офицер. Воспоминания о Закавказском походе. 1853 и 1854 года // Военный сборник. Санкт-Петербург, 1860. Т. 11. С. 142-143.

численности скота, но в дальнейшем всё это компенсировалось подрастающим молодняком¹.

Обычно скот содержался на подножном корму не менее восьми месяцев. Казаки не заготавливали сено в большом количестве, тем более что хранить его было негде. Скученность домов в станице определялась оборонительным валом, а складирование запасов за пределами поселения было чревато их уничтожением неприятелем. Войсковое начальство строго следило за тем, чтобы на подворьях не устраивали «склады из возгорающихся веществ»². Отсюда и опасность того, что во время снежной зимы скот начинал страдать от бескормицы. В этом случае приходилось скармливать ему солому с крыш, побеги деревьев, молодой камыш и т.п.³ Как правило, за этим следовал массовый падеж скота, и ликвидировать последствия эпизоотии приходилось на протяжении нескольких лет. С такой проблемой казаки столкнулись в 1848-1849 гг., понеся значительные убытки.

Впрочем, от неблагоприятных природных обстоятельств тогда пострадало всё население южной России, что нашло отражение в официальных исследованиях, в частности, в отчёте Инспектора сельского хозяйства южных губерний. Были потери в тягловом скоте, что создало трудности и для занятия хлебопашеством⁴. Для казаков же серьёзной проблемой стала гибель строевых лошадей, что затрудняло несение ими службы по охране границы. Командиры подразделений получили приказ отслеживать появление «болезни на скот» и своевременно реагировать на это, принимая «надлежащие меры»⁵.

К этому времени уже были разработаны способы минимизировать опасность болезни скота. Ещё в 1819 г., генерал-майор Сталь отдал распоряжение, которого придерживались и в последующие годы. Суть

¹ Емельянова Л.А., Емельянов О.Б. Указ. соч. С. 87.

² ЦГА РСО-А. Ф. 13. Оп. 1. Д. 249. Л. 6 об.

³ Фадеев А.В. Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. Москва: Изд-во АН СССР, 1957. С. 78.

⁴ О состоянии разных отраслей сельского хозяйства в южной России, в 1849 г. // Журнал министерства государственных имуществ. Санкт-Петербург, 1850. Часть XXXVI. С. 19-20.

⁵ РГВИА. Ф. 14719. Оп. 2. Д. 461. Л. 4.

предлагаемых мер была следующая: «Во время сильных жаров пасти скотину недалеко от водопоя, в местах, где есть леса и кустарники, дабы могли они скрываться под сень оных. Здоровой скотине давать в корм чаще соль и вымывать ей рот уксусом или хорошим квасом, в котором распущена соль, и натирать язык чесноком, с солью стёртым. Вымазывать рога и копыта дёгтем. В хлевах чаще курить можжевельником или смолою. Коль скоро захворала скотина, то немедленно сделать ей заволоку на нижней части груди... Поить её тёплым зваром льняных или конопляных семян с водою... Взять канфоры... и давать каждый час... Таковые меры по пресечению падежа достаточны, если только оные исполнены будут с строгою точностью»¹. Этот подробный перечень позволяет оценить сколько необходимо было ингредиентов для ухода за животными, что не только требовало определённых денежных вложений, но и забирало у казака немало времени и сил.

Именно скотоводство служило казакам «главнейшим удовлетворением многих потребностей их в исправном снаряжении себя», ведь они несли обременительные траты, связанные с подготовкой к службе². Необходимо было обеспечить казака обмундированием, обувью, конём и сбруей для него, холодным оружием (шашкой и кинжалом). Нередко отдельная семья не могла справиться с такой непосильной задачей, и тогда всё общество собирало необходимые средства³. Подсчитано, что только для приобретения коня, соответствующего всем необходимым критериям, в среднем приходилось откладывать деньги не менее двух лет. Но и тогда купить его на месте удавалось не всегда; следовало дожидаться ярмарки, чтобы приобрести там скакуна⁴.

Постепенно менялось отношение казаков к свиноводству. Первоначально, видимо, под влиянием своих соседей-мусульман, казаки

¹ Попко И.Д. Указ. соч. С. 190.

² ЦГА РСО-А. Ф. 3. Оп. 1. Д. 100. Л. 80.

³ Ерёмин Н.М. Указ. соч. С. 84-85.

⁴ Омельченко И.Л. Указ. соч. С. 203.

игнорировали разведение этих животных. Власти даже вынуждены были вести пропаганду данного вида деятельности, чтобы убедить жителей в пользе для них от разведения свиней¹. К концу изучаемого периода отмечается подъём данной отрасли, прочно вошедшей в хозяйственный уклад местных казаков².

Поколениями вынужденно отдавая большую часть времени военной специализации, мужчины-казаки в итоге закрепили у себя в сознании определённые фобии. Даже завершившаяся активная фаза вооружённого противостояния не привела к изменению шкалы ценностей, в которой торговля, земледелие и ремесло считались непрестижными занятиями, в отличие от войны, охоты и рыбной ловли. Даже в конце XIX в. за казаками подмечали следующие особенности их мировоззрения: «Хотя казак занимается изо дня в день своим сельским хозяйством, сжился с ним и по-видимому полюбил его, но бывают такие моменты, когда это занятие он считает неблагодарным и, по меньшей мере, низким для себя»³.

Сделаем необходимую ремарку. Мирный период в жизни казаков сыграл свою роль в определённой смене приоритетов, в том числе и в хозяйственно-бытовых предпочтениях. Однако полностью отказаться от уже устоявшихся и сделавшихся частью архетипа ментальных установок в ограниченный по меркам истории период времени просто невозможно. Поэтому «профессия писаря, станичного атамана, казначея, поверенного по общественным делам, а также кабатчика, мелочного торговца – наиболее подходит под вкус казака. По правде сказать, казак с завистью смотрит на тех лиц, которые могут жить, ничего не делая. Вот-то, мол, житье разлюбезное: ешь, пей, спи, и никакого у тебя дела за плечами!»⁴. Это был своеобразный поствоенный синдром, который оказал негативное воздействие на отношение

¹ Клычников Ю.Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827 – 1840 гг.). Пятигорск: ПГЛУ, 2002. С. 138-139.

² Емельянова Л.А., Емельянов О.Б. Указ. соч. С. 96.

³ Семенов П. Несколько страничек из жизни казаков ст. Слепцовской, Сунженского отдела, Терской области // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. Тифлис, 1893. Вып. 16. С. 170.

⁴ Там же.

к созидательной деятельности, с присущей ей хозяйственной рутинной. Такая размеренная жизнь не обеспечивает сильными эмоциональными потрясениями, потребность в которых формировала воинская культура.

Для женщин-казачек ситуация осталась неизменной. Они, как и прежде, занимались хозяйством, но теперь не могли рассчитывать на поддержку казны. Вот, что писал о «гребеничках» анонимный автор «Терских ведомостей», сам гребенской казак: «Жена для гребенца – это главное его богатство, откуда он получает и обмундирование, и вооружение, и коня. Чем казак удалее и отважнее, чем он более предан службе, тем он более плохой хозяин. Жена в хозяйстве и доме – для него архимедов рычаг и ее сила чувствуется и видится ему везде. И горе казаку, который не имеет такой жены! Тогда и в доме, и в поле – везде у него плохо»¹.

Правительство мирилось с необходимостью поддерживать защитников границы, плативших своими жизнями и здоровьем за получаемые от государства пособия. Когда потребность в такой службе отпала, казакам перестали оказывать вспомоществование. Необходимо было самим заботиться о благополучии, что крайне болезненно воспринималось потомственными воинами. Дело дошло даже до распространения эсхатологических идей, когда нашлись люди, решившие вообще забросить хозяйственные заботы и готовиться к концу света².

Далеко не все казаки, живущие на Тереке, испытывали подобные затруднения. Достаточно искусны в землепользовании оказались бывшие выходцы с Дона и Волги. Они успели привыкнуть к хлебопашеству ещё до своего переселения на Кавказскую линию, а потому терпимо относились к необходимости сменить, или, вернее, сочетать разные виды деятельности. Если проанализировать данные фольклора, то без труда можно обнаружить

¹ К. Гребенцы (Из заметок и воспоминаний гребенца) // Терские ведомости. 1886. № 11. 6 февраля. С. 2.

² Великая Н.Н. Казаки Восточного Предкавказья... С. 114-115.

многочисленные примеры, связанные с аграрными мотивами. Такие сюжеты присутствуют в рождественских и новогодних песнях¹.

Нельзя не отметить и влияния на хозяйственные приоритеты казаков примера, демонстрируемого помещичьими латифундиями, расположенными на пограничье. Как правило, они принадлежали служившим или уже ушедшим в отставку военным, связавшим свою жизнь с Кавказом. В таких поместьях занимались шелководством, виноградарством и виноделием, производили пеньку. Такие помещики выращивали тутовые деревья и выделяли шёлк². Для казаков они были примером прогрессивных форм ведения хозяйства, хотя повторить в полной мере их достижения было затруднительно. Для этого нужны были серьёзные финансовые вложения и свободное время, которых у большинства казаков не было.

Представляется вполне оправданным вывод о том, что именно воинская культура определяла основные черты казачества как живой исторической системы. Она влияла на специфику выработанной ими системы жизнеобеспечения. В условиях непрестанной угрозы неприятельского разорения своих жилищ и хозяйства жители пограничья должны были уделять внимание прежде всего укреплению занимаемых рубежей, участвовать в боевых операциях против «немирных» соседей. Хозяйственные заботы в такой ситуации осуществлялись по остаточному принципу.

Значительная часть работ перекладывалась на женщин, что препятствовало развитию занятий, требовавших мужского участия. Отсюда доминирование в системе жизнеобеспечения виноградарства и виноделия, выращивания огородных культур, скотоводства. Пашенное хозяйство хотя и получило развитие, но, как правило, ограничивалось обеспечением исключительно собственных нужд казачьих семейств. Свою роль играли природно-географические факторы. Значительная часть земель была плохо приспособлена для выращивания полезных растений, а отсутствие средств и

¹Тхамокова И.Х. Традиционная культура казачества КБР. Нальчик, 2003. С. 111.

²Ерёмин Н.М. Указ. соч. С. 112.

свободных рабочих рук не позволяло исправить сложившееся положение. Со временем в казачьей среде даже выработалось пренебрежение к мирным занятиям, а достойная мужчины деятельность ассоциировалась исключительно с военной службой.

2.2. Демографическая ситуация в казачьих станицах

Процесс формирования и закрепления за Россией северокавказской окраины, военно-политическое противостояние в регионе неминуемо должно было сказаться на специфике демографической ситуации в Притеречье. К числу старожильского населения этих мест относились гребенские казаки, которые одними из первых начали осваивать данные территории. Долгое время сохраняя автономию, они одновременно выстраивали контакты с властями Московского царства, откуда и пополняли демографические ресурсы, позволявшие восполнять и расширять собственную численность, колебавшуюся в связи с неминуемыми потерями от частых вооруженных стычек с соседями, без чего не обходилась жизнь в приграничье.

Ещё одним источником пополнения казачьих рядов стали горские и кочевые народы, отношения с которыми складывались в духе совместничества, т.е. сотрудничества и одновременно соперничества. Учитывая, что гребенцы изначально имели семьи, а не являлись исключительно сообществом-ватагой мужчин, они должны были поддерживать гендерный паритет, добиться которого было непросто. Женщин в собственной среде не хватало, а потому их искали на стороне, умышкая или выкупая у кавказских народов. Эта ситуация способствовала формированию билингвизма и культурной полифонии в среде казаков.

Можно утверждать, что сам образ жизни казаков, их географическая мобильность обеспечили формирование открытости их сообщества. Будучи

уверенными «в своей собственной позитивной групповой идентичности», они давали «основание для уважения других групп и выражения готовности обмена идеями, установками или для участия в совместной деятельности»¹.

Но такая ситуация сохранялась не всегда. В интересующий нас период казаки постепенно замыкались и дистанцировались от лиц не казачьего сословия. Они утратили свою географическую мобильность, обрета на Северо-Восточном Кавказе свою малую родину. Это было обусловлено как религиозными противоречиями, так и желанием сохранить свой образ жизни и мировоззренческие парадигмы, опасаясь аккультурации со стороны носителей ментальности, характерной для внутренних районов проживания великорусского этноса, более привычного к дисциплине и подчинению государственной власти. Платой за это стало ограничение демографической подпитки, получаемой казаками со стороны России, что не могло не повлиять на численности их социальной организации.

В этой связи интересны примеры брачных союзов червлёвских казаков, истории станицы которых посвятил своё исследование Г.А. Ткачёв. Так, повествуя об атамане Степане Максимовиче Фролове, он счёл необходимым упомянуть, что его жена была из «затеречных туземцев» и являлась княжной Таймазовой. Он предполагал, что она вполне могла быть родственницей известного чеченского предводителя Бейбулата Таймазова, известного своими дерзкими нападениями на Кавказской линии, но в конечном итоге перешедшего на русскую службу. Она была похищена удальцом-казакон, но история умалчивает, стало ли это следствием насилия или предварительного сговора молодых людей. Судя по тому, что, приняв крещение и сделавшись Анной Ивановной, она гордилась своей принадлежностью к казачьему сообществу, речь шла о добровольном решении девушки уйти с любимым на русскую сторону. Браком своим женщина была довольна и воспитывала детей в почитании христианской веры, что, впрочем, не мешало одному из

¹ Лебедева Н.М. Психологические аспекты этнической экологии // Этническая экология: теория и практика. Москва: Наука, 1991. С. 121-122.

её сыновей впоследствии перейти на сторону горцев и скрыться среди абадзехов. Процесс перехода к казакам горцев и горцев к казакам носил двусторонний характер и также оказывал воздействие на демографическую ситуацию в Притеречье¹.

Успешно укоренялись среди казаков горские беглецы-изгои. Самые разные жизненные обстоятельства заставляли их искать спасения среди русских, и немало казачьих родов вели своё происхождение от таких людей. Они не порывали связи с родичами, что также способствовало сближению терцев и гребенцов с иноязычным и иноконфессиональным окружением. Изначально казачество было союзом людей, объединённых общей судьбой, которую закрепило в дальнейшем ещё и кровное родство².

Казаки помнили о своих горских корнях. В станице Червлёной родство с чеченцами из тайпа Гуной признавали представители семейства Гулаевых. И это не являлось исключением. В терских станицах о родстве с горцами говорили, когда речь шла о семействе Бусунгуровых, Егоркиных, Титкиных³.

С распространением и укреплением среди горцев позиций ислама такие случаи стали более редкими. Однако это не означает, что подобная практика полностью прекратилась. Достаточно рассмотреть особенность комплектования жителей станицы Луковской, куда переселялись черкесы из числа беглецов-холопов местных владельцев и осетины. Уже в начале XIX в. новокрещёных горцев было в станице 1106 человек⁴. Чаще всего они селились на хуторах. Но точные сведения восстановить не всегда представляется возможным. Власти уделяли мало внимания этнической принадлежности казаков, и эта информация, как правило, не фиксировалась⁵.

¹ Ткачев Г.А. Станица Червленая. Исторический очерк // Сборник общества любителей казачьей старины. Владикавказ, 1912. № 7-12. С. 81-82.

² Великая Н.Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII-XIX вв. Ростов-на-Дону, 2001. С. 62-63.

³ Российское казачество. Научно-справочное издание / Отв. ред. Т.В. Таболина. Москва, 2003. С. 179.

⁴ Попов И. Станица Луковская (Историко-статистический очерк) // Терские ведомости. 1889. № 21. 17 февраля. С. 2.

⁵ Попов И. Станица Луковская (Историко-статистический очерк) // Терские ведомости. 1889. № 22. 19 февраля. С. 2.

Наиболее терпимыми к присоединению в свои ряды инородцев были казаки низового Терского войска. Критерием опознавания «свой-чужой» оставалась вера, а пока среди горцев не утвердились исламские приоритеты, они легко решались на переход в православие. Казаки, по словам И.Д. Попко, напоминали пуритан. Если кумыки, чеченцы или кабардинцы хотели жить в их среде, они крестились и становились в глазах казачьего сообщества своими, без каких бы то ни было оговорок. Чаще всего это были мужчины-одиночки, и их процесс аккультурации происходил незаметно, не привлекая к себе какого-либо внимания. Но к русским перебежали и влюблённые пары, на пути, к счастью, которых становились материальные затруднения, не позволявшие жениху выкупить свою невесту у родителей за достойный калым. Такие пары быстро меняли горские имена на русские и селились среди гребенцов. Отмечается, что это нашло отражение не только на физическом типе местных казаков, но даже повлияло на их менталитет.

Сравниваются довольно свободные нравы, царившие в станице Червлёной, и суровость в отношениях между казаками и казачками Старогладковской. На последних влияло старообрядчество, которого придерживались станичники. Именно приверженность христианскому закону позволила казакам сохранить свою идентичность в иноэтничном окружении. В этой связи можно констатировать, что «не в таких условиях и не на таком уровне культурного развития находилось это общество, чтоб выработать другое связующее начало помимо вероисповедного»¹.

Но именно это и станет в итоге препятствием к пополнению казачьих рядов выходцами из других сословий. Общность корней с русскими и малороссами будет вызывать, пожалуй, большую настороженность и отторжение у казаков, т.к. их культурные ценности вполне могли повлиять на мировоззренческие скрепы и привести к утрате сформировавшейся культурной особенности.

¹ Попко И.Д. Терские казаки со стародавних времён. Гребенское войско. Нальчик: Эль-Фа, 2001. С. 134.

Пополняли казачьи станицы и выходцы из среды степняков. Масштабы таких переходов видимо были настолько заметны, что власти вынуждены были издавать приказы о запрете давать пристанище таким беглецам: «О уходе из Кабарды к терским казакам... ногойцах, никакого известия здесь не имеется. И ежели такие беглецы из Кабарды тамо найдутся, то повелено... их возвращать по-прежнему в Кабарду»¹. Но, как и на Дону, где действовало неписаное правило «отсюда выдачи нет», так и на Тереке случаи передачи московской власти ногойцев в письменных свидетельствах не зафиксированы.

Не выдавали казаки и беглых русских людей, выходивших из горской неволи. В документах, относящихся к XVII в., сохранилась весьма примечательная формулировка, позволяющая сделать однозначные выводы: «...вышле де к нам атаманам и к казакам ис Кабарды...русские люди выходцы 3 человеки. А имян де им, выходцам, и которого города выходцы, Яков не помнит»². Речь идёт об атамане Якове Ивановиче Гусевском, который «внезапно забыл» не только имена беглецов, но и то, где они ранее проживали. Вряд ли это обстоятельство можно назвать случайным. Казачий предводитель не желал сообщать информацию, которая могла повредить людям, нашедшим приют и покровительство казаков. Они остались жить в одном из их городков «у атамана у Овдокима у мещеряка, а в Терской город с ним, с Яковым, не поехали»³.

Приток новопоселенцев-казаков был связан с их религиозными предпочтениями. Среди них было немало староверов, которые искали на Тереке «землю обетованную» и бежали к своим единоверцам, живущим в не контролируемом властями и официальной церковью пограничье. К ним следует добавить и тех казаков, которые принимали участие в различных социальных выступлениях и уже не могли оставаться на прежнем месте,

¹ Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв. Документы и материалы в 2-х томах. Москва: Изд-во АН СССР, 1957. Т.2. С. 71.

² Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. Документы и материалы. Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1958. С. 33.

³ Там же.

опасаясь репрессий со стороны царской власти. Терек в этом отношении оказался для них более безопасным, нежели родной Дон¹.

Однако имеются упоминания и об исходе гребенцов к донским казакам. Связано это с периодами повышения военной угрозы со стороны казачьих соседей, заставлявших их покидать места своего проживания. Учитывая, что такие переходы можно было совершать относительно быстро, примерно за две недели, казаки курсировали с места на место достаточно свободно².

Наличие женщин и детей среди терско-гребенских казаков способствовало созданию на Северо-Восточном Кавказе стойкой этнической группы. Но одновременно это делало казачьи общества уязвимыми в военном отношении. Известны примеры разорения казачьих городков неприятелем и пленение женщин и детей³. Такие случаи в итоге толкали этих первопоселенцев искать защиту у русского государства, хотя казаки и понимали, что это чревато потерей своей самобытности и имеющихся вольностей. Но в сложившихся обстоятельствах устоять по натиском зачастую весьма враждебного окружения было невозможно. В итоге к рассматриваемому периоду гребенские и терские казаки оказались прочно включены в орбиту политического, экономического, социального и культурного влияния российской государственности. Испытывая серьёзные проблемы с увеличением своей численности, на фоне явного демографического превалирования горцев, казаки постепенно покидали правобережье Терека, сосредотачиваясь на левой стороне реки. Там они постепенно стали заниматься производящим хозяйством, что благотворно сказывалось на росте их численности.

Обратимся к авторитетному утверждению С.А. Арутюнова, считавшего, что в сложившихся обстоятельствах можно было рассчитывать

¹ Великая Н.Н. Казаки Восточного Предкавказья... С. 61.

² Козлов С.А. Кавказ в судьбах казачества (XVI-XVIII). Санкт-Петербург: историческая иллюстрация, 2002. С. 14-15.

³ Великая Н.Н. Казаки Восточного Предкавказья... С. 58-59.

на пяти-, а то и шестикратный прирост. Естественно, такие утверждения часто сложно подтвердить статистическими данными, тем более что вмешивались объективные обстоятельства, связанные с военной нестабильностью в пограничье. Тем не менее, если брать мировой опыт, то «осёдлое земледельческое население оказывает демографическое давление на бродячую периферию практически постоянно», в то время как географически мобильные группы, какими на заре своего формирования были казаки, могут «расширяться, притом относительно медленно, лишь на незанятой территории», в целом же они тяготеют «к сбалансированному отношению со средой, к поддержанию стабильной численности (нулевому приросту)»¹. В обстоятельствах жёсткой межэтнической конкуренции это было смертельно опасно и могло закончиться физическим уничтожением возникшего субэтнуса.

Добавим, что в новых обстоятельствах у терско-гребенских казаков происходила гомогенизация культуры и её обособление, а как уже указывалось выше, это затрудняло пополнение их рядов из внешних источников, делая естественный прирост основным демографическим ресурсом.

Средний возраст молодых людей, которые собирались вступить в брак, у казаков оценивался для мужчин 19 лет, а для женщин 18 лет. Естественно, эти правила не являлись догмой. Известны случаи и более ранней женитьбы, когда юноша, фактически подросток, мог жениться уже в 16, а девушка выйти замуж в 15 лет. Связано это было с экономическими факторами. Если в семье не хватало работников, старались получить их, сыграв свадьбу. При этом жених мог уйти в дом невесты в том случае, когда она была единственным ребёнком и семья нуждалась в работнике.

Женщина считалась достигшей репродуктивного возраста примерно к 16 годам. Старой она считалась по достижении 65-летнего возраста, который характеризовался как критический. Среди казаков было немало

¹ Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. Москва: Наука, 1989. С. 66.

долгожителей. Известны случаи, когда в станицах можно было встретить старух старше 90 лет или стариков, переваливших вековой рубеж. Последнее было весьма редким явлением, т.к. мужчины часто погибали или лишались здоровья во время службы.

Как уже отмечалось, казаки к началу XIX столетия уже неохотно вступали в смешанные браки. Национальность, вероисповедание, сословная принадлежность учитывались при заключении семейного союза. Исключением становилось лишь умыкание невесты по предварительному сговору с ней. В противном случае, по словам П.А. Вострикова, изучавшего историю и быт казаков станицы Наурской, «казак никогда не выдаст свою дочь за чеченца или чеченец за казака»¹. Ожесточённость вооружённого противостояния первой половины XIX в. в итоге привела к существенной корректировке в ранее комплиментарном отношении сторон друг к другу. Традиция куначества, взаимопроникновение культур и даже наличие родственных контактов не могли изменить эту тенденцию.

По-прежнему, непреодолимым препятствием становились религиозные расхождения. Старообрядцы крайне негативно относились к официальной Церкви, а её паства, в свою очередь, требовала перехода в своё лоно невесты или жениха. Брак в этом случае был возможен лишь вопреки воле родителей, на что готовы были идти далеко не все молодые люди.

Отмечалось, что казаки не роднились с ногайцами и калмыками, в то время как браки с грузинами и армянами редкостью не являлись. Видимо, сказывалась конфессиональная близость и успешная адаптивность представителей этих этносов в казачьих станицах².

При, казалось бы, схожих исторических обстоятельствах, в различных станицах были свои особенности в брачно-семейных отношениях. В станице Новогладковской они «сложились под влиянием ближайших соседей-

¹ Востриков П.А. Станица Наурская, Терской области // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. Тифлис, 1904. Вып. 33. Отдел 2. С. 188.

² Там же. С. 189.

горцев»¹. Это отразилось на физическом облике казаков, в котором причудливо соединились особенности великороссов, ногайцев, кабардинцев и чеченцев. Последние два этноса серьёзно повлияли и на особенность семейного уклада жителей станицы. Отмечалось, что к невестке относились так же, как и к родной дочери, не делая исключения и не пытаясь смотреть на неё как на пришлую ясырку. В «новогладковской семье все равны», – отмечалось в исследовании о жителях станицы².

Это не означало, что родители учитывали пожелания своих сыновей, когда речь шла о поисках для них супруги. Сердечные отношения, любовь считались блажью, а главным критерием была работоспособность будущей невестки. Отсюда и практика находить молодым, достигшим 17 лет, юношам женщин, которые могли быть на три-пять лет старше. Подобная практика повелась издревле и была связана с тем, что при похищении женщин и дележе их как добычи казаки не смотрели на возраст пленниц. И даже когда набеги за ясырками прекратились, в казачьей среде сохранялся подобный, по словам Ф.С. Гребенца, «убийственный обычай»³.

Оборотной стороной таких отношений являлись весьма вольные, с точки зрения христианской морали, поступки супругов. Выданная за юнца женщина, пробыв с мужем небольшой срок, редко достигавший полутора месяцев, уходила к своим родителям. Она жила у них несколько лет и за это время, будучи на заработках в Кизляре, позволяла себе весьма «свободные» сексуальные отношения. За это время её официальный муж достигал необходимого возраста, нёс воинскую службу, и к моменту её окончания жена возвращалась в его дом и старалась в дальнейшем наладить отношения со свёкром и свекровью.

Подобная практика «есть результат неразумного взгляда на брак родителей брачующихся, которые в снохе стараются видеть только одну

¹ Гребенец Ф.С. Новогладковская станица в её прошлом и настоящем // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. Тифлис, 1915. Вып. 44. Отдел 1. С. 96.

² Там же. С. 97.

³ Там же. С. 98.

рабочую силу», – сокрушался автор истории станицы¹. Однако учитывая, что именно женщина нередко становилась главным добытчиком семейного материального благополучия, такие «вольности» и «беспутства» ей прощались, и на них предпочитали не обращать внимания. Тем не менее подобная практика нередко приводила к конфликтным ситуациям, в том числе и к физической расправе над «разлучницей»².

К началу XIX в., по сведениям, приводимым М.А. Карауловым, всё кавказское казачество насчитывало 13,5 тыс. человек. Но из них на кизлярцев приходилось 108, терцев 400, гребенцов 466, моздокцев 1000, Моздокскую команду 50, волгцев 510³.

В рассматриваемый период государственные власти начинали заботиться о восполнении потерь в рядах терского казачества, перераспределяя «общеказачьи» ресурсы в пользу формирующейся и укрепляющейся границы. По императорскому указу сюда направлялись семьи донских и волгских казаков, которые пополняли численность войска и не вызывали отторжения, будучи своими в местной среде⁴.

Однако выпавшая на казаков чрезмерная военная нагрузка забирала все их силы, заставляя порой практиковать самоубийственные, по сути, мобилизационные усилия. Достаточно вспомнить, с какой ситуацией столкнулся прибывший в 1816 г. на Кавказ А.П. Ермолов. Генерал вспоминал: «Я... увидел между ними не менее половины чрезвычайно молодых людей, нигде не служивших, и даже ребят. <...> должны были выйти на службу все малолетние и даже находившиеся в отставке казаки»⁵. При таких обстоятельствах даже простое воспроизводство делалось невозможным, и говорить об увеличении численности не приходилось. Отсюда стремление командования всеми способами пополнить ряды казаков,

¹ Там же.

² Востриков П.А. Поверья, приметы и суеверные обычаи наурцев // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. Тифлис, 1907. Вып. 37. Отдел 2. С. 65.

³ Караулов М.А. Терское казачество. Москва: Вече, 2007. С. 118.

⁴ Великая Н.Н. Казаки Восточного Предкавказья... С. 65.

⁵ Записки А.П. Ермолова 1798-1826 / Сост., подготовка текста, вступ. ст., коммент. В.А. Федорова. - Москва: Высшая школа, 1991. С. 270.

изыскивая пополнения и среди казённых крестьян, и среди представителей не славянских этносов.

По указанию «проконсула Кавказа», как в шутку называл себя сам А.П. Ермолов, между Моздоком и станицами, населёнными казаками Волгского полка, были размещены дополнительные поселения – станицы Горская, Черноярская, Новоосетинская, Павлодольская, Прохладная, Солдатская. Через некоторое время к ним добавили Государственную и Курскую. Их жители формировали Горский полк, в котором можно было встретить и казаков-старожилов, и горцев, и выходцев из гражданских селений¹.

На примере станицы Бороздинской можно было наблюдать практику подселения к первопоселенцам из числа коренных терцев и донцов бывших дезертиров российской армии из числа казанских татар. Они в своё время бежали к горским единоверцам, но не прижились в их среде и были выведены генералом А.П. Ермоловым обратно. В качестве компромисса им предложили стать казаками, что стало наиболее подходящим вариантом как для беглецов, так и для имперских властей. Расчёт оказался верным, и когда в 1831 г. возникла угроза разорения станицы отрядами Гази-Мухаммеда (Казимуллы), казаки-татары наряду со старожилами участвовали в подготовке обороны своих жилищ от неприятеля. В 1837 г. к ним присоединились и аварцы, оказавшиеся в плену у генерал-майора К.К. Фезе после его похода к Телетлю. А ещё спустя десять лет в станице появились выходцы из Харьковской губернии, которые в условиях северокавказского фронта, с его опасностями и испытаниями, вскоре сделались столь же опытными и храбрыми воинами, как и уже успевшие укорениться на Кавказской линии их предшественники².

Такие меры давали позитивный результат, и к 1834 г. численность казаков, сосредоточенных на левом берегу Терека, оценивалась примерно в

¹ Максимов Е.Д. Терское казачье войско. Историко-статистический очерк. Владикавказ, 1890. С. 22.

² Бутова Е. Станица Бороздинская, Терской области, Кизлярского округа // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. Тифлис, 1889. Вып. 7. С. 4.

20 тысяч человек. Для сравнения: столетием ранее их было не более 4 тыс. жителей¹.

Ещё одним источником пополнения их состава стало причисление к станицам калмыков, о чём, в частности, ратовали генералы Верзилин и Вельяминов. Так, Алексей Александрович Вельяминов предлагал расселить их среди казаков Моздокского полка и сумел в феврале 1836 г. заинтересовать своим предложением самого императора. Казна предлагала построить для них дома и готова была компенсировать полковые затраты из расчёта 200 руб. на одно семейство. Всего предполагалось разместить в станицах 1020 душ мужского и 1070 женского пола из числа крещёных калмыков². Для их лучшей адаптации на новом месте предполагалось на первое время освободить их от службы и лишь по истечении трёх лет, когда они овладевали русским языком, начать использовать наряду с прочими казаками³.

В 1830-е годы именно правительственная политика позволила существенно расширить ряды местного казачества за счёт размещения в ключевых пунктах региона новых станиц. Успешно справившись с волнениями в Польше, правительство сочло необходимым в 1832 г. сформировать из принимавших участие в подавлении мятежа малороссийских частей два новых полка, которые и отправлялись на поселение на Северный Кавказ. Первоначальным местом размещения одного полка стала Кубанская линия, а другого – Кабарда⁴.

Легализовал это начинание Высочайший Указ от 30 сентября 1832 г., причём критерием для отбора желающих отправиться на южную границу было малоземелье. Предпочтение отдавалось тем, чей надел не превышал 5

¹ Великая Н.Н. Казаки Восточного Предкавказья... С. 65-66.

² Бентковский И.В. Материалы для истории колонизации Северного Кавказа. Моздокские так называемые «крещёные калмыки» (Извлечение из №№ 35, 38 и 42 «Ставропольских губернских ведомостей» за 1880 год. Б.м., б.г. С. 2-3.

³ Там же. С. 5.

⁴ Клычников Ю.Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827 – 1840 гг.). Пятигорск: ПГЛУ, 2002.С. 187.

десятин земли. Помимо малороссийских казаков, эти правила были распространены и на казённых поселян¹.

Во время посещения Кавказа в 1837 г. император Николай I высказал пожелание дополнительно укрепить охрану стратегического пути, связывающего Закавказье с остальной территорией страны. Этот путь пролегал по Дарьяльскому ущелью и с севера был закрыт крепостью Владикавказ. Дорогу от неё до Екатеринограда решили дополнительно усилить Малороссийскими полками. Кроме того, имеющиеся в окрестностях военные поселения переводились в разряд станиц, и к ним подсеялись семьи из числа малороссийских казаков.

Реализация данного проекта началась в 1838 г. Колонизационно-демографической метрополией для этого проекта послужили преимущественно выходцы из Полтавской и Черниговской губерний. Благодаря изысканиям известного специалиста по казачьей истории Л.Б. Заседателевой известны места, откуда рекрутировались эти кадры, - селения Середнаковка, Вениславовка, Сергеевка, Ковалевка и т.д.²

Для жителей новых станиц выделялись земли из расчёта 15 десятин на одного казака-мужчину. Предварительно места поселения изучали топографы и медики, которые давали своё заключение о пригодности данной территории для проживания. За счёт казны приобретался скот, инвентарь, стройматериалы. В новоучреждённых станицах высаживались плодовые деревья. Женатым казакам строили собственные дома, а холостые должны были проживать в казармах³.

Власти делали всё, чтобы создать поселенцам пристойные условия для жизни, рассчитывая на их скорейшее укоренение на новом месте⁴. Вопрос

¹ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 5. Д. 594. Л. 2.

² Заседателева Л.Б. Терские казаки (середина XVI – начало XX в.). Историко-этнографические очерки. - Москва: Издательство Московского университета, 1974. С. 210-211.

³ Берозов Б.П. Из истории русского (казачьего) поселения в Осетии // Роль России в истории Осетии. Орджоникидзе: СОГУ, 1989. С. 187-190.

⁴ Бадов Ч.Р. История возникновения 1-го Владикавказского казачьего полка // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. No 11 (37). Ч. 2. С. 25.

этот долго оставался болезненно актуальным, т.к. убыль в полках была весьма ощутима. Это обуславливалось потерями во время стычек с «немирными» горцами и сложностями акклиматизации малороссов в непривычном для них географическом пространстве. Приходилось пополнять ряды станичников новыми переселенцами, при этом предпочтение отдавалось семейным казакам и юношам до 20 лет, в надежде, что те найдут здесь себе супругу и останутся на Кавказе¹.

На последнее обстоятельство командование обращало особо пристальное внимание. Если казак не женился, то по окончании срока службы, как правило, возвращался в Малороссию. Среди «хитростей» полкового начальства числилась практика назначения холостяков в помощь женатым при постройке домов. В этом случае, видя все те преимущества, которые получали их женатые сослуживцы, их холостые товарищи тоже задумывались о вступлении в брак². Семейные станичники до того момента, пока не обустроивали собственное хозяйство, находились постоянно по месту жительства и должны были лишь участвовать в его охране и обороне. Особо приветствовалось поселение в станицах офицеров-казаков, которые в этом случае получали от казны увеличенное жалование.

Как только дома были возведены, по месту прежнего проживания отправлялись полковые представители, которым предстояло забрать казачьих жён для переезда на место службы супруга. Вместе с ними ехали и дети, в том числе многочисленные незаконнорожденные («байстрюки»), которых решили не разлучать с «нагулявшими» их матерями. Отмечалось, что молодёжь, в отличие от людей старшего возраста, довольно успешно адаптировалась в новых условиях. Из них со временем получились «прекрасные казаки»³.

¹ Пономарёв Ф. П. Материалы по истории Терского казачьего войска // Терский сборник. Владикавказ, 1903. Вып. VI. С. 159-160, 163.

² Там же. С. 171.

³ Там же. С. 178.

Ещё одним источником пополнения славянского народонаселения в крае становились женатые нижние чины, которые, прослужив не менее пятнадцати лет на Кавказе, выражали готовность остаться здесь на поселение¹.

Весомым источником пополнения рядов казачества стали казённые поселяне, которые проживали в крае и могли выполнять те же функции, что и казаки. Такая идея была озвучена в 1811 г. А.П. Тормасовым, который, помимо русских демографических ресурсов, видел возможность обратить в казаки ещё и живших возле Кизляра «окоченских и новокрещённых татар»². Но в силу объективных обстоятельств власти не смогли тогда приступить к этому непростому и угрожающему социальными волнениями замыслу. Вплотную заняться им правительство смогло лишь в конце 20-х годов, тем более что и сами казённые поселяне были не прочь изменить свой статус, о чём и просили местную администрацию³.

Терское левобережье стали заселять крестьянами из Харьковской, Полтавской, Черниговской, Воронежской, Астраханской, Курской, Симбирской, Тамбовской губерний. Для них изменение социального статуса и превращение в казаков не всегда имело добровольный характер. Да и старожилы зачастую воспринимали эти шаги властей негативно, но ничего поделать не могли. Сказывался низкий естественный прирост казачьего населения, заставлявший игнорировать такое недовольство⁴.

Власти старались контролировать этот процесс, но, помимо официальных переселенцев, имелись и те, кто прибывал на Кавказ без разрешения. Кому из них удалось натурализоваться в казачьей среде, подсчитать не представляется возможным, хотя Казённая палата и предпринимала такие попытки⁵.

¹ Заседателя Л.Б. Указ. соч. С. 211.

² Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. Санкт-Петербург, 1885. Т. V. С. 410.

³ РГВИА. Ф. 13454. Оп. 5. Д. 558. Л. 93.

⁴ Великая Н.Н. К истории взаимоотношений народов Восточного Предкавказья в XVIII-XIX вв. Армавир, 2001. С. 25.

⁵ Кабузан В.М. Население Северного Кавказа в XIX – XX веках. Этностатистическое исследование. Санкт-Петербург: Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1996. С. 64.

В 1828 г. в свет вышло распоряжение Николая I, согласно которому «был разрешён приём инородцев в поселённые на Кавказской линии казачьи войска, с подчинением их все правам и постановлениям казачьих войск»¹. При этом в дальнейшем никто не мог покуситься на их казачий статус, даже если бы обнаружилось, что в прошлом кто-то мог находиться в личной зависимости. Подобная категоричность лучше всего демонстрирует глубину демографической проблемы в казачьих рядах и невозможность с помощью естественного воспроизводства компенсировать потери, неминуемые в условиях возраставшего накала вооружённого противостояния в крае. Опасность спровоцировать бегство крепостных в казачьи станицы, как это уже случалось в прежние времена, сочли меньшей проблемой и готовы были смириться с возможными рисками.

Уверенность властей в том, что они не столкнутся с массовым бегством владельческих крестьян на Кавказскую линию, была связана с тем, что опасности, подстерегавшие новопоселенцев на границе, служили лучшим аргументом для сдерживания искавших свободы людей, чем правительственные указы и ограничения. По этой причине среди некоторых категорий новопоселенческого населения служба в рядах казаков приравнивалась к ссылке в Сибирь. Об этом свидетельствует мнение Государственного совета от 24 августа 1831 г., согласно которому грузинские помещики могли отправлять своих провинившихся крепостных в казачьи станицы, а не на каторгу. Сенаторы при этом указывали на необходимость не разлучать таких людей с их семьями, а поселять в станице за счёт самих бывших владельцев, согласовывая такой шаг с местным начальством².

В декабре 1832 г. вышел в свет императорский указ, согласно которому часть жителей казённых селений переводилась в сословие линейных казаков, что частично решало проблему пополнения их рядов новыми станичниками³.

¹ Полное собрание законов Российской империи. Второе собрание. Санкт-Петербург, 1831. Т. V. № 3566. С. 247.

² Полное собрание законов Российской империи. Второе собрание. Санкт-Петербург, 1833. Т. VII. № 5577. С. 566.

³ Там же. № 5796. С. 883.

Одиночные и групповые переходы в линейные станицы из казённых селений, находившихся в тыловых землях северокавказского пограничья, происходили и в последующие годы. Но в основном это был правый фланг Кавказской линии, где в итоге однодворцы стали большинством среди станичников¹.

Помимо Кавказа, для Российской империи немало проблем доставляла Польша. Чтобы отчасти снять напряжение, царившее на новых западных территориях, в 1831 г. решили переселить из Подольской губернии на Кавказ 5000 семей. Местная шляхта не желала социализироваться в новую для себя общность, была подвержена маргинализации и считала «недостойным» для себя заниматься промыслами. Таких проблемных людей, «не имевших осёдлости» и предпочитавших «проживать в праздности», решили отправить на Кавказскую линию, чтобы в составе казачества они могли реализовать свой воинственный потенциал. При этом власти строго обозначили свою позицию о финансовой поддержке этих людей. Войска сами должны были обеспечить их переезд и размещение, а программа по поддержке однодворцев на них не распространялась².

Согласно подсчётам И.В. Бентковского, всего в Кавказском линейном войске к марту 1837 г. насчитывалось 72890 душ, в число которых он не внёс «крещёных калмыков и холопьев, как не обязанных казачьею службою»³. Как уже отмечалось выше, на левобережье Терека из этого числа три года назад была без малого треть всех казаков, поселённых на границе.

Перенесение линии казачьих станиц на реку Сунжу, произошедшее в 1845 г., стало важным этапом в «оказачивании» Северо-Восточного Кавказа. Для станичников это было серьёзным вызовом, т.к. приходилось оставлять обжитые места и вновь переходить на опасный фронт, рискуя подвергнуться разорению со стороны находившихся на пике своего

¹ Колесников В.А. Однодворцы-казаки. К 200-летию со дня основания Рождественской, Каменнобродской, Сенгилеевской и Новотроицкой станиц. Санкт-Петербург: Издательство «НЕСТОР», 2000. С. 50.

² Полное собрание законов Российской империи. Второе собрание. Санкт-Петербург, 1833. Т. VII. № 5250. С.158-159.

³ Бентковский И.В. Материалы для истории колонизации... С. 4.

могущества «немирных» горцев. Не случайным было то обстоятельство, что в основе этого процесса лежал принцип добровольности. Казаки тянули жребий, кому из них предстояло укореняться на новом месте. Показательно, что на Сунжу шли «чистые», по определению Л.Б. Заседательевой, казаки, среди которых больше всего было донцов, затем терцы, в основном из Моздокского полка и наконец кубанцы. Если в первых двух случаях большинство было из великороссов, то в последнем – малороссов¹.

Процесс заселения и освоения новых рубежей затянулся на пятнадцать лет. В итоге здесь были размещены сразу три полка – 2-й Владикавказский, 1-й Сунженский и 2-й Сунженский, каждый из которых был представлен несколькими станицами. Так, по словам М.А. Караулова, и завершился трёхвековой процесс заселения Терека казаками, который начался с гребенцов и завершился «молодыми станицами» сунженцев².

В 1847-1848 гг. из малороссийских губерний были вызваны казаки и крестьяне для подкрепления гребенцов. Их поселили в Щедринской, Новогладковской, Старогладковской и Шелковской станицах³. Рядом со станицей Червлённой возникла ещё одна – Николаевская. Связано это было с тем, что местные казаки наотрез отказались принимать у себя «приписных». Тогда власти, опасаясь разрастания конфликта, предпочли не идти на дальнейшее обострение и разместили новосёлов отдельно⁴.

Отмечается, что в отличие от ранних страниц истории казаков, которые готовы были принимать в свои ряды самых разных людей, обращая внимание лишь на религиозную принадлежность человека, теперь они стали опасаться за свою самобытность. Процесс культурной ассимиляции не поспевал за темпами механического увеличения численности местного казачества, и мы

¹ Заседательева Л.Б. Указ. соч. С. 208-209.

² Караулов М.А. Указ. соч. С. 136.

³ Ткачев Г.А. Гребенские, Терские и Кизлярские казаки. Книга для чтения в станичных и полковых школах, библиотеках и командах. Владикавказ, 1911. С. 210-211.

⁴ Великая Н.Н. Казаки Восточного Предкавказья... С. 67.

видим, что оно как единая субэтническая группа не сформировалось окончательно¹.

В этой связи уместно привести цитату из произведения Л.Н. Толстого. Она хорошо известна, но учитывая, что в данном случае размышления этого выдающегося мыслителя и современника весьма уместны и адекватно отражают суть описанного выше мировоззренческого обстоятельства, мы приведём наиболее значимый фрагмент: «...русский мужик для казака есть какое-то чуждое, дикое и презренное существо, которого образчик он видел в заходящих торгашах и переселенцах малороссиянах, которых казаки презрительно называют шаповалами». Доходит до того, что они считают лишь «себя на высокой степени развития и признают человеком только одного казака...»².

Не только мужчины, но и женщины-казачки демонстрировали неприязнь к чужакам. Не редкость было солдату, размещённому на постой в доме гребенцов, услышать в свой адрес: «Чево пришёл, чёрт? Каку надо болячку, скоблёное твоё рыло? Табачищем дом загадишь, чёрная на тебя немочь...»³. Говорить в таких обстоятельствах о брачном союзе не приходилось. Пару искали среди «своих», что при значительных потерях и частых отлучках казаков по делам службы было затруднительно.

Уже авторы имперского времени произвели подсчёты того, из каких этнических компонентов были сформированы казачьи сообщества на Тереке. У С.И. Писарева есть соответствующая статистическая таблица, которая хотя и относится к началу 80-х гг. XIX в., но в целом даёт представление об интересующем нас демографическом феномене⁴:

¹ Там же. С. 68.

² Толстой Л.Н. Хаджи-Мурат. Казаки. Кавказская повесть. Нальчик: Книжное издательство «Эльбрус», 1978. С. 144.

³ Попко И.Д. Терские казаки со стародавних времён. Гребенское войско. С. 121.

⁴ Писарев С.И. Трехсотлетие Терского казачьего войска 1577-1877: ко дню юбилейного празднования 3-го октября 1881 г. Владикавказ, 1881. С. 43.

Полковые округа	Казаков великорусского племени: гребенских, донских и волгских	Казаков и крестьян малороссийских губерний	Крестьян великорусских губерний	Солдат отставных и военных поселений	Иногородцев
Кизлярско-Гребенской	64,8	24,4	2,1	1,5	7,2
Горско-Моздокский	47,2	28,9	18,7	0,9	4,3
Волгский	28,4	26,1	42,4	3,4	„
Владикавказский	27,6	46,1	4,1	22,2	„
Сунженский	77,1	7,5	1,4	14,6	„
Итого в войске	49,1	26,6	13,7	8,3	2,3

Поднимая вопрос о том, куда же подевались представители кабардинского, кумыкского и прочих горских народов, исследователь пришёл к выводу, что они к рассматриваемому им времени либо ассимилировались, либо перешли в другие сословия¹.

Настойчивость властей по увеличению количества казаков, проживавших на Кавказской линии, была вполне оправдана. Потери, которые они несли, участвуя в обороне границы, не могли быть возмещены только благодаря высокой рождаемости в их семьях. Хотя в семьях принято было иметь много детей, но далеко не все они достигали совершеннолетия. Лишь после замирения края потребность в причислении в казачье сословие прочих подданных империи сократилась, и от этой практики постепенно отказались². В казачьих станицах рождаемость почти в два раза превысила смертность, что позволяет утверждать о витальности их уклада, способного справиться с демографическими вызовами в условиях мирного существования³.

К началу XIX в. численность старожильческого казачьего населения в Притеречье была невелика. Естественное воспроизводство не могло

¹ Там же. С. 44.

² Великая Н.Н. Казаки Восточного Предкавказья... С. 68-69.

³ Терское казачье войско в 1882 году (Извлечение из всеподданнейшего отчёта) // Терские ведомости. 1883. № 40. 1 октября. С. 2-3.

восполнять потери, понесённые в результате вооружённых столкновений с горцами и участия в различных походах российской армии. Отсюда и укоренившаяся практика принимать в свои ряды как выходцев из числа славянских народов, так и местное, кавказское население. Они усваивали казачий образ жизни и социокультурные ценности и становились равноправными станичниками.

В дальнейшем эти способы пополнения рядов казаков берётся организовывать официальная власть. Значительным демографическим ресурсом сделались казённые поселяне, причисленные к казачьему сословию. На передовые рубежи переселялись казаки, живущие в «тыловых» землях империи. Так, довольно много среди новопоселенцев Северо-Восточного Кавказа было донцов, казаков Волгского полка, выходцев из числа малороссийского казачества и т.д. Поселялись в станицы, расположенные по Тереку, а затем и Сунже представители различных кавказских народов, в том числе и соперничавшие с ними этносы, в частности, чеченцы.

Но по мере завершения вооружённого противостояния в крае, ослабления военной нагрузки на станицы основным источником становится естественный рост населения, поощряемый в казачьей среде, где браки заключались в довольно юном возрасте, а в семьях старались иметь много детей.

В начальный период освоения казаками территории Притеречья для них был характерен промысловый хозяйственный тип, в котором преобладали охота и рыболовство. Закрепившись на новых рубежах, казаки всё больше внимания начинают уделять сельскому хозяйству – земледелию и скотоводству.

Вынужденно отвлекаясь на несение воинской службы, казаки отчасти получали компенсацию от казны, но такая оплата не могла полностью удовлетворить потребности их семей. В значительной степени их благополучие зависело от ведущих домашнее хозяйство женщин, на плечи

которых ложились основные тяготы по работе в поле, на бахчах и садах. Этим объяснялось и особое значение виноградарства, дававшего возможность компенсировать недостаток зерновых, и почти не требовавшего мужского участия. Со временем это даже найдёт отражение на пренебрежительной оценке казаками-мужчинами сельского труда, который будет считаться «непрестижным».

Численность казачества, проживавшего на Северо-Восточном Кавказе, зависела от обстоятельств, связанных с военно-политическими процессами, протекавшими в регионе. Формирование рядов казачества происходило как в результате естественного воспроизводства, так и за счёт пополнения за счёт славянских и горских этнических компонентов. В дальнейшем внешняя подпитка казаков была сведена к минимуму. Стало формироваться мировоззрение, которое противопоставляло их сообщество остальному «чуждому» миру.

Социальный статус, конфессиональная и этническая принадлежность являлись маркерами «свой-чужой» и препятствовали механическому пополнению рядов станичников. Отмечается, что соседи-соперники в лице горцев были нередко ментально ближе и понятнее терским казакам, нежели выходцы из российских губерний. Попадая в силу различных жизненных обстоятельств в станицы, горцы подвергались аккультурации. Впрочем, в рассматриваемый период ассимиляционные процессы постепенно сменялись консолидационными, и казачество становилось довольно замкнутой группой. Но по мере ослабления военной нагрузки на станицы казаки сумели не только собственными силами восполнить свои ряды, но и увеличить их количество.

Глава 3. Культурно-религиозные черты казачьего социума

3.1. Специфика культурного самосознания казаков

Казачество, будучи самобытной субэтнической группой, пусть и связанной с материнской русской культурой, имело свои особые черты, нашедшие отражение в их самосознании. Оно формировалось под воздействием иноэтнического влияния, невзгод и опасностей, присущих фронтиру. Их ментальности было характерно совпадение группового и индивидуального сознания, на что уже обращали внимание исследователи, вполне оправданно не разделяя в этом контексте этническое сознание и самосознание¹.

Уместно вспомнить здесь рассуждения Б.А. Рыбакова об особенностях и сложностях этногенетического процесса, который происходил не однозначно линейно, исключительно по восходящей, а подвергался кардинальным изменениям, нередко меняя ранее наметившуюся линию развития. Здесь могло присутствовать постепенное кровнородственное сближение, которое сменялось поглощением и ассимиляцией со стороны неродственных этносов. Причем это явление могло ускоряться или замедляться в зависимости от складывавшихся обстоятельств. Богатый историко-археологический опыт исследований автора позволил ему говорить о факторе исторических центров тяготения, когда единый этнический массив мог расщепляться, а его фрагменты втягивались в «соседние этногенетические процессы»².

¹ Великая Н.Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII-XIX вв. Ростов-на-Дону, 2001. С. 218.

² Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. Москва: Наука, 1981. С. 216.

Благодаря этническому самосознанию люди осознают свою принадлежность к конкретному народу или этнической группе. Такие чувства подвержены колебаниям. Они могут усиливаться или слабеть, сочетаться с сословной принадлежностью и т.п. Человек соотносит себя с конкретной общностью, считает себя ее частью. Он имеет собственное представление об особенностях своей группы, оценивает ее качество, в его сознании закреплены автообраз (взгляд на свой этнос) и экстраобразы (оценка других народов и отношение к ним). Для этнического сознания характерно наличие исторической памяти, этнической симпатии и антипатии в зависимости от полученного жизненного опыта¹. Все эти особенности имелись и у казаков, которые считали земли Северо-Восточного Кавказа своей малой родиной, поскольку сформировались здесь как самобытное социокультурное явление, постепенно обретавшее неповторимые этнические черты².

Чтобы в полной мере раскрыть сущностные стороны процессов становления казачьей этничности, можно обратиться к идее Ю.В. Бромлей, предложившего понятие «этникос», под которым он понимал несколько поколений людей, связанных общей судьбой (диахронные связи) и сформировавших специфические материальные и духовные черты. Эта общность со временем начинает фиксироваться и в их сознании, а выработанные ценностные ориентиры – транслироваться из поколения в поколение³. Казаки, «не теряя своей языковой и культурной самобытности, бывают тесно ассоциированы с какой-либо крупной нацией»⁴. Когда речь идет о терско-гребенских казаках, то это русская нация, которая и породила это локальное этническое явление.

¹ Джарылгасинова Р.Ш. Теория этнического самосознания в современной этнографической науке (основные аспекты и проблемы) // Советская этнография. 1987. № 4. С. 9–22.

² Голованова С.А. Государственная политика России по регулированию численности казаков Терека и Кубани в XVIII–XIX вв.: этнодемографический аспект. Армавир: РИО АГПА, 2014. С. 25.

³ Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. Москва: Наука, 1983. С. 15.

⁴ Арутюнов С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. Москва: Наука, 1989. С. 29.

И здесь уместно привести также размышление Г.Д. Гачева, заметившего, что «каждый народ видит мир особым образом. Зависит это от того участка мирового бытия, который достался, доверен на жизнь каждому народу: от особого сочетания первостихий – земли, воды, воздуха огня, – которое отлилось и в составе человека (этническом и духовном), и в быту, и в слове. История народы меняет, сближает, перемешивает, однако работает она на добротном, сложившемся тысячелетиями национальном субстрате, и все изменения суть именно его изменения. Оттого и история своеобразна, и особы в ней извивы и сочетания общей миру цивилизации и исконно выросшей у народа каждой культуры»¹. Такой подход позволяет понять, почему, оказавшись почти в изолированном состоянии, гребенские казаки сохранили русское самосознание, хотя и пытались дистанцироваться от породившего их этнокультурного материка.

Начиная с XVIII в. местное казачество начинает переходить в сословное состояние, что находит отражение в их мировосприятии. Находясь под контролем военного ведомства, оно неминуемо сталкивается с тем, что государство стремится регламентировать значительную часть их повседневной жизни, а это также получает отражение в их самосознании. В рассматриваемый исторический период это был уже состоявшийся факт: государство наследственно закрепило за казаками их занятия, связанные с воинской службой, ограничив социальную мобильность².

Важный смысл для самосознания имеет и этноним. Если изначально понятие «терские казаки» относилось к этнокультурной общности, то в дальнейшем оно приобретает значение места пребывания. Под ним начинает пониматься достаточно пестрое объединение, в которое входили, помимо старожильческих терско-гребенских компонентов, еще и донцы, а также представители северокавказских народов, которые волею Российского

¹ Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Евразия – космос кочевника, земледельца и горца. Москва: Институт ДИДИК, 1999. С. 9.

² Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): В 2 т. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2003. Т. I. С. 80.

государства включаются в ряды Терско-Семейного и Терско-Кизлярского войск¹.

Возникшее как предэтноним название, связанное с местом географического проживания, в итоге может закрепиться за этнической группой. Оно играет важную роль в формировании самоидентификации². Оно может не сохраниться при переселении на новое место, а может и остаться, сохраняя свое значение для устоявшейся общности³. Так, понятие «гребенские казаки» не утратило своего смысла и, являясь важной частью самосознания, передавалось из поколения в поколение. Для носителей гребенского сознания было характерно целостное мировоззрение и мироощущение, что особенно заметно при анализе их песенного фольклора⁴.

Между тем территория их изначального проживания сокращалась, в конечном итоге сохранившись лишь в бассейне реки Сунжа⁵. Но утрачивая часть жизненного пространства, они получили возможность для прочной консолидации, обрели многочисленные информационные связи. У них сформировалась общность в понимании оппозиции «свой-чужой», которое выстраивалось на основе языковых, территориальных, религиозных и прочих признаков⁶.

Особенностью формирования этнического самосознания гребенских казаков было то, что оно проходило свое становление в экстремальной ситуации, будучи окружено иноэтничным населением, достаточно враждебно относящимся к новопоселенцам-конкурентам. Не имея возможности рассчитывать на поддержку метрополии, казаки должны были создать эффективный механизм мобилизации собственных ресурсов, от чего

¹ Великая Н.Н. Казаки Восточного Предкавказья... С. 219.

² Козлов В.И. Этнос и территория // Советская этнография. 1971. № 6. С. 100.

³ Чеснов Я.В. Ранние формы этнонимов и этническое самосознание // Этнография имен / Отв. ред. В.А. Никонов, Г.Г. Стратанович. Москва: Наука, 1971. С. 6–13.

⁴ Белецкая Е.М., Великая Н.Н., Григорьев А.Ф. Очерки духовной культуры гребенского казачества в дореволюционный период / Под ред. В.Б. Виноградова. Ставрополь: Ставролит, 2012. С. 178.

⁵ Виноградов В.Б., Магомадова Т.С. О месте первоначального расселения гребенских казаков // Сборник избранных статей Виталия Борисовича Виноградова. К 70-летию со дня рождения. Армавир: Редакционно-издательский центр АГПУ, 2008. С. 83–90.

⁶ Великая Н.Н. Казаки Восточного Предкавказья... С. 222.

зависело их выживание. Необходимо было обеспечить сплоченность этнической группы, стимулировать воспитание соответствующих морально-волевых качеств¹. В качестве инструментов выступали язык и вера, позволившие не подвергнуться ассимиляции в чужой среде.

Упомянув здесь язык как один из маркеров самосознания, мы вместе с тем должны отметить некую условность данного признака, сославшись на наблюдение Б.А. Рыбакова. Он, в частности, отмечал: «Язык того или иного народа, наиболее явный этнический признак, может быть средством общения и других народов; нередко образуется длительное двуязычие (особенно при чересполосном поселении народов), тянущееся веками. Иногда язык прадедов забывается, а этническое самосознание остается»². В речи гребенских казаков присутствовало множество заимствований из языков их соседей, что отнюдь не означало «размывание» их субэтничности и вполне устоявшегося самосознания.

Всё это позволило превратить территориально-социальное объединение, которым изначально были переселенцы на Терек и Сунжу, в субэтническое образование. Произошло это задолго до XIX в., скорее всего, при Иване IV, и при этом за прошедшие столетия приобретенные этнические черты не только не исчезли, но еще и усилились. По крайней мере, в фольклоре этот пласт исторической памяти нашел свое отражение и был зафиксирован исследователями: «Гребенские наши казаки – / Царю речь говорят. / – Да ты, батюшка, ты наш надёжа, / Православный Государь! / Да ты чем нас подаруешь – / Чем пожаловаешь? / – Подарю я вас, моих казаченьков, / Рекой вольною, Терекон Горыньевичем, / Что от самого Гребня – До Синя моря, / До синя моря – / До Хвалынского»³.

¹ Григорьев А.Ф. Этническая картина мира гребенских казаков (на примере ритуально-обрядовых традиций и песенного фольклора). / Под ред. И.И. Горловой. Ставрополь: Возрождение; Ставролит, 2011. С. 215, 220–221.

² Рыбаков Б.А. Указ. соч. С. 215.

³ Ткачев Г.А. Гребенские, Терские и Кизлярские казаки. Книга для чтения в станичных и полковых школах, библиотеках и командах. Владикавказ, 1911. С. 157–158.

Терек сделался для казаков символом их свободы и самобытности. Для казачьего самосознания – это культурный ландшафт, вокруг которого сформировалось их мировоззрение. Неслучайно в песнях его именуют «родной да наш отец», подчеркивая ту роль, которую он сыграл в появлении их этничности¹. Когда речь шла о Тереке, казаки не находили в нем изъяна. Его слава – это и их слава: «Ах ты, батюшка, ты наш батюшка, / Быстрый Терек, ты Горыньевич! Про тебя то лежит слава добрая, / Слава добрая, речь хорошая!»².

В XVI в. была достигнута критическая точка, или узловой момент, после которого происходит территориально-социальное объединение. В этот период этногонический и глоттогонический процессы приобретают черты завершенности и необратимости³. Причину столь быстрого оформления самобытных черт следует искать в экстремальной ситуации, в которой сразу же оказались казачьи общества.

К первой половине XIX столетия ситуация не претерпела кардинальных изменений. Несмотря на усиление российского присутствия в крае весь комплекс неблагоприятных условий жизнеустройства сохранился, и казаки должны были реагировать на непрестанную череду вызовов, связанных с военно-политической нестабильностью в пограничье. Не отрицая наличия вполне дружеских, партнерских отношений казаков с соседями, следует признать весьма жесткую конкуренцию, присущую местной действительности.

Судя по сохранившимся и бытовавшим в казачьей среде преданиям, они получили право на особое к себе отношение со стороны престола за свою воинскую службу, защиту рубежей России. Далеко не случайно казаки верили, что Иван Грозный жаловал их землями по Тереку. Они готовы были

¹ Терек вспышный: песни гребенских казаков. / Составитель Е.М. Белецкая; художник С.В. Наймушина Грозный-Екатеринбург, 1991–2007. С. 239.

² Гребенцы в песнях. Сборник старинных, бытовых, любовных, обрядовых и скоморошных песен гребенских казаков с кратким очерком Гребенского войска и примечаниями. / Составитель Ф.С. Панкратов. Владикавказ, 1895. С. 3.

³ Толстов С.П. Основные проблемы этногенеза народов Средней Азии // Советская этнография. 1947. № 6–7. С. 304.

и далее выполнять свою часть договора, но ожидали, что и со стороны государства будут соблюдаться принятые обязательства, в частности, никто не будет оспаривать их право на место проживания. Вся эта информация письменно не фиксировалась, но сохранилась в преданиях, которые молодежи передавали старики. Анализ таких источников позволяет утверждать, что в среде представителей гребенской этногруппы имелось представление об общности их происхождения, схожих чертах ведения хозяйства, единой вере, одной территории обитания¹.

Как уже отмечалось, численность казачьего населения на Тереке росла за счет миграции представителей других казачьих войск и этнических групп. Первое время попытки объединить их с гребенцами были неудачными. Причин этому было множество, остановимся лишь на одной из них. Отмечается, что довольно часто на новые земли отправляли далеко не лучших казаков, у многих из них было немало проблем на прежнем месте жительства. Это были бедняки, которые сами были виноваты в своем бедственном положении. Собранные на их переселение и обустройство хозяйства средства расходовались крайне неэффективно. Были претензии у суровых гребенцов и к их нравственности. Налиествовал конфликт на ментальном уровне восприятия².

Но постепенно, проживая на одной территории и выполняя схожие задачи, казаки преодолели имеющиеся противоречия, их самосознание приобрело черты общности, явив собой единое терское казачество как новую субэтническую группу. Известный военный историк В.А. Потто особо отмечал роль представителей имперской администрации, которые своим участием старались снять разногласия и противоречия в казачьей среде, что в этой ситуации было гораздо конструктивнее, чем действия органов казачьего самоуправления³.

¹ Великая Н.Н. Казаки Восточного Предкавказья... С. 222–223.

² Чернозубов Ф.Г. Самашкинское зверство // Терский сборник. Екатеринбург: Издательские решения Ridero, 2023. Т. 10. С. 470.

³ Потто В.А. Два века терского казачества / Репринтное издание. Ставрополь: Кавказская библиотека, 1991. С. 207.

В дальнейшем эти процессы только ускорились. Государство закрепило за казаками определенную территорию, ставшую для них этническим символом. У них сформировалась единая социальная организация и общее управление, сохранившее при этом черты автономии. Через систему образования усиливалось воздействие на социализацию и воспитание юношества на общегосударственных мировоззренческих идеалах. Изживалась, прежде всего в казачьих офицерских кругах, языковая диалектная обособленность. Уже не столь болезненно воспринималась официальная религиозная унификация. Всё это влияло на консолидацию казачьей общности. Никуда не делся и способствовавший высокому уровню солидаризации фактор совместной воинской службы и необходимость в коллективном ведении хозяйства.

Исследователи обращают внимание на то обстоятельство, что при формировании казачьего самосознания немалую роль играл фактор конфронтации. В качестве раздражителя, негативного стимула необязательно выступали иноэтнические антагонисты. Казаки противопоставляли себя окружению и по социальным признакам. Они не желали сравниваться с крестьянами, которых пренебрежительно называли «мужиками», вкладывая в данное определение презрительно-негативную коннотацию.

Сплачивающим элементом являлось и то обстоятельство, что гребенские казаки и многие из примкнувших к ним донцов были старообрядцами. В условиях противостояния официальной Церкви они должны были поддерживать друг друга, четко позиционировать себя в рамках императива «мы – они».

При безусловной мировоззренческой обособленности и даже замкнутости казаков им не были чужды заимствования, их не считали чем-то греховным и недопустимым. У гребенцов, наиболее тесно связанных с горско-степными народами, было немало черт в материальной и духовной культуре, которые они позаимствовали у соседей. Наглядно это обстоятельство показал в своем произведении «Казаки» Л.Н. Толстой. Во

время общения Оленина с Ерошкой последний демонстрирует знание ногайского и грузинского языков, которые весьма органично использует во время разговора. Он учит своего русского кунака правильному применению тех или иных кавказских слов и выражений (кошкильды, карга и т.п.), обещает обучить местным способам охоты, рыбной ловли, рассказывает о своих знакомствах с горцами¹.

Ерошка – носитель множества музыкальных культурных традиций, которые для него, безусловно, свои:

«– А балалайка откуда у тебя? – спросил Оленин и продолжал писать.

– За рекой был, отец мой, балалайку достал, – сказал он так же тихо. – Я мастер играть: татарскую, казацкую, господскую, солдатскую, какую хошь»².

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что даже в героических песнях гребенских казаков, в которых в качестве главного героя выступает русский богатырь Илья Муромец, можно найти вставки из кумыкского языка. Ногайские и грузинские слова встречаются в застольных песнях станичников³.

Впоследствии эти элементы восприняли и донские казаки, оказавшиеся на Тереке. В свою очередь, гребенцы утратили некоторые воспринятые у северокавказских народов черты, так как в условиях левобережья Терека они вновь оказались в преимущественно русском окружении⁴.

Произошедшее в первой половине XIX в. ожесточение противостояния казаков и горцев было вызвано усилившейся набеговой экспансией последних на российские, в том числе казачьи поселения. Противоборство приобрело высокий уровень организации, после создания горцами теократического образования – имамат. В свою очередь, эскалации

¹ Толстой Л.Н. Хаджи-Мурат. Казаки. Кавказская повесть. Нальчик: Книжное издательство «Эльбрус», 1978. С. 175.

² Там же. С. 238.

³ Песни Терека. Песни гребенских и сунженских казаков. / Публикация текстов, вступительная статья и примечания Ю.Г. Агаджанова. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1974. С. 37–38.

⁴ Великая Н.Н. Казаки Восточного Предкавказья... С. 224.

конфликта способствовало стремление Российского государства усмирить «дикую вольность» горских народов и распространить правовую систему империи на новых подданных. Всё это также приводило к ослаблению связей между казачьей средой и враждебно настроенным к ним социокультурным окружением. Культурный обмен и взаимовлияние если и не пресеклись полностью, то сосредоточились на сфере, преимущественно связанной с войной, выстраивание же иных форм коммуникаций было нарушено. Особенно сильно это обстоятельство отразилось на гребенских казаках, формирование которых происходило под влиянием нескольких этнических групп: при наличии великорусского начала, они многое восприняли от горцев, гордясь родством с ними.

Находясь на стыке культурного взаимодействия, казаки нередко должны были делать выбор, какая культурная среда для них является своей, а какая – противоположной. Это был непростой выбор, так как речь в данном случае шла не просто о неких внешних предпочтениях (одежда, обряды и т.п.), а о военно-политическом лагере, к которому нужно было примкнуть. Этническая маргинальность приводила к личным трагедиям, которые могли закончиться гибелью казака. Наиболее известным случаем является фигура Семёна Атарщикова, судьба которого не раз становилась предметом изучения для исследователей казачьего самосознания¹. Но таких персонажей, которые, в силу разных обстоятельств перебежали к горцам, не найдя себя в российских реалиях, было гораздо больше². Имели место даже коллективные

¹ Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. Исследования и материалы. Москва: Издательство Восточной литературы, 1961. С. 254–258; Ходарковский М. Горький выбор: верность и предательство в эпоху российского завоевания Северного Кавказа. Москва: Новое литературное обозрение, 2016. 232 с.; Дударев С.Л. Об одном примере западного взгляда на историю интеграции Северного Кавказа в состав России / отв. ред. Ю.Ю. Клычников // Известия научно-педагогической Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова. Вып. 5. Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2016. 32 с.

² Клычников Ю.Ю. «Находился у непокорных горцев...»: побудительные мотивы предательства казаков-перебежчиков (по материалам ЦГА РСО-А) // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнической культуры казачьих групп России за 2011-2012 гг. Дикаревские чтения (17): Материалы Всероссийской науч. конф., Зерноград, 11-13 октяб. 2013 г. / сост., науч. ред. М.В. Семенцов; Оргкомитет по проведению Всероссийской науч. конф. «Дикаревские чтения»; ФГБОУ ВПО «Азово-Черноморская агроинженерная академия». Краснодар: ООО Издательство «Эдви», 2014. С.153-156.

побеги, которые были вызваны недовольством, вызванным ущемлением религиозных чувств казаков-староверов¹.

Любопытно, что имперские исследователи даже считали точкой отсчёта начавшегося изменения казачьего самосознания, время А.П. Ермолова и, когда разбирались со случаями перехода станичников на сторону «немирных» горцев, отмечали, что «Алексей Петрович Ермолов сумел развить у казаков национальное чувство. Забыли еще потому, что во главе горцев стоял Шамиль, во владения которого зазорно было идти русскому человеку»². Тем не менее далеко не все казаки считали такие поступки достойными осуждения. С перебежчиками поддерживались контакты, и даже опасность подвергнуться наказанию со стороны власти за подобные связи не останавливала их.

Казаки ценили удаль, и для них побег в горы являлся проявлением таковой. Они могли сожалеть, что храбрый воин покинул их ряды, но в глазах многих это был его личный выбор и такой переход не являлся поводом для однозначного осуждения. И это при том, что такие беглецы нередко доставляли в последствии казакам большие разорения, чем сами горцы: «...были среди своих отщепенцы-изменники. Это были удалые головушки, любители ночных походов и чужой собственности. Они были еще опаснее чужих, потому что знали все входы и выходы в станице. Бывали случаи, когда эти отщепенцы переходили на службу к Шамилю. Об этих людях в Науре пелись песни, где прославлялись их подвиги, но в них же высказывалось и сожаление, что они оставили казачество, отказавшись от него. Таких отщепенцев в старое бурное время станицы было много»³.

Нередко такие перебежчики выказывали высокий уровень враждебности к своим бывшим землякам и сородичам. Сделав выбор в пользу горской культуры, они стремились продемонстрировать свой отказ от

¹ Чернозубов Ф.Г. Очерки Терской старины. Побег в горы // Терский сборник. Екатеринбург: Издательские решения Ridero, 2023. Т. 10. С. 482–489.

² Там же. С. 482.

³ Востриков П.А. Станица Наурская, Терской области // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. Тифлис, 1904. Вып. 33. Отдел 2. С. 121–122.

прежней сопричастности к казачьей среде. Это выливалось в череду набегов на Кавказскую линию, грабежи станиц, убийство и пленение поселян¹. В настоящее время исследователи достаточно хорошо изучили явление маргинальной этнической идентичности и объяснили суть повышенной внутриличностной конфликтности таких людей. Не имея четко определенной идентичности, путаясь в ней, они в итоге делают выбор в пользу одной из групп, которая видится им более статусной и престижной. Стремясь доказать свою принадлежность к ней, такие маргиналы начинают выказывать предубеждение к другой группе, сопровождая всё это враждебными действиями².

Причина охватившей казаков фрустрации скрывалась в опасениях утратить свою идентичность и самобытность (отметим, что это было небезосновательно). Государство было заинтересовано в расширении казачьего присутствия на Кавказе, так как поставленные цели по умиротворению региона делали необходимым увеличение здесь числа лояльного населения, способного постоять за себя и оказать помощь регулярным войскам. Малочисленное, к тому же несущее постоянные потери в стычках с «немирными» горами казачество, проживавшее на Северо-Восточном Кавказе, нуждалось в пополнении. И такой ресурс был найден в крестьянах-переселенцах, которые как по собственной инициативе, так и волею правительства поселялись на южном пограничье.

Но славянские (преимущественно русские и украинцы) переселенцы оказались носителями иных традиций и мировоззренческих установок. Они сильно отличались от казаков, воспитанных на военных идеалах беспокойного фронта. Если предки-первопоселенцы не были оторваны от базовой русской культуры, не утратили ее черты, то их потомки уже полностью усвоили двойственность и культурную многогранность

¹ Степаненко Н.С. Беглые казаки и крестьяне – рабовладельцы на Северо-Западном Кавказе в середине XIX века // *Slavery: Theory and Practice*. 2019. № 4(1). С. 31–32.

² Стефаненко Т.Г. Этническая идентичность и некоторые проблемы ее изучения // *Этнос. Идентичность. Образование* / Под ред. В.С. Собкина / Труды по социологии образования. Москва: Центр социологии образования РАО, 1998. С. 102.

полиэтнического пространства. Казачество становилось замкнутой группой, и государство, которое своей политикой по созданию военного сословия способствовало данному обстоятельству, теперь вынуждено было преодолевать сопротивление консервативной казачьей среды.

Чтобы поглотить, сделать своей эту массу включенного в их состав населения, нужно было время, а потому процесс формирования терского казачества затянулся и вышел за хронологические рамки, определенные в работе. Некоторые исследователи высказывают мнение, что он так и не достиг своего логического финала¹. Существует точка зрения, разделяемая многими специалистами, занимающимися процессами этногенеза, что для появления этнической общности необходимо примерно 80 – 100 лет. Да и этот срок будет недостаточен, если уже существует письменная традиция, которая существенно увеличивает длительность этногенеза до 160 – 180 лет².

По словам автора этой идеи Ю.М. Лесмана, «процесс этногенеза можно считать завершившимся, когда в сознании членов общества их единство уже не вызывает сомнения. Поэтому в качестве самой ранней возможной даты окончания этногенеза следует признать такой момент времени, к которому в подавляющем большинстве уже умерли люди, в сознательном возрасте заставшие в живых свидетелей начала этногенеза»³.

Таким образом, в рассматриваемый период запущенный процесс формирования нового терского казачества только начал набирать обороты, а потому говорить о наличии устойчивого самосознания не приходилось.

В среде гребенских казаков сформировался и закрепился миф об их нерусском происхождении. Предками могли называться представители различных горских народов, ногайцы, выходцы с Дона и даже поляки. В любом случае, они никак не были связаны с исконно русскими регионами.

¹ Великая Н.Н. Казаки Восточного Предкавказья... С. 227.

² Винер Б.Е. Этничность: в поисках парадигмы изучения // Этнографическое обозрение. 1998. № 4. С. 21; Заринов И.Ю. Время искать общий язык (проблема интеграции различных этнических теорий и концепций) // Этнографическое обозрение. 2000. № 6. С. 12–13.

³ Лесман Ю.М. К теории этногенеза: этногенез древнерусской народности // Петербургский археологический вестник. 1993. № 6. С. 99.

Однако, судя по многочисленным примерам и реконструкции судеб отдельных казачьих фамилий, предки станичников были выходцами именно из этих мест. Но такие корни казаки всячески отрицали, что связывают с опасением признать себя потомками зависимых людей и гипотетической возможностью лишиться воинского статуса.

Не меньшие неприятности могли принести и сведения о том, что казаки принимали у себя беглых крепостных. В достаточно запутанной и противоречивой юридической практике империи были случаи, когда вольный человек мог оказаться записан в собственность помещика, и добиться справедливости, отстоять свою волю в этом случае становилось непростой задачей. Здесь можно упомянуть резонансное дело поселенцев Маслова Кута, которые в итоге кровью заплатили за свой вольный статус¹. Отсюда и всяческое дистанцирование казаков от «русских корней», тем более что значительная часть из них действительно породнилась с представителями северокавказских народов.

Н.Н. Великая обращает внимание и на то обстоятельство, что предки гребенских казаков начали осваивать Кавказ в тот период, когда собственно русское самосознание еще находилось на стадии становления. Естественно, первопоселенцы им не обладали и в дальнейшем формировали этнические представления, находясь в отличавшемся от материнской культуры окружении. У них сформировался собственный хозяйственно-культурный тип, часть мировоззренческих стереотипов казаки восприняли у своих инородческих соседей. Их потомки стали противопоставлять себя русским, сохранив при этом глубинные базовые мировоззренческие основы русской социетальной сферы².

¹ Клычников Ю.Ю., Рябиков А.Н. «В наущении его крестьян к отысканию свободы...»: участие священнослужителей в протестном движении на Северном Кавказе в первой половине XIX в. на примере с. Маслов Кут // Народы Кавказа в XVIII – XXI вв.: история, политика, культура: материалы X Международного форума историков-кавказоведов (г. Ростов-на-Дону, 12-13 октября 2023 г.) / [отв. ред. акад. Г.Г. Матишов]. Ростов-на-Дону: издательство ЮНЦ РАН, 2023. С. 420 – 427.

² Великая Н.Н. Казаки Восточного Предкавказья... С. 229.

Устоявшийся и сделавшийся органичным жизненный уклад всколыхнул наплыв русских солдат и офицеров, которые нередко базировались в казачьих станицах, неминуемо внося элемент дискомфорта своим присутствием. Мужской коллектив, тем более коллектив военный, нередко находящийся в состоянии стресса после рискованных экспедиций и стычек с горцами, склонен к девиантному или делинквентному поведению. Лишенные женского общения мужские группы также склонны к проявлению агрессии и насилию¹. Если к этому добавить и употребление табака военными, что было неприемлемо для казаков-староверов, мы получаем вполне устойчивую картину неприязненного отношения местных жителей к «чужакам», от которых старались дистанцироваться и признать не ровней себе.

Опасаясь утратить свой воинский, а значит привилегированный статус, казаки стали воспринимать крестьянский труд как не просто не престижное, но даже унижительное занятие. Слово «мужик» стало для них синонимом холопа, элементом бранного оскорбления. Подразумевалось, что он носитель недостойных вольного человека качеств и не может быть ровней казаку. Продолжавшиеся на Северном Кавказе вооруженные столкновения с «немирными» горцами консервировали такой подход, так как власти старались поддерживать и культивировать в казаках их военно-служилые идеалы. Кроме того, формирующееся чувство превосходства над прочими русскими людьми препятствовало практике предоставления убежища казаками зависимым людям, на которых отныне начинали смотреть с позиции высокомерного пренебрежения.

Весьма информативную картину такого предубеждения мы находим в исследовании автора имперского периода Е. Бутовой, которая была учительницей в станице Броздиновской. Благодаря включенному в казачью среду наблюдению она составила весьма важные, хотя и некомплиментарные

¹ Щепанская Т.Б. Зоны насилия (по материалам русской сельской и современных субкультурных традиций) // Антропология насилия. / Отв. редакторы В.В. Бочаров и В.А. Тишков. Санкт-Петербург: Наука, 2001. С. 117.

описания их самосознания. Она поведала о культе силы, который получил распространение в среде станичников, подметив, что «...если же за личностью нет ... силы, то не ждать ей от бороздинца какого-либо уважения, особенно, если эта личность не принадлежит к казачьему сословию...»¹.

Такие настроения были характерны не только для мужчин-казаков, но и для казачек, в ряде случаев, проявлявших большее предубеждение к переселенцам из Центральной России и доходивших в своем неприятии до иррационального исступления: «Враждебность казаков к лицам не казачьего происхождения простирается даже на мертвых. Рассказывают, что, когда мать одной казачки погребли вблизи могилы не казака, дочь подняла страшный вой, приговаривая: «Милая моя матушка! Или тебе лучше места не было! Положили тебя, родимая матушка, рядом с шаповалами!»! (Шаповалами называли... переселенцев из России. Слово это и до сих пор считается между казаками бранным)»².

Изменить подобный подход в разгар военных действий не представлялось возможным. Лишь когда начался мирный этап в развитии региона, и «мужики» стали демонстрировать превосходство в ведении хозяйства в условиях капиталистической модернизации, казаки по-иному вынуждены были воспринимать своих земляков и соседей, убедившись, что не только военное ремесло может обеспечить престижное положение человека в обществе³.

Как отмечалось в статье А.К. Байбурина, при этнической близости различия между однопорядковыми явлениями ощущаются гораздо сильнее, нежели в том случае, когда речь идет о народах, не имеющих родства⁴. Такие трудности встречаются между всеми родственными вариантами одного этноса. Близость казачьей (региональной) и общерусской культуры была

¹ Бутова Е. Станица Бороздинская, Терской области, Кизлярского округа // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1889. Вып. 7. С. 21.

² Там же.

³ Великая Н.Н. Казаки Восточного Предкавказья... С. 231–232.

⁴ Байбурин А.К. Этнические аспекты изучения стереотипных форм поведения и традиционная культура // Советская этнография. 1985. № 2. С. 42.

бесспорно ощутима, но имеющиеся различия, которые по своей сути были незначительны, оказывали серьезное воздействие на сознание их носителей, мешали формированию новой общности.

Культурные традиции казаков, которые, безусловно, своими корнями уходят в общерусскую культурную традицию, со временем приобрели локальную обособленность и уже не ассоциировались с изначальными смыслами¹. Уместно привести точку зрения Э.С. Маркарян, которая является базовой для данного понимания сути явления: «Если же в качестве задаваемого поля исследования берется тот или иной культурный регион, то понятие общей культурной традиции будет выражать уже уровень исторического опыта людей, являющегося общим достоянием для этого выделяемого поля рассмотрения человеческих коллективов. Понятие же локальной культурной традиции будет призвано воспроизвести специфический опыт, характерный для более узких региональных единиц...»².

Нам представляется, что гребенские казаки как раз и являлись носителями локальной культурной традиции, которая отличала их среди прочих южнорусских казачьих социальных групп. Даже близких к ним донских казаков, не говоря уже о запорожцах-черноморцах, они нередко воспринимали как «иных». Что же говорить о мужиках-крестьянах, различия с которыми были гораздо глубже и отчетливее.

Приписанные к казакам русские, украинцы и представители других этнических групп не успевали воспринять их этнокультурные императивы и рассматривали себя как часть сословия, но сохраняли при этом изначальное присущие им ментальные особенности. Они почти не восприняли горскую культурную традицию, что и составило их существенное отличие от казаков-старожилов. Не лишено оснований предложение различать казачество российское и русское, причем в число первых могли входить люди разных

¹ Григорьев А.Ф. Этническая картина мира гребенских казаков. С. 189.

² Маркарян Э.С. Узловые проблемы теории культурной традиции // Советская этнография. 1981. № 2. С. 86.

национальностей и вероисповеданий, а вторые являлись особой этносословной группой русского народа¹.

Если принять за основу рассуждения В.П. Трута, о том, что «казачество одновременно входило и в социальную-этническую структуру общества, принадлежало к самостоятельной этнической социальной группе, являлось субэтносом, и в социально-классовую структуру общества, являлось специфическим военно-служилым сословием»², становится понятным, что казачество, локализованное на Тереке, не обладало четкими параметрами самосознания, и в границах только одного казачьего Войска существовали порой кардинально различавшиеся варианты этой этнической особенности. Данный процесс перерастания в этнос был далек от завершения, а потому казачье самосознание в первой половине XIX в. являлось весьма пластичным, не устоявшимся и противоречивым.

Если потомки гребенских казаков могли считаться этнографической группой и их пять станиц отличались этнической сплоченностью, языковой схожестью, традиционно-бытовой культурой и общностью самосознания, то прочие терские казаки не обладали таким единством, поскольку не успели консолидироваться. У них отсутствовали четкие различия с остальным славянским населением Северного Кавказа³.

Это особенно заметно в имеющемся отношении к горцам. Для старожилов из числа казаков ценностные приоритеты в целом соответствовали тем, которые были выработаны у их соседей-соперников. Это нашло отражение в заимствовании не только элементов одежды, оружия, но и слов. Подражание в элементах культуры, связанной с войной, считалось этнопрестижным. Как отмечала Л.Б. Заседателева, многие элементы казачьего образа жизни можно трактовать «как своего рода реликты и

¹ Аверьянов Ю.Г., Воронов А.А. Счастье быть казаком // Наш современник. 1992. № 3. С. 139–140.

² Трут В.П. Явление казачества в истории и культуре России // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Кубани за 1998 год. Материалы региональной научно-практической конференции. Краснодар, 1999. С. 9.

³ Тхамокова И.Х. Русское и украинское население Кабардино-Балкарии. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2000. С. 169.

заимствования, сложившиеся как на восточнославянской, так и местной... этнической основе...»¹.

Но такой подход не оставался неизменным и со временем подвергался корректировке. Прежние предпочтения и оценки чаще всего отвергала молодежь, которая еще в процессе социализации быстрее реагировала на происходящие исторические изменения. И по мере увеличения числа восточнославянского этнического элемента происходило изживание горских заимствований, «деэтнизация национальных групп» в составе казаков².

Происходящие процессы не могли не включить механизм самосохранения в казачьей среде. Далеко не все готовы были смириться с потерей «подлинно казачьего духа». В изучаемый период это нашло отражение в искусственной самоизоляции, противопоставлении себя окружающим. Довольно часто это было связано с религиозными взглядами казаков-старообрядцев, которые таким образом придавали сохранению своего казачьего уклада элементы религиозного подвижничества.

Всё это приводило к тому, что в казачьей среде мы видим многослойность самосознания, когда в нём причудливо сочетались элементы старожильческого гребенского мировоззрения, этнические стереотипы великороссов и малороссов, сохранившиеся культурные особенности жителей Закавказья, горцев и кочевников Северного Кавказа.

В предпринятом Н.Н. Великой обобщении сути рассматриваемого явления сформулирован вывод о том, что казаки, со времен Московского царства проживавшие на Кавказе, осознавали себя этнической общностью, которая имела свой хозяйственно-культурный тип, связанный с промысловой деятельностью. Одновременно казаки не отрицали и своей причастности к служилому воинскому сословию. Сюда исследователь добавляет и наличие самосознания культуры малой группы, например, гребенских казаков, кизлярских казаков и так далее. Далеко не случайно местные исследователи

¹ Заседателева Л.Б. Терские казаки (середина XVI – начало XX в.). Историко-этнографические очерки. Москва: Издательство Московского университета, 1974. С. 38.

² Великая Н.Н. Казаки Восточного Предкавказья... С. 234.

казацкой жизни разграничивали в своих трудах казачьи сообщества, прекрасно улавливая их разницу и сохраняющийся в сознании элемент самобытности. А когда волею Российской империи начинает создаваться новый социокультурный конструкт – Терское казачье войско, начинает формироваться еще один пласт самосознания. При схожести названия это скорее дань географическому фактору, а не исторической преемственности с еще одной группой казаков Северо-Восточного Кавказа, которая исчезла в начале XVII в., не пережив бурных событий Смутного времени.¹

Соглашаясь с таким видением явления казачьей этнонимической системы, мы добавим к ней еще один важный элемент – религиозную самобытность местного казачества, которая также являла собой весьма запутанный симбиоз старообрядческих догм и представлений, которые прививала им официальная Церковь. И вопрос в данном случае был не только, а возможно и не столько религиозный. Речь должна идти о готовности старожильческого казачьего элемента признать частью своего мира новые этнические вкрапления, которые с каждым годом увеличивались и грозили поглотить ставшее меньшинством «старое» казачество. Мы не видим тенденции к массовому пополнению тех же гребенцов раскольниками из центральных губерний России. Они могли быть близки в религиозном смысле, но это не значит, что их готовы были признать казаками.

В период активного военного противостояния процесс унификации казачьего самосознания происходил медленно. Экстремальная обстановка не способствовала иным темпам этого процесса. Местным казакам нужен был духовный стержень, уже доказавший свою жизнеспособность, и позволявший им мобилизоваться в ситуации противостояния воинственному иноэтничному окружению. Для них сохранение опыта предков, ощущение сопричастности мировоззрению пращуров было сопряжено с вопросами выживания. Эксперименты правительства, связанные с созданием новой

¹ Там же. С. 235–236.

сословно-культурной ментальности, не доказавшей историческим опытом свою состоятельность, встречали отторжение у казаков-старожилов.

Но такие трансформации были неминуемы и являлись лишь вопросом времени. В рассматриваемый период «русская правительственная власть уже прочно утвердилась на Тереке, и гребенские и терские казаки стали быстро тонуть в море хлынувшего на Терек русского населения»¹.

Как бы ни раздражали казаков регулярные полки – главные символы государственного присутствия в крае, но именно они, размещенные в приграничье, со временем стали главным инструментом в борьбе с «немирными» горцами, существенно снизив военную нагрузку на казачьи общества. Будучи в своей основе носителем русского начала в культуре, армия окажет существенное воздействие на сознание даже наиболее консервативной части казачества². Вариант такого сближения мы видим в сюжете упомянутой повести Л.Н. Толстого «Казаки».

Чаще всего современники говорили о склонности выходцев из некавказских губерний воспринимать некие экзотические черты местного быта и культурных традиций³. И здесь речь должна идти не только о дворянской элите, но и о непривилегированных сословиях, для которых казачий образ жизни и казачье сознание олицетворяли свободу и достоинство⁴. Однако справедливо и обратное воздействие, оказываемое на казаков со стороны «глубинной» России. На него, возможно, обращали меньше внимания, но оно, безусловно, было и влияло на самосознание казаков.

Формирующееся Терское казачество не дистанцировало себя от Большого Отечества – России. Эти черты самосознания всегда

¹ Ткачев Г.А. Гребенские, Терские и Кизлярские казаки. С. 55.

² Путилов Б.Н. Кавказская война в песнях Терского казачества // Известия Грозненского областного краеведческого музея. Выпуск 5. Б.м., 1953. С. 65.

³ Лермонтов М.Ю. Кавказец // Сочинения в двух томах. Том второй. / Сост. и комм. И.С. Чистовой; Ил. В.А. Носкова. Москва: Правда, 1990. С. 590–593.

⁴ Путилов Б.Н. Русская былина на Тереке (Собирание и изучение терской казачьей поэзии, особенно эпической) // Ученые записки № 3. Филологическая серия. Выпуск 3. / Под редакцией Н.И. Пруцкова. Грозный: Грозненское областное издательство, 1947. С. 30.

присутствовали в казачьей среде, но в рассматриваемый период они еще больше усилились. Недаром в исторических песнях мы находим множество сюжетов, связанных со служением казаков отдельным правителям или государству в целом. Причем речь идет о службе не только на Кавказе, но и за его пределами. Описываемые события могут касаться различных хронологических периодов, что свидетельствует об устоявшейся практике выполнения воинского долга. В таких сюжетах не только отдается дань мужеству предков, но и всячески подчеркивается роль казаков в победах России над ее недругами, воспеваются щедрость государей, которые по достоинству оценивают заслуги своих верных людей¹.

У казачества сформировалось стойкое российское самосознание. Но при этом имелось немало предубеждений к тому образу жизни, который навязывался властью и рассматривался местным населением как покушение на старину. Такая ситуация не является чем-то необычным и встречается в историческом прошлом других народов². Влечение и отторжение было обусловлено теми вызовами, с которыми приходилось сталкиваться казакам, и выбор из этих вариантов взаимодействия был обусловлен уровнем и характером опасности, с которой сталкивались жители фронта.

Казачье самосознание формировалось под влиянием множества факторов, основным из которых был наполненный опасностями и трудностями фронт. Оказавшись в иноэтничном окружении, казаки должны были иметь культурные маркеры, позволявшие им четко формулировать понимание оппозиции «свой – чужой». Это давало возможность не подвергнуться аккультурации, чтобы сохранить базовые ценности своего мировоззрения. В качестве материнской культуры выступала русская культура, однако она существенно изменилась под воздействием многочисленных заимствований, которые были вызваны давними и регулярными контактами как со степными народами, так и с

¹ Белецкая Е.М. Казачество в народном творчестве и в русской литературе XIX века. Тверь: Золотая буква, 2004. С. 25–58.

² Джарылгасинова, Р.Ш. Указ. соч. С. 19.

горцами Северного Кавказа. В рассматриваемый период казаки стали этникосом – общностью людей, которые на протяжении нескольких поколений были связаны общей судьбой. Потребность в увеличении численности казаков заставила официальные власти пополнять их ряды выходцами из других регионов, других социальных и этнических групп. Шло формирование Терского казачества, которое включило в свой состав как старожильческий компонент (прежде всего в лице гребенцов), так и тех, кто ранее на проживал в Притеречье либо вообще казаком не являлся. Это существенно повлияло на самосознание казачества, в котором сохранялись локальные различия и одновременно присутствовало осознание своей общности.

3.2. Конфессиональная ситуация в казачьей среде

Северокавказский фронт в рассматриваемый период являлся одним из оплотов старообрядчества в стране. Такая ситуация начала складываться ещё в XVI в. и была связана с социальными потрясениями, которые пережило Московское царство в этот бурный период своей истории. В кавказоведении особое внимание уделялось церковному расколу, вызвавшему исход противников религиозной реформы в неподконтрольные властям земли¹. На это обстоятельство также обращали внимание советские исследователи, но политизация темы явно не способствовала пониманию сути данного исторического явления. Трактовка феномена старообрядчества сводилась к его социально-политической функции: оно мобилизовало казаков на борьбу с крепостническими порядками и самодержавной властью.

Это нередко противоречило фактам, свидетельствующим о вполне конструктивном диалоге староверов и официальной власти. Далеко не все

¹ Потто В.А. Два века терского казачества. Ставрополь: Кавказская библиотека, 1991. С. 104.

беглецы занимали непримиримую позицию по отношению к правящей династии и не прочь были искать помощь у государства, тем более что интересы их часто совпадали. В условиях военной нестабильности, присущей пограничью, казаки обеспечивали защиту рубежей, получая за свою службу различные материальные и денежные средства от государства. Конфессиональные трения в такой ситуации не имели принципиального значения, и во взаимоотношениях официальной власти и казаков преобладал прагматизм¹.

Послабление казакам в религиозных вопросах подавалось как проявление мудрости и великодушия властей. О расстановке приоритетов можно судить, на примере исторического эпизода, связанного с конфликтной ситуацией с участием императора Николая I и гребенского казака Хвацкого. Последний не желал расставаться с бородой даже ради встречи с монархом. Когда его собирались побрить, он заявил, что перережет себе горло, но от бороды не откажется. Столь трепетное отношение к бороде объяснялось тем, что казаки в сражениях закусывали её, и это приравнивалось к обряду причастия. В этом случае гибель в бою становилась для них «чашей сладкою вина красного»². Хвацкий готов был отдать жизнь за государя, верно исполнять свой воинский долг, но отказаться от символа, связанного с его религиозным самосознанием, пойти против веры наотрез отказывался. Такого рода трепетное отношение к усам и бороде нашло отражение и в казачьем фольклоре. Например, в одном из песенных текстов герой обращался к памяти почитаемого казаками Ивана Грозного и просил: «Посмотри на свою армешку: / Стоит она не по-старому, стоит она не по-прежнему; / Уж усы то, бородушки все повыбриты, / Кудри длинные, пообстрижены...»³.

¹ Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в. Преобразования Петра I. / Под редакцией Б.Б. Кафенгауза, Н.И. Павленко. Москва: Издательство АН СССР, 1954. С. 381.

² Ржевуский А. Терцы. Сборник исторических, бытовых и географическо-статистических сведений о Терском казачьем войске. Владикавказ, 1888. С. 245.

³ Там же. С. 260.

Когда о таком упорстве доложили Николаю I, он приказал не неволить Хвацкого и повелел привести к нему для разговора. При личной встрече царь не только надел на грудь храбреца Георгиевский крест, но и повелел зачислить казака в свой конвой. Подобные вольности прощались далеко не всем подданным и были заслужены лишениями пограничной службы.

Стремясь заклеить политический режим и одновременно развенчать православную Церковь, советские историки отмечали, что «большинство раскольников превращались в фанатиков, выступавших против официальной церкви, а сама реакционная идеология старообрядчества притупляла классовое сознание трудящихся масс»¹. На наш взгляд, сводить роль веры исключительно к решению неких политических задач – значит упрощать многогранное явление. Таким образом происходит выхолащивание понимания её влияния на жизни людей, отрицается значение религии в духовно-нравственном воздействии на общество.

Между тем для казаков вера нередко служила главным критерием, определяющим сущность оппозиции «свой – чужой». Не имея возможности строго придерживаться формального канона, возводить необходимые культовые сооружения, казаки тем не менее сохраняли крепкий религиозный стержень, или, по словам А.В. Сопова, ощущение «внутренней связи» с Богом. По крайней мере, на ранних этапах истории казачества их религиозность была «неритуализированной и нерегламентируемой». Она «могла существовать только в условиях устойчивой, традиционной веротерпимости, когда религиозная предвзятость могла вызвать распад единства казачьей общины»². Отсюда и достаточно вольные трактовки религиозных обязанностей, в которые могли вплетаться христианские и языческие черты, элементы исламских традиций.

¹ Гриценко Н.П. Из истории старообрядчества на Тереке в XVIII – XIX вв. // Вопросы истории Чечено-Ингушетии (дореволюционный период). Грозный, 1977. Т. XI. С. 70.

² Сопов А.В. Религиозность казачества: мифы, факты, проблемы // Проблемы изучения и развития казачьей культуры. Майкоп: б.и., 2000. С. 60.

Церкви в станицах появляются достаточно поздно, в начале XVIII в. Причиной тому были военные и экономические трудности казачьей жизни. Поэтому верующие ограничивались молитвенными домами, где проходило богослужение, проводимое выбранным из среды самих казаков человеком. Он мог не обладать необходимыми религиозными знаниями, но должен был пользоваться уважением со стороны станичников. Учитывая, что знания о религиозных обрядах такие уставщики получали от своих родителей и чаще всего действовали, опираясь на их рассказы и собственное, субъективное понимание сути проводимого ритуала, они нередко вносили личную трактовку в канон. Это приводило к весьма своеобразному и хаотичному исполнению религиозной службы, с которым официальная Церковь мириться не желала, но и предложить альтернативу долго не могла из-за колоссального кадрового дефицита¹.

Такая проблема сохранялась достаточно долго и полноценно не была решена даже в рассматриваемый нами период. Казаки свободно входили в религиозное звание, будучи выбранными обществом, но столь же легко и оставляли эти обязанности. Чаще всего уставщиками становились мало-мальски грамотные станичники, которые были в состоянии прочесть Писание во время импровизированной службы. Далеко не все христианские праздники отмечались казаками, что также являлось особенностью пограничных реалий. Религиозные потребности казаков ограничивались преимущественно обрядами семейного цикла, в которые входили крещение, венчание, погребение и поминание усопших.

Можно говорить о ярко выраженной «локальности» местного христианства, что, по мнению Т.А. Бернштама, является «следствием не только объективных — внешних («вещественных») различий в этносоциокультурных и этноконфессиональных процессах, но и субъективных — внутренних мировоззренческих различий, обусловленных

¹ Геден, митрополит Ставропольский и Бакинский. История христианства на Северном Кавказе до и после присоединения его к России. Москва-Пятигорск, 1992. С. 74.

онтологически присущей человеку или сообществу локальной ментальностью...»¹.

Казак был христианином уже по самому факту своего рождения². Отсюда и повышенное внимание к таинству крещения, одного из наиболее почитаемых местными жителями обрядов. При этом казаки крайне редко практиковали исповедь, покаяние и причастие. Не следует трактовать этот факт как религиозное фрондёрство. Отсутствие священников и церквей не давали им возможность регулярно участвовать в этих таинствах, а в дальнейшем такая практика вошла в религиозную ментальность казаков, стала восприниматься как их отличие от других сословий. В качестве компенсации практиковались различные формы самопокаяния, посещение различных святынь, купание в Тереке на Крещение³.

Следует отметить, что официальный церковный канон сложился достаточно поздно, лишь к началу XVIII века⁴. К тому времени казаки уже достаточно обособились и привыкли к широкой автономии в своей повседневной жизни. То, что в центральных губерниях директивно было объявлено ересью и подлежало искоренению, для казачества оставалось святынями, завещанными предками⁵. Трепетное отношение к устоявшимся религиозным обрядам было частью их идентичности, что в условиях жёсткой межэтнической конкуренции было связано с вопросом выживания. Да и знать о нюансах богословских диспутов казаки попросту не могли. Как уже отмечалось выше, для них на первом месте было не формальное исполнение обрядов, а внутреннее приобщение к святыням христианского мировоззрения.

В отличие от светской власти, склонной не обострять отношения с казаками-староверами, Русская Православная Церковь была настроена более

¹ Бернштам Т.А. Молодость в символизме переходных обрядов восточных славян: Учение и опыт Церкви в народном христианстве. Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 2000. С. 331.

² Великая Н.Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII-XIX вв. Ростов-на-Дону, 2001. С. 126.

³ Там же. С. 127.

⁴ Бернштам Т.А. Указ. соч. С. 64.

⁵ Там же. С. 88.

решительно. После того как в крае усиливается военно-политическое присутствие Российской империи, за религиозной жизнью местных христиан начинают наблюдать «закащики», которые последовательно искореняют вольности в исполнении обрядов. Доходило до того, что казаки коллективно вынуждены были жаловаться епископам на их произвол и ущемление старинных вольностей¹.

Каждая из сторон стремилась получить уступки по принципиальным для себя вопросам. Так, казаки-старообрядцы смогли отстоять право креститься двумя перстами, хотя и согласились пристраивать к молитвенным домам алтари. Столь жаркие споры свидетельствовали, что обрядовая деятельность стала для местного населения важнейшей частью самосознания, поступиться которым казаки не желали. Несмотря на привлечение административного ресурса, всё ограничилось лишь внешним послушанием.

Современники отмечали, что для посещения церковного богослужения нередко приходилось обращаться к атаманам, и уже они в приказном порядке обеспечивали явку своих подчинённых². Но и будучи на официальном богослужении, казаки продолжали креститься двумя перстами. Хотя представители официальной Церкви неоднократно жаловались властям на ослушников, такие жалобы чаще всего оставались без последствий. В ответ на угрозы покарать поборников двуперстия казаки заявили, что разбегутся и тогда граница останется без защиты³.

То, что это не пустые слова, демонстрировали неоднократные случаи переселения казаков на Кубань и Куму, где возможность официальных властей вмешиваться в их жизнь была не велика. За это привлекали к суду не только рядовых казаков, но и атамана. В наказание их отправляли в ссылку за пределы края, что не способствовало нормализации отношений поборников старой веры с официальной церковью и царской администрацией. При этом

¹ Попко И.Д. Терские казаки со стародавних времён. Гребенское войско. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2001. С. 140-141.

² Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. Исследования и материалы. Москва: Издательство Восточной литературы, 1961. С. 247.

³ Попко И.Д. Терские казаки со стародавних времён. С. 149.

гребенская субэтническая группа ещё больше спланивалась и противопоставляла себя прочим русским поселенцам на Северном Кавказе¹. Обособление казаков в рассматриваемый период фактически завершилось, и конфессиональный фактор сыграл в этом не последнюю роль.

Лишь взвешенная позиция светской власти позволила не довести вражду до трагического финала. Вполне резонно указывалось, что силой победить раскол нельзя. Нужны были методы убеждения, причём не с помощью присылаемых в станицы бумаг в виде консисторских указов, а в виде непосредственной беседы грамотного священника с паствой. Такой священник должен был обладать необходимыми познаниями и одновременно навыками общения с прихожанами. Искренность казаков, которых обязали давать подписки, что они не участвуют в «ереси», вызвала оправданный скептицизм. Отмечалось, что «хотя оные подписки с них взяты, только от того расколу они отвратитца никак не могут...»².

По мере расширения охвата православным духовенством числа окормляемой паствы в регионе в казачьих станицах открывалось всё больше храмов. Их священники были приписаны к штату войска и получали от него содержание. Наиболее последовательных сторонников двоеперстия – гребенских казаков – объединили с Терско-Семейным войском. Считалось, что оно своим примером повлияет на них и со временем различия в обряде исчезнут сами собой. Но, как показали дальнейшие события, этот прогноз не подтвердился.

Настойчивые попытки навязать непривычный обряд подорвали веру гребенцов в священников, поэтому казаки по-прежнему обращались за удовлетворением духовных треб к своим уставщикам. Благодаря наличию на Кавказе множества укромных мест сюда устремились убедившиеся в симпатии со стороны немалой части местных жителей проповедники из числа адептов Аввакума, устраивая скиты и проповедуя среди казаков.

¹ Великая Н.Н. Казаки Восточного Предкавказья... С. 135-136.

² Г.М. Сведения о расколе и раскольниках в пределах Кавказской Епархии // Кавказские епархиальные ведомости. 1875. № 10. С. 336.

Причём «число этих скитов едва ли не превосходило число казачьих городков», – писал И.Д. Попко¹. Даже если это и преувеличение, т.к. истинное количество подобных религиозных схронов проследить не возможно, то сама тенденция сомнений не вызывает.

В отличие от официальной Церкви «расколоучителя» не пытались подменять непосредственное общение с верующими бездушными бумагами, которые большая часть казаков не могла прочесть по причине безграмотности. Они использовали старинные иконы, «мистические тетради» и тому подобные атрибуты, которые должны были убедить прихожан в истинности их слов. Более того, такие проповедники, пребывая в аскезе, вызывали уважение небогатых станичников своим пренебрежением мирскими радостями, поскольку соответствовали их представлениям об истинной вере.

Они не требовали возведения затратных храмовых сооружений, а несли слово Божье на природе, когда «мир с его обманчивой суетой и вечным треволнением был заслонён со всех сторон оградой столетних чинар и дубов, и одно безмятежное небо видимо над головами набожно настроенных слушателей»². Всё это напоминало подвижничество первых христиан и не могло не прийтись по нраву людям, искренне тянувшимся к вере.

Вывод исследователей о том, что раскол на Терек был принесён извне, нам видится справедливым лишь отчасти³. Он был предreshён внутренними особенностями казачьего уклада и уже сформировавшимся здесь мировоззрением русского пограничного населения. Соппротивление казаков навязываемым им правилам богослужения порой выливалось в открытое неповиновение, жертвами которого порой становились представители духовенства, призванные искоренять ереси в крае. Попытки изъять у старообрядцев их книги и иконы приводили к вспышкам насилия. Что

¹ Попко И.Д. Терские казаки со стародавних времён. С. 153.

² Там же. С. 154.

³ Великая Н.Н. Казаки Восточного Предкавказья... С. 137.

примечательно, в них были задействованы не только мужчины, но и женщины, порой более радикальные в своих поступках¹.

Родственная и религиозная общность казаков затрудняла поиск фактов их пренебрежения церковными обрядами. Не обходилось и без коррупционной составляющей: казаки нередко покупали «благожелательность» присланного к ним священника, и тот мог в своих отчётах не указывать факта их присутствия на причастии. Это не добавляло ему авторитета в глазах паствы, хотя она охотно пользовалась недобросовестностью пастыря. Понять мотивы таких поступков можно: нежелание прихожан посещать храмы и оплачивать требы ставило семьи священников на грань голода, а Синод не оказывал поддержки в их бедственном положении. Заявления о том, что на Кавказе существует раскол, категорически отвергались, а потому находить средства для жизни причт должен был сам.

Да и сами служившие в этих местах священники неохотно делились сведениями о проступках своих прихожан, поскольку опасались «взыскания за нерадения о пастве и недонесения о проявлениях раскола в предшествовавшие годы»².

Казаки, отстаивая свою религиозную самобытность, при этом не пытались стать врагами российскому государству. Флуктуации в лице некрасовцев в целом не меняли общую картину верного служения казачества престолу. Отсюда и желание не заострять внимание на имеющихся разногласиях, тем более что официальная Церковь вынуждена была признать своё бессилие в вопросе пресечения своеволия местных христиан.

Основные репрессии обрушивались не против местных жителей, а на головы пришлых проповедников, «смущающих» паству своими проповедями. Речь шла о «классических раскольниках», распространявших

¹ Клычников Ю.Ю. «Бабий бунт» 1835 г. в станице Кисловодской // Вопросы истории и культуры Ставрополя XIX-XX веков. Третьи Ребровские музейно-краеведческие чтения. Кисловодск 17-18 февраля 2011 года. Материалы, часть II. Кисловодск, 2014. С.14-19.

² Михайловский Г. Исторические сведения о расколе среди терских (гребенских) казаков во второй половине XVIII столетия // Кавказские епархиальные ведомости. 1877. № 3. С. 100.

вести о скором конце света, приходе Антихриста, порочности никониан и тому подобные утверждения, присущие последователям Аввакума и различных сект и направлений, имеющихся в православии¹.

Следует отметить, что совместными усилиями местной администрации и официальной Церкви число беглых раскольников на Тереке к началу XIX в. существенно сократилось. Те, кто добирался сюда, старались не привлекать внимание к своим поселениям-скитам, предпочитая затворнический образ жизни и личное духовное спасение, а не активную пропаганду среди казаков. Нередко такие скиты начинали играть роль богаделен, в которых собирались люди преклонных лет, убогие и увечные, не имеющие близких родственников и т.п. Они жили за счёт своего заведённого хозяйства и на пожертвования, которые приносили им верующие в качестве милостыни. За это они молились за своих благодетелей².

Продукты чаще всего доверяли приносить детям, что не вызывало вопросов у властей и одновременно придавало такой практике дополнительную функцию социализации. Подростков приучали к мысли о необходимости проявлять к людям доброту, совершать богоугодные поступки. За попытку взять что-либо в скиту, например, сорвать фрукты из сада, детей наказывали, приучая к мысли о необходимости оберегать себя от греховности³.

Таким образом, «гребенские скиты» отличались «от древних раскольнических <...> самую идею скитальческой жизни. Прежние скиты основывались гонимыми старообрядцами главным образом с тою целью, чтобы укрыться от «мирской неправды» ... На Северном Кавказе поступали «в скит преимущественно из личных невзгод...»⁴.

¹ Великая Н.Н. Казаки Восточного Предкавказья... С. 138.

² Малявкин Г. Станица Червленная Кизлярского отдела Терской области // Этнографическое обозрение. 1891. № 1. С. 114.

³ Статистические монографии по исследованию станичного быта Терского казачьего войска. Владикавказ, 1881. С. 254.

⁴ Там же. С. 254-255.

Происходившая время от времени демографическая «подпитка» казаков, проживавших на Тереке, находила отражения и в конфессиональной ситуации. Так, размещение здесь в конце XVIII в. донцов, среди которых было множество противников никонианства, привело к очередному всплеску протестных религиозных настроений. Северо-Восточный Кавказ сделался одним из очагов старообрядчества, надолго пережившего людей, его инициировавших. Здесь появилось множество сект, которые стремились привлечь в свои ряды новых сторонников¹.

Достаточно решительно и последовательно взялся за искоренение такого инакомыслия Николай I. По его приказу в стране принялись снимать кресты со старообрядческих церквей, категорически запрещалось возводить новые и ремонтировать уже имеющиеся храмы. Священникам из числа старообрядцев не позволялось перебираться на новое место жительства. Если встречался кто-либо из беглого духовенства, кто ранее относился к официальной Церкви, то его возвращали епархиальному начальству². Предполагалось, что после таких мер движение само со временем прекратится, так как отсутствие подготовленных кадров приведёт к прерыванию традиции – её попросту некому будет хранить и передавать последующему поколению.

Но несмотря на такие меры раскольники находили возможность пробираться на Кавказ и здесь находить приют и покровительство. Судя по статистическим данным, извлечённым из материалов Государственного архива Ставропольского края, фонда «Общего управления Кавказской областью», в 1834 г. сторонников «древнего благочестия» насчитывалось 14 243 человека обоего пола, а спустя пять лет уже 19 976 человек³. Это был не естественный, а механический прирост. Большинство старообрядцев перебрались сюда из других губерний империи, чтобы сохранить веру среди единомышленников.

¹ Гриценко Н.П. Из истории старообрядчества на Тереке... С. 74.

² ГАСК. Ф. 79. Оп. 1. Д. 1690. Л. 149.

³ ГАСК. Ф. 79. Оп. 1. Д. 1539. Л. 122-124.

Следует отметить, что настороженность и даже неприязнь к старообрядчеству была вызвана не только внутренними причинами. Адепты этого направления находили поддержку за рубежом Российской империи, в частности, в Австрии, где в итоге и возникнет Кавказская епархия – одна из десяти старообрядческих епархий, сумевших наладить подготовку кадров священнослужителей¹.

То, что для Кавказа посчитали необходимостью назначить отдельного епископа, лишний раз подтверждает основательность укоренения позиций не синодского духовенства в регионе. Доходило до того, что в некоторых станицах, например, в Червлённой, местные старообрядцы даже запрещали селиться православным².

Происходящие в южном пограничье события в итоге заставили церковные власти обратить особое внимание на казачью паству. В 1843 г. была учреждена официальная Кавказская епархия, кафедру которой возглавил епископ Иеремия³. Этот весьма энергичный и целеустремлённый человек начал свою деятельность с обзора вверенной ему территории, посетив в числе прочих и терские станицы. Здесь он столкнулся с явным пренебрежением к храмам со стороны казаков, которые не только не обновляли ветхие постройки, но могли вообще разобрать их на стройматериалы⁴. Да и внутри храмов царили запустение и вопиющая неопрятность⁵.

Одну из причин такого положения епископ связывал с тлетворным влиянием различных беглых попов, которых он требовал изгонять из станиц. Но сделать это было непросто, т.к. местное население готово были силой защищать своих уставщиков. Связанные присягой казаки-мужчины могли пострадать от таких проступков, но на женщин такие ограничения не

¹ Никольский Н.М. История русской церкви. Москва: ООО «Издательство АСТ», 2004. С. 384-385.

² Великая Н.Н. Казаки Восточного Предкавказья... С. 142.

³ Польской Л.Н. Очерки по истории Кавказской епархии (к 130-летию основания). Ставрополь: Издательство Ставропольской духовной семинарии, 2018. С. 21.

⁴ Гедеон, митрополит Ставропольский и Бакинский. Указ. соч. С. 116.

⁵ ГАСК. Ф.135. Оп.1. Д.51. Л.12-52.

распространялись. Поэтому, например, когда в Червлённой попытались арестовать священника-старообрядца, они кинулись на солдат с палками и оружием¹. Выступление было подавлено, но авторитету Иеремии был нанесён существенный вред². Его обвинили в нетерпимости и предпочли в дальнейшем не настраивать казаков против властей. Дошло до того, что гребенских казаков в 1845 г. передали под управление обер-священника Кавказского отдельного округа.

В немалой степени такой исход был связан с личной позицией наместника М.С. Воронцова³. Он отличался изрядным прагматизмом и поэтому решил не создавать во вверенном ему крае дополнительные проблемы. Если с Церковью, как одним из столпов государственного порядка, можно было достичь взаимоприемлемого компромисса, то с казаками договариваться было гораздо сложнее. Они могли даже перейти на сторону неприятеля, о чём свидетельствовали случаи из военной практики в борьбе с мюридами. Командованию было известно, что имам Шамиль всячески поощрял таких перебежчиков, в том числе разрешая им совершать богослужение в соответствии с их верой.

Эта информация подтверждается не только из русских источников, но и зафиксирована сведениями из лагеря противника. На арабской карте земель, контролируемых приверженцами имамата, даже были указаны места, где расселялись беглецы-раскольники. Речь шла не только о казаках, но и о солдатах-дезертирах, привечаемых Шамилём за их личную преданность ему и познания в ремесле⁴.

Судьба этих людей оказалась трагична. Несмотря на покровительство имама, они постоянно притеснялись враждебно относящимися к ним

¹ Ткачев Г.А. Станица Червлённая. Исторический очерк // Сборник общества любителей казачьей старины. Владикавказ, 1912. № 7-12. С. 146-147.

² ГАСК. Ф.135. Оп.1. Д.51. Л.122-123об.

³ Лазарян С.С. Кавказ под управлением князя М.С. Воронцова (1844-1854 гг.). Москва: Проспект, 2022. С. 497.

⁴ Генко А.Н. Арабская карта Чечни эпохи Шамиля // Записки института Востоковедения Академии наук СССР. Ленинград: Издательство АН СССР. 1933. Вып. II. С. 29.

иноверцами, а в конечном итоге были умерщвлены¹. Известны случаи, когда бежавшие в силу разных причин в горы казаки меняли свою веру, но это было скорее исключением, чем правилом.

Нам представляется верным вывод С.А. Головановой, которая рассуждает о бинарности казачьего восприятия власти, базировавшегося на идеях коллективизма и защиты родины – Российского государства, но отношение к нему дуалистично: «на первом месте власть казачьей общины, на втором – признание Российского государства»². Отсюда и частая оппозиционность казаков властям, в том числе и в вопросах веры.

Несмотря на усилия официальной Церкви по вовлечению старообрядцев в ряды собственной паствы, серьёзных успехов достичь не удавалось. Напротив, местные прихожане нередко делали выбор в пользу их канона и пополняли ряды «раскольников». Не последнюю роль в этом играла личность уставщиков, которых прихожане выбирали за импонирующие им качества (скромность, доброта, бескорыстие и т.п.). Да и достаточно высокий уровень грамотности среди старообрядцев-гребенцов, их стремление научить своих детей чтению позволяло найти необходимого человека для богослужения. Отмечалось, что обучение по старопечатным книгам «преследовало, главным образом, религиозные цели», а в качестве учебной литературы использовали апокрифы, сочинения Иоанна Златоуста, Псалтирь и т.д.³

Своим примером казаки-пастыри увлекали верующих. В этом отношении кадровый отбор у старообрядцев был строже и эффективнее, нежели у официальной Церкви, в которой мы находим многочисленные примеры нарушения Божьих заповедей и государственных законов. Сказывалась и хроническая нехватка священников, и порой станичники

¹ Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1873. Вып.7. Раздел I. - С. 42.

² Голованова С.А. Региональные группы казачества Юга России: опыт системного анализа. Армавир: Издательский центр АГПИ, 2001. С. 113.

³ Белецкая Е.М., Великая Н.Н., Григорьев А.Ф. Очерки духовной культуры гребенского казачества в дореволюционный период / Под ред. В.Б. Виноградова. Ставрополь: Ставролит, 2012. С. 79.

годами не имели собственного пастыря. Те же православные духовники, которые оказывались в старообрядческом окружении, видя, что им уже «не перед кем возглашать паки и паки», шли «туда же, куда все», переименовывались в уставщики и продолжали окормлять паству¹.

Армейское клерикальное начальство собирало сведения о сторонниках старообрядчества. Такую информацию должны были предоставлять командиры полков, крайне неохотно откликнувшиеся на такой приказ. Тем не менее информация к началу 1847 г. была собрана и предоставлена командованию в виде таблицы под названием «Ведомость о раскольниках Кавказского линейного казачьего войска»². Из неё мы узнаём, что среди казаков были не только сторонники «древнего благочестия», но и различные сектанты: духоборцы, молокане, субботники. Всего в казачьих бригадах и полках находилось 9 866 мужчин и 103 78 женщин, «приемлющих священство», и 757 мужчин, и 773 женщины, «не приемлющих» священство. Согласно сведениям из таблицы, старообрядцы проживали преимущественно на левом фланге Кавказской линии, в гребенских станицах, что подтверждается и другими источниками.

По подсчётам, произведённым О.Б. Емельяновым, всего в общинах Кавказского линейного казачьего войска числилось 11,75 % старообрядцев. Вместе с тем исследователь справедливо подмечает, что есть основания сомневаться в приверженности остальных казаков позициям официального православия³. Нередко, стремясь избежать осложнений со стороны начальства, казаки скрывали свою приверженность к дониконианским устоям. Командование, получая устраивающие их сведения, не стремилось выяснять истинное положение вещей, что вполне соответствовало интересам всех сторон этого конфессионального взаимодействия.

¹ Попко И.Д. Терские казаки со стародавних времён. С. 170.

² ЦГА РСО-А. Ф. 2. Оп. 1. Д. 5. Л. 302.

³ Емельянов О.Б. Архивные источники о численности и конфессиональной принадлежности жителей Кавказского Линейного казачьего войска на 1 января 1847 года // Конфессиональные факторы в истории и культуре славянских народов и их соседей: Материалы международной научно-практической конференции / Научн. ред., сост. Э.Р. Вартянян, О.В. Матвеев. Краснодар: Кубанский гос. университет, 2012. С. 155.

Не следует забывать и о наличии среди казаков т.н. «новокрещенов», т.е. горцев, перешедших на русскую сторону и принявших христианскую веру¹. Их чаще всего окормляла официальная церковь, но те, кто селился среди староверов, разделяли взгляды своего окружения.

Лишь с завершением боевых действий в регионе непримиримость в оценках религиозных предпочтений смягчилась. Религиозный выбор становился более частным, нежели коллективным решением, для которого было «характерно доминирование личностного религиозно-нравственного аспекта, что повышало значимость идей возмездия и спасения, бренности бытия и ответственности за грехи»².

Немногочисленная группа казаков пошла по пути компромисса и выбрала себе единоверческую церковь. Согласно утверждённым Павлом I правилам, священники такой церкви подчинялись епархиальным властям, но во время службы пользовались старообрядческими текстами и иконами. Главной идеей и целью единоверческой церкви была попытка ненасильственного подчинения старообрядцев, их постепенное приобщение к правилам никонианства. Но желанный компромисс так и не был достигнут. Численность прихожан единоверческого толка была невелика, да и в искренность объявивших себя таковыми власти верили с трудом.

Тем не менее при возникновении конфликтов между старообрядцами и православной Церковью власти исходили из того, что казаки верны присяге и не пытаются выступать против государства. За это им прощались религиозные вольности и невыполнение прямых распоряжений правительства в этом вопросе. По мере увеличения численности славянских переселенцев на Северо-Восточный Кавказ старообрядцы уже не доминировали численно над сторонниками официального канона. Более того, быть старовером оказалось невыгодно, т.к. именно таких людей старались

¹ Голованова С.А. Государственная политика России по регулированию численности казаков Терека и Кубани в XVIII-XIX вв.: этнодемографический аспект. Армавир: РИО АГПА, 2014. С. 99.

² Великая Н.Н. Казаки Восточного Предкавказья... С.145.

переселять на передовые рубежи в основываемые на правобережье Терека станицы.

Но даже в такой ситуации весь рассматриваемый период старообрядцы являлись большинством среди гребенских казаков, стойко сопротивлявшихся попыткам повлиять на их религиозные предпочтения. Связано это было с опасением совершить грех и понести за это наказание перед Высшим Судом, поплатившись спасением души. Недаром казака, отрёкшегося от веры предков, тайно поминали как покойника, хотя и считали, что отмолить его уже не удастся¹.

Для казаков религия служила важным элементом нравственного воспитания, не позволявшим приобретать вредные привычки, которые связывались с происками лукавого. Его кознями они объясняли сквернословие, пьянство. Пьяный человек терял над собой контроль и мог погибнуть, о чём в станицах ходило немало поверий². При этом для казака «пьянство есть не столько общая всем склонность, сколько обряд, неисполнение которого сочлось бы за отступничество»³. Противоречивость сложившейся ситуации даёт основание утверждать, что казаки не были религиозными фанатиками. Они весьма гибко интерпретировали существующие ограничения. Употребление алкоголя было допустимо, но злоупотребление им осуждалось с применением религиозных аргументов.

Достаточно популярны были сюжеты, связанные со вселением нечистого в человека, особенно в женщину. Женщины считали греховными существами, вместилищем «всякой скверны и нечисти». Чаще всего такая репутация была у тех из них, кто вступал в интимную близость без брака, а потому в общественном мнении считался «порченной». Отмечалось, что, несмотря на осуждение и угрозу Божественной кары, таких в станицах было

¹ Заседателева Л.Б. Терские казаки (середина XVI-начало XX в.). Историко-этнографические очерки. Москва: Издательство Московского университета, 1974. С. 358.

² М-ин Г. (Малявкин) Казачьи верования и суеверия. V. Понятие о дьяволе и его роль в жизни // Терские ведомости. 1891. № 50. С. 4.

³ Толстой Л.Н. Хаджи-Мурат. Казаки. Кавказская повесть. Нальчик: Книжное издательство «Эльбрус», 1978. С. 145.

довольно много, и «большая часть из них стала порченной или тоскующей вследствие неудавшейся любви»¹. Учитывая потери среди мужчин во время службы, их частые отъезды из дома, причина подобного поведения вполне закономерна. При всей набожности казаков искоренить подобную практику им не удавалось.

Официальная Церковь старалась монополизировать своё право на венчание молодых. В этом она находила поддержку со стороны правительства. Но казаки-родители старались узаконить брак своих детей с помощью уставщиков, которые, по их мнению, были единственными, кто сохранял паству в лоне древнеправославной веры².

В религиозной картине мира, которую мы видим в казачьей среде, немалое значение имели суеверия, игравшие существенную роль в духовно-нравственной регламентации поступков. Ангелы и демоны считались неотъемлемыми спутниками человека, определявшими его поступки, помогавшими либо вредившими ему. Достаточно часто встречались пережитки язычества, как, например, убеждённость, что произошедшие природные катаклизмы были вызваны и «враждебным отношением к человеку тёмных злых существ», и Божественным Проведением, связанным с наказанием людей за их греховные деяния с целью их искупления понесёнными страданиями³.

Казаки-староверы крайне негативно воспринимали курение. Его также связывали с происками женщины и нечистого. Сохранилось предание, что это растение выросло на могиле «блудной девы», и проходивший мимо казак, заинтересовавшись необычными листьями, сорвал их, а потом по наущению беса закурил. Ему понравилось ощущение, и он стал предлагать всем это

¹М-ин Г. (Малаякин) Казачьи верования и суеверия. С. 4.

²Письменная Т.Г. О некоторых причинах распространения старообрядчества среди линейного казачества в 30-е годы XIX в. // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа. Материалы шестой международной Кубанско-Терской научно-практической конференции. / Под ред. Н.Н. Великой, С.Н. Лукаша. Краснодар-Армавир, 2008. С. 62-63.

³Востриков П. Поверья, приметы и суеверные обычаи наурцев // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. Тифлис, 1907. Выпуск 37. Отдел 2. С. 38-39.

растение. С тех пор и распространился табак в станицах¹. Стоит вспомнить неприязнь казаков к расквартированным в их домах солдатам, описанную Л.Н. Толстым, за то, что они приносили в помещение неприятный запах дыма своих трубок². Это тоже можно считать своеобразным отражением противопоставления «свой – чужой», существовавшим в, казалось бы, единой христианской общности в крае.

Были и другие суеверные предубеждения. В исследованиях мы не раз встречаем упоминание о неприязни казаков к армянским торговцам, которые, по их мнению, занимались недостойным делом. Такие фобии объяснялись и религиозными предрассудками. Для казака личный ангел-хранитель был реальным существом, располагавшимся за его правым плечом. Он помогал и защищал его в различных ситуациях, а потому требовалось выказывать ему всяческое уважение. А если «армяне кладут своих умерших на левую сторону, т.е. по понятию казаков, отворачиваются от ангелов; потому они и презираются казаками»³.

Любопытно, что ад, куда попадали души грешников, по мнению казаков, находился здесь же, на Кавказе. Он располагался под горой Казбек. Отсюда бесы уходили на землю, чтобы соблазнять нестойких людей и склонять их к грехопадению.

Весьма уязвимыми к козням лукавого были некрещёные дети. Матери боялись, что их подменят после рождения и старались как можно быстрее обратить младенцев в лоно Церкви. Уже отмечалась нехватка священников в крае, а потому детей крестили бабки, таким образом защищая их от посягательств злых сил. Считалось, что до совершения этого таинства человек не имеет души. Существовало поверье, что соседи казаков – чеченцы – лишены души, а потому вместо неё «у них пар, так же, как и у скотины»⁴.

¹ М-ин Г. (Малявкин) Казачьи верования и суеверия. С. 4.

² Толстой Л.Н. Указ. соч. С.144.

³ М-ин Г. (Малявкин) Казачьи верования и суеверия. С. 3.

⁴ Там же. С. 4.

В казачьей среде христианство весьма органично соединилось с языческими представлениями. В их мировосприятии причудливо сочетались как общерусские черты, так и культурные воззрения горских соседей, с которыми казаки плотно контактировали. Всё настолько переплелось, что зачастую исследователи не могли обнаружить корни того или иного явления.

Элементы такого синкретизма наблюдались во время религиозных праздников, например Пасхи. Она начиналась с хороводов, которые водила молодёжь. Парни и девушки становились в круг и под звуки гармонии били в медные тазы и затем парами по очереди танцевали лезгинку. Веселье продолжали различные игры, при этом проигравшие на плечах переносили победителей через улицу. На второй день тех, кто не посетил церковь, обливали холодной водой. Пасхальные яйца красили, а потом хранили в доме. Считалась, что с их помощью можно излечивать болезни.

Ещё одним почитаемым праздником была Троица. Но если православные ограничивались посещением храма, то старообрядцы устраивали гуляния, совместные трапезы, пляски, песни, стрельбу. Девушки в этот день плели венки и бросали в воду. Это было необходимо для проведения ритуала гадания, с помощью которого определяли будущего суженого. Тогда же строили ритуальный кораблик, на который усаживали кукол, снабжённых едой и питьём, а потом, отправив в плаванье, старались потопить его выстрелами. Прямых параллелей такому обряду найти не удаётся. Считается, что похожие черты были характерны для обрядов славянского населения Поволжья, Сибири и Новгорода¹.

Мы склонны согласиться с выводом о том, что старообрядчество на рассматриваемой территории появилось не в результате раскола XVII в., а сформировалось гораздо раньше. Оно являлось, по сути, сохранившимися традициями верования раннего христианства. В дальнейшем старообрядчество выступило как религиозная оппозиция официальной

¹ Белецкая Е.М., Великая Н.Н., Виноградов В.Б. Календарная обрядность терских казаков // Этнографическое обозрение. 1996. № 2. С. 58-60.

церкви, но не доводило конфликт до открытого непримиримого противостояния. Обе стороны в целом демонстрировали гибкость и готовность пойти на компромисс, предпочитая «не замечать» имеющихся разногласий. Местное старообрядчество «не содержало антикрепостнического, антигосударственного и антицерковного заряда»¹. Отдельные случаи перехода казаков на сторону враждебных России сил были скорее флуктуацией и не являлись массовыми.

Наглядным примером организации жизни казаков-староверов являлась станица Новогладковская, особенности ментальности населения которой можно экстраполировать и на прочие гребенские поселения. В станице соседствовали старожилы казаки и прибывшие позднее «мужики-малороссы», встреченные крайне неприветливо и всячески ущемляемые в своих правах. Казаки возмущались, что к ним, живущим «по завету отцов», подселили тех, кто нарушил догмы истинной веры, чьё присутствие «оскверняло» ревнителей старины. Первое время новосёлам даже запрещали брать воду из общего колодца своими вёдрами, и те вынуждены были просить набрать её кого-либо из староверов.

Даже спустя десятилетия совместного проживания, когда страсти несколько утихли и обе стороны начали посещать дома друг друга, старообрядцы держали в домах особую мирскую посуду, из которой никогда не принимали пищу сами. Они посещали своего уставщика, для того чтобы он прочёл «очистительную молитву» и избавил их от «непотребства», принесённого общением с православными. Произошедшее примирение имело формальный характер и было вызвано хозяйственной необходимостью. Но в повседневной жизни гребенцы сохраняли плохо скрываемое предубеждение к тем, кто стоял на позициях никонианства.

Современники обращали внимание на ещё одну особенность: казаки-староверы, покидая родную станицу и оказываясь в православной среде, могли совершать поступки, которые однозначно трактовались их сородичами

¹ Великая Н.Н. Казаки Восточного Предкавказья... С.156.

как греховные. Годами, не видя родного дома, казак «пьёт и ест без разбора из «поганных» чаш, ест и свинину, курит табак и т.д., – он, видимо, забывает «своих». Но стоит ему вернуться домой, и он вновь нетерпимый «старожитель». Прослужит он даже чиновником лет 15, получит среднее образование, тем не менее в станице он снова затягивается обычаями и предрассудками своей родни...»¹. Здесь речь идёт о мужчинах, кругозор которых был гораздо шире, чем у женщин, проводивших всю жизнь в станице. Казаки могли побывать в различных частях Российской империи, порой выезжали за границу, имели возможность сравнить жизненный уклад самых разных народов. Всего этого были лишены женщины. Они отличались особенной нетерпимостью к иноверцам, к которым причисляли и сторонников официальной Церкви. Казаки считали, что они единственные, кто смог сохранить древнерусские традиции и порядки. Это являлось поводом для гордости и твёрдой убеждённости в собственной непогрешимости, давало нравственную силу, в том числе и во время конфликта с имперскими властями.

Важно отметить, что в христианстве казаки нашли те нравственные ориентиры, которые позволили им эффективно противостоять вызовам, присущим жизни на беспокойном фронтире. Военная угроза присутствовала в казачьей повседневности постоянно, и нужен был духовный стержень, способствовавший формированию необходимых для выживания морально-волевых качеств. Казак был уверен, что за все его тяготы и возможную гибель в бою он будет вознаграждён райскими кущами, а потому бесстрашно воевал с неприятелем. Это было характерно для русской религиозной традиции, в которой образ воина-защитника всегда интерпретировался, как одна из ипостасей угодного Господу христианина, готового отдать жизнь «за други своя»².

¹ Статистические монографии по исследованию станичного быта... С. 251.

² Великая Н.Н. Казаки Восточного Предкавказья... С.152-153.

Христианство регламентировало жизнь казаков и в прочих сферах их жизнедеятельности. Можно говорить о том, что они придерживались литургического ритма, с его буднями, праздниками, постами и скоромными днями. Внутри каждого казачьего дома можно было встретить иконы, лампы, свечи и прочие атрибуты, связанные с христианской верой. Угол дома, где находились такие святыни, согласно общерусской традиции, приравнивался к алтарной части храма. Начало работы, выход на службу, приём пищи сопровождался молитвами.

Религиозная специфика отразилась и на этническом самосознании казаков. Согласно распространённым представлениям, русский человек был исключительно православным. Фактически эти понятия были синонимичны. Отмечалось, что во время совершения таинства крещения закреплялось определение «государственной (этнической) и социо-конфессиональной принадлежности человека. Во-первых, частное (личное) крещение, как бы повторявшее акт Крещения Руси, приобщало неофита к истории Отечества, Церкви и народа. <...> Во-вторых, крещение было началом и залогом православной / христианской социализации нового члена крестьянской общины; некрещёный им стать не мог»¹.

Но казаки не принимали официального православия и начинали противопоставлять себя русским. На Тереке распространились другие представления. Здесь гребенец и старовер были определением одного и того же этнического и социокультурного явления. Сложилась ситуация, в которой люди, исповедовавшие христианство и говорившие на русском языке, настолько обособились, что уже не считали себя частью русского этнического массива. Однако столь радикальное расхождение не распространялось на всех казаков, проживавших в Притеречье. В результате переселения новых славянских групп с Дона, Малороссии и т.д. гребенцы постепенно превращались в конфессиональное меньшинство. Остальные

¹ Бернштам Т.А. Указ. соч. С. 113.

казаки были настроены не столь этно-конфронтационно, и у них доминировало общерусское самосознание¹.

Старожильческое казачье население Терека выработало своё, особенное религиозное мировоззрение. Будучи старообрядцами, казаки не являлись раскольниками в классическом понимании этого явления. При всём желании увлечь казаков в оппозицию государству, привить им эсхатологические представления проповедники этого течения успехов не добились.

На Тереке сложилась особая форма религиозности, пусть и не соответствующая господствующему церковному порядку, но и не враждебная ему. Казаки-староверы, как правило, не были инициаторами раздора, и чаще всего конфликты возникали как реакция на действия официального духовенства, пытавшегося подчинить их своей власти. В качестве примиряющей стороны выступало государство, усилиями чиновников смягчавшее противоречия и не дававшее Церкви вмешиваться в духовную жизнь казаков.

Надежда на естественное отмирание старообрядческих традиций в связи с нехваткой подготовленных кадров священнослужителей, не оправдалась. Казаки из своей среды выбирали уставщиков, и те продолжали вести службы по привычным правилам. Но отсутствие необходимых знаний приводило к тому, что такие уставщики могли вольно трактовать догматы, дополняя их собственными представлениями о «правильной» вере. Отсюда и наличие многочисленных обрядов в повседневной духовной жизни, которые были скорее языческие, чем христианские.

Казаки осознавали себя защитниками Отечества и веры. Для них эти понятия были неразделимы и формировали отношение к воинскому долгу как высшей доблести и обязанности истинно верующего человека.

Религиозная ситуация среди казачьих социоров отличалась запутанностью и противоречивостью. Будучи верными последователями

¹ Великая Н.Н. Казаки Восточного Предкавказья... С.157-158.

христианства, казаки не всегда разделяли догмы официальной Церкви и не признавали никонианскую реформу. Наиболее последовательны в приверженности «древнему благочестию» были гребенцы, считавшие себя истинными поборниками христианской веры в её изначальном понимании.

Их мировоззрение сформировалась в условиях жёсткого противостояния с ино-конфессиональным и иноэтничным окружением. Христианство стало тем духовным стержнем, вокруг которого формировался социокультурный архетип казаков. Любые попытки вмешательства в сложившийся религиозный канон рассматривались как чуждые, если не враждебные. Когда православное духовенство пыталось распространить на казаков-староверов свои порядки, оно сталкивалось с их неприязнью и нежеланием поступиться своими убеждениями. Светская власть, заинтересованная в лояльности казаков, используемых в охране и обороне пограничья, как правило, становилась на их сторону. Церкви не позволяли вмешиваться в уклад станичников, а те, в свою очередь сохраняли верность воинской присяге.

Надежды на естественное прекращение старообрядческих традиций в казачьей среде оказались тщетными. У казаков не было возможности готовить кадры священников, но они выбирали из своей среды уставщиков, которые пользовались большим авторитетом в казачьем сообществе и вели богослужение. Опираясь на предания и старые, дореформенные тексты молитв, записанные в богословских книгах, передаваемых по наследству, они сохраняли свой канон. При этом получила распространение «народная вера», в которой христианские ценности сосуществовали с элементами различных языческих обрядов.

В рассматриваемый период казаки-староверы противопоставляли себя другим христианам, что экстраполировалось и на их этничность. Они не считали себя русскими, хотя и продолжали использовать русский язык, пусть и с многочисленными тюркско-горскими заимствованиями.

Казаков нельзя считать раскольниками, а их религиозную обособленность – следствием социальной и политической конфронтации с государством. Они верно служили России, хотя и стремились отстоять свою автономию перед государством.

Заключение

На основании проведённого исследования были сделаны следующие выводы:

1. Ситуация на северокавказском пограничье вплоть до окончания Кавказской войны оставалась напряженной и сопровождалась самыми разнообразными конфликтами, чему в немалой степени, с одной стороны, способствовала постройка русскими крепостей и устройство станиц на линии фронта с размещением в них казаков, а затем начавшееся крестьянское переселение на равнины Предкавказья, которые нарушили прежний уклад жизни местных горских обществ; с другой стороны, местные традиции, связанные с набеговым промыслом, направленным на грабежи, захват пленных и разрушение русских поселений (станицы, города и деревни), не могли быть приемлемыми для российской стороны.

Одновременно, по большей части, конфликтность на северокавказском фронтире питалась и вырастала на местной исторической почве, а первоначальные попытки России выступать на стороне нуждавшихся в защите и покровительстве в роли медиатора, с недоверием воспринимались различными местными феодальными кланами, враждовавшими друг с другом и увидевших в русских новых конкурентов на политическое доминирование в регионе.

Между тем, глубинными причинами, порождавшими конфликтность и противостояние сторон, были не столько политические амбиции, сколько разнонаправленные модели социокультурного мировидения и хозяйственного бытия. Сталкивались во многом разнохарактерные способы жизненного устройства и существования. Для России была неприемлемой кочевническо-скотоводческая традиция северокавказских сообществ, которую те распространяли на пространстве, самой природой, подготовленной к земледельчеству. Приход русских потребовал от местных

этносов кардинального переформатирования их традиционных устоев, что было встречено предельно негативно.

2. Для отечественной историографической традиции остается актуальной поливариантная оценка этнокультурных основ происхождения как самого феномена казачества как такового, так и терско-гребенского казачества, в частности. Определенная часть российских ученых примыкает и разделяет позицию С.М. Соловьева или М.К. Любавского. Первый определял казаков в качестве субэтноса, сформировавшегося из социального субстрата различного этнического происхождения в исторических условиях становления и развития Российской государственности и продвижения её границ. Другой считал социокультурной базой казачества автохтонность, транслировавшуюся и унаследованную из степных улусов бывшей Золотой Орды. В то же время все соглашались в том, что казачество как таковое и терско-гребенское в том числе, сделались форпостом южных границ России, сформировав своеобразный пояс безопасности, защищавший пределы страны от агрессивных сообществ, промышлявших в пространстве фронтирного порубежья.

С приближением границ государства к побережью Черного и Каспийского морей началось сближение интересов и заинтересованности сторон друг в друге. Казаки вступили в государственную службу, а государство взяло на себя обязанность его экипировки и материального содержания. На фронтире государству было трудно обойтись без казаков, как и казаки нуждались в государственной поддержке. В дальнейшем казаки сделались эффективным средством не только сохранения фронтирного порубежья в пользу Российского государства, но были активным и действенным инструментом трансляции имперских порядков в северокавказском регионе.

Одновременно, нельзя не отметить, что согласие казаков сделаться частью государственной машины, по большей части негативно сказалось на функционировании их базового социокультурного устройства, повлекло за

собой значительное ухудшение условий их существования, сокращение возможностей для сохранения прежних вольностей и одновременный рост служебных и иных тягот.

3. Хозяйственный уклад терско-гребенского казачества отражал специфику жизни в условиях фронтальной неопределённости и опасностей. Значительная часть сил и ресурсов затрачивалась на охрану и оборону границы и собственную защиту от нападений «немирных» соседей. Первоначально сложившийся промысловый тип хозяйства постепенно трансформировался, и мобильные группы казаков-первопоселенцев превращались в оседлых жителей Притеречья. Правительство, заинтересованное в военной службе казачества, частично компенсировало им их издержки, но основные тяготы по обеспечению себя необходимыми для существования вещами и продовольствием казаки должны были нести самостоятельно.

Сформировавшаяся в таких исторических обстоятельствах воинская культура не могла не отразиться на системе жизнеобеспечения. Для мужчин-казаков, особенно гребенцов, хозяйственные заботы оказались вторичны, и всё, что было с ними связано, относилось к непрестижной деятельности, исключая охоту и рыболовство. Это нашло отражение и в фольклорных источниках. Тем не менее у казаков получили распространение виноградарство и виноделие, выращивание огородных культур, скотоводство. Пополнению семейного бюджета станичников служили выращиваемые технические культуры. Пашенное земледелие ограничивалось природно-географическими факторами и отвлечением значительной части рабочих рук на службу.

Чтобы компенсировать нехватку в хозяйстве мужчин, казаки вынуждены были привлекать наёмных работников. Они не только брали в аренду станичные земли, но и ухаживали за скотом. Значительную часть хозяйственных обязанностей выполняли женщины. Современники отмечали это обстоятельство, называя казачек «главным богатством» мужчины-воина.

Обращает на себя внимание тот факт, что наибольшее развитие у казаков получили те отрасли, в которых женщины могли справляться собственными силами.

4. Самые ранние страницы истории гребенского казачества говорят о серьёзных проблемах, связанных с пополнением, убыли в его рядах. Высокие потери в результате непрерывных стычек на беспокойном пограничье, отсутствие у первопоселенцев нужного числа женщин, которых зачастую приходилось «умыкать» у соседей чтобы создать семью, не позволяли им рассчитывать на естественное поддержание того демографического минимума, позволявшего успешно конкурировать с горцами за возможность проживать на удобных землях предгорий Северо-Восточного Кавказа. Отсюда стремление включать в свой состав как выходцев их русской метрополии, так и представителей местных горских и кочевых народов, которые после аккультурации становились полноправными станичниками – носителями казачьего мировоззрения.

Со временем уже российские власти начали изыскивать возможности увеличить количество казаков, причисляя к ним старожилов из казённых крестьян, семейных солдат, отслуживших длительное время в крае и выразивших желание сделаться казаком, горцев, готовых принять российские порядки и поселиться в станице. На кавказский фронт переводились казачьи семьи, которые после расширения границ империи проживали в «тыловых» районах и фактически перестали играть ту роль, что традиционно играли их предки, присягнувшие на верность престолу. Речь идёт о ресурсах донских и волгских станиц, малороссийских казаках.

Особенностью рассматриваемого периода стало то, что терские казаки постепенно отказывались от ассимиляционной практики и переходили к практике консолидационной. Они весьма ревностно начинали относиться к своим статусным и социокультурным особенностям и уже не так охотно воспринимали пополнение рядов «чужаками». Это объяснялось среди прочего и тем, что ослабевший военно-политический прессинг, связанный с

постепенным замирением беспокойных горских соседей, дал станичникам возможность добиться естественного воспроизводства и даже увеличить количество казачьего населения.

5. Являясь самобытной этнической группой, терско-гребенское казачество имело свою самобытную культуру и связанное с ней самосознание. На него повлияли особенности пограничной жизни, опасности, присущие фронтиру, и наличие иноэтничного окружения, отношения с которым складывались в русле парадигмы сотрудничество – соперничество. В такой ситуации выработалось совпадение группового и индивидуального сознания, что позволяло казакам успешно выживать в неблагоприятных обстоятельствах. У них наличествовала устойчивая историческая память, на основе которой сформировались этнические симпатии и антипатии. Можно говорить о формировании субэтнической общности, то есть нескольких поколений людей, связанных общей судьбой и выработавших объединяющие их материальные и духовные черты. При наличии языковой и культурной самобытности у них не исчезли и разнообразные связи с породившим их русским этносом.

Помимо этнического, у казаков стало формироваться и сословное самосознание. Оно было тесно связано с воинской службой, с присущими этому виду деятельности идеалами доблести и верного служения Отечеству.

Важным маркером в картине мира казаков являлась их прародина, территория Притеречья, которая во многом формировала их самоидентификацию. Именно здесь первоначальное территориально-социальное объединение стало превращаться в этническое образование. Терек стал для них символом свободы и самобытности.

В первой половине XIX в. власти пошли на увеличение численности казачьих рядов, что было связано с военно-политической ситуацией в крае. К казакам-старожилам начали присоединять группы, которые не были связаны с их прошлым либо даже изначально имели иной социальный статус или этническую принадлежность. Это также нашло отражение в самосознании

терского казачества, которое далеко не сразу выработало новые, объединяющие его императивы. Впрочем, по историческим меркам этот процесс проходил достаточно динамично. Этому способствовала общность территории и продолжавшееся военное противостояние с «немирными» горцами. С увеличением количества славянского населения у старейших групп казаков, прежде всего гребенцов, ослабляются связи с горско-кочевой культурной традицией, хотя полностью она и не вытесняется.

6. В среде терско-гребенского казачества было немало староверов. Они не желали отказываться от своих религиозных взглядов, и власти вынуждены были считаться с их позицией. В условиях непрекращающегося вооруженного противостояния правительство не желало лишиться поддержки казаков, предпочитая отложить их приобщение к официальному православию на более подходящее время.

Для казаков христианство являлось краеугольным камнем мировоззрения. Но это не значит, что они готовы были безоговорочно принять официальный церковный канон. Их собственная богослужebная практика появилась гораздо раньше, и в глазах станичников являлась единственно верной и завещанной пращурами. Часть казаков приняла компромиссное решение и присоединилась к единоверческой церкви. Но ее авторитет в казачьей среде был невелик, а искренность тех, кто согласился с ее правилами, вызывала у официального духовенства серьезные и вполне обоснованные сомнения.

Религиозные догматы лежали в основе нравственного воспитания казаков. Различные социальные и бытовые девиации объяснялись происками демонических сил, а потому станичники стремились не нарушать библейские заповеди, хотя и могли трактовать их не так, как требовал канон.

Нередко казаки выбирали из своей среды духовных пастырей. Те отличались авторитетом и нравственностью, но не всегда обладали необходимыми теологическими познаниями. Не случайно для казачества был

характерен религиозный синкретизм, и христианская вера уживалась с языческими суевериями и предрассудками.

Казачи-староверы религиозную обособленность экстраполировали и на этническое самосознание. Они не считали себя такими же русскими, как выходцы из центральных губерний страны. При этом они продолжали считать себя воинами православия, трактуя свою службу интересам России как религиозный долг.

Список источников и литературы

ИСТОЧНИКИ

а) неопубликованные материалы

Государственный архив Ставропольского края (ГАСК).

1. Ф. 79. - Общее управление Кавказской области 1822-1847 гг. Оп. 1. Д. 342, Д. 1539, Д. 1690.
2. Ф.135. - Ставропольская духовная консистория 1843 - 1918 гг. Оп.1. Д.51.

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА)

3. Ф. 13454 – Штаб войск кавказской линии. Оп. 5. Д. 558, Д. 594.
4. Ф. 14719 – Главный штаб Кавказской армии. Оп. 2. Д. 461.

Российский государственный архив Древних актов (РГАДА).

5. Ф. 1261 – Воронцовы, графы, помещики. Оп. 3. Д. 1381.

Российский исторический архив (РГИА)

6. Ф. 660 – Закревский Арсений Андреевич, граф (1783-1865). Оп. 1. Д. 111.
7. Ф. 1268 – Кавказский комитет. Оп. 8. Д. 184.

Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (ЦГА РСО-А)

8. Ф. 2. – Управление наказного атамана Кавказского линейного казачьего войска 1831-1859 гг. Оп. 1. Д. 5, Д. 93, Д. 132.

9. Ф. 3. – Канцелярия наказного атамана Кавказского линейного казачьего войска 1833-1860 гг. Оп. 1. Д. 9, Д. 76, Д. 93, Д. 100.
10. Ф. 13. – Войсковое правление Терского казачьего войска 1845-1870 гг. Оп. 1. Д. 249, Д. 1030.
11. Ф. 14. – Войсковое хозяйственное правление Терского казачьего войска 1870-1888 гг. Оп. 1. Д. 419.

б) опубликованные источники

12. Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. / Под ред. А.П. Берже. - Тифлис, 1885. – Т.Х. – 936 с.
13. Владыкин, М.Н. Путеводитель и собеседник в путешествии по Кавказу: с приложением карты Кавказа с железными дорогами. В 2-х частях / М.Н. Владыкин. – Москва: Типография И.И. Родзевича, 1885. – Ч. 1. – 366 с.
14. Ван-Гален Хуан. Два года в России/ Хуан Ван-Гален // Кавказская война: истоки и начало. 1770-1820 годы. Серия: «Воспоминания участников Кавказской войны XIX века». – Санкт-Петербург: Звезда, 2002. – С. 349-455.
15. Востриков, П.А. Поверья, приметы и суеверные обычаи наурцев / П.А. Востриков // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. – Тифлис, 1907. – Вып. 37. – Отдел 2. – С. 1–93.
16. Гребенцы в песнях. Сборник старинных, бытовых, любовных, обрядовых и скоморошных песен гребенских казаков с кратким очерком Гребенского войска и примечаниями. / Составитель Ф.С. Панкратов. – Владикавказ, 1895. – 176 с.
17. «Даргинская трагедия. 1845 год». Серия: «Воспоминания участников Кавказской войны XIX века». – Санкт-Петербург: Звезда, 2001. – 616 с.

18. Драгунский офицер. Воспоминания о Закавказском походе. 1853 и 1854 года // Военный сборник. – Санкт-Петербург, 1860. – Т. 11. – С. 135-272.
19. Ермолов, А.П. Кавказские письма. 1816-1860 / А.П. Ермолов / Отв. ред. Я.А. Гордин. – Санкт-Петербург: Звезда, 2014. – 834 с.
20. Записки А.П. Ермолова 1798-1826 / Сост., подготовка текста, вступ. ст., коммент. В.А. Федорова. – Москва: Высшая школа, 1991. – 463 с.
21. К. Гребенцы (Из заметок и воспоминаний гребенца) // Терские ведомости. – 1886. – № 11. – 6 февраля. – С. 2.
22. Кабардино-русские отношения в XVI-XVIII вв. Документы и материалы в 2-х томах. – Москва: Изд-во АН СССР, 1957. – Т.2. – 900 с.
23. Кавказские письма А.П. Ермолова М.С. Воронцову / Предисловие Я. Гордина. Комментарии Б.П. Миловидова. – Санкт-Петербург: Звезда, 2011. – 376 с.
24. Лермонтов, М.Ю. Кавказец / М.Ю. Лермонтов // Сочинения в двух томах. Том второй. / Сост. и комм. И.С. Чистовой; Ил. В.А. Носкова. – Москва: Правда, 1990. – С. 590–593.
25. Ольшевский, М.Я. Кавказ с 1841 по 1866 год / М.Я. Ольшевский. Серия: «Воспоминания участников Кавказской войны XIX века». – СПб.: Издательство журнала «Звезда», 2003. – 608 с.
26. Песни Терека. Песни гребенских и сунженских казаков. / Публикация текстов, вступительная статья и примечания Ю.Г. Агаджанова. – Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1974. – 238 с.
27. Полное собрание законов Российской империи. Второе собрание. – Санкт-Петербург, 1831. – Т. V. – Отд. I. – 294, 3 с.
28. Полное собрание законов Российской империи. Второе собрание. – Санкт-Петербург, 1833. – Т. VII. – 1044, 189, 155, 23, 3, 3 с.

29. Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. Документы и материалы. – Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1958. – 336 с.
30. Терек вспышный: песни гребенских казаков. / Составитель Е.М. Белецкая; художник С.В. Наймушина. – Грозный-Екатеринбург, 1991–2007. – 260 с.
31. Терское казачье войско в 1882 году (Извлечение из всеподданнейшего отчёта) // Терские ведомости. – 1883. – № 40. – 1 октября. – С. 2–3.
32. Толстой, Л.Н. Хаджи-Мурат. Казаки. Кавказская повесть / Л.Н. Толстой. – Нальчик: Эльбрус, 1978. – 288 с.
33. Федеральный закон от 5 декабря 2005 г. N 154-ФЗ «О государственной службе российского казачества» (с изменениями и дополнениями). URL: <https://base.garant.ru/188922/> (дата обращения 8.12.2025 г.).

Литература

34. Аверьянов, Ю.Г. Счастье быть казаком / Ю.Г. Аверьянов, А.А. Воронов // Наш современник. – 1992. – № 3. – С. 137–147.
35. Арутюнов, С.А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие / С.А. Арутюнов. – Москва: Наука, 1989. – 247 с.
36. Баддели, Д. Завоевание Кавказа русскими. 1720-1860 / Пер. с англ. Л.А. Калашниковой / Д. Баддели. – Москва: Центрполиграф, 2007. – 351 с.
37. Бадов, Ч.Р. История возникновения 1-го Владикавказского казачьего полка / Ч.Р. Бадов // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2013. – No 11 (37). – Ч. 2. – С. 23–25.

38. Байбурин, А.К. Этнические аспекты изучения стереотипных форм поведения и традиционная культура / А.К. Байбурин // Советская этнография. – 1985. – № 2. – С. 36–46.
39. Баллас, М. Виноделие в России. Часть IV. Предкавказье / М. Баллас. – Санкт-Петербург, 1898. – XII, 256 с.
40. Белецкая, Е.М. Казачество в народном творчестве и в русской литературе XIX века / Е.М. Белецкая. – Тверь: Золотая буква, 2004. – 252 с.
41. Белецкая, Е.М. Очерки духовной культуры гребенского казачества в дореволюционный период / Е.М. Белецкая, Н.Н. Великая, А.Ф. Григорьев. – Ставрополь: Ставролит, 2012. – 300 с.
42. Белокуров, С.А. Сношения России с Кавказом. Материалы, извлечённые из Московского Главного архива Министерства иностранных дел. Вып. I. 1578-1613 гг. / С.А. Белокуров. – Москва, 1889. – 130, 584 с.
43. Бентковский, И.В. Материалы для истории колонизации Северного Кавказа. Моздокские так называемые «крещёные калмыки» (Извлечение из №№ 35, 38 и 42 «Ставропольских губернских ведомостей» за 1880 год) / И.В. Бентковский. – Б.м., б.г. – 7 с.
44. Бентковский, И.В. Гребенцы / И.В. Бентковский. – Москва: Рус. типо-лит., 1889. – 39 с.
45. Берозов, Б.П. Из истории русского (казацкого) поселения в Осетии / Б.П. Берозов // Роль России в истории Осетии. – Орджоникидзе: СОГУ, 1989. – С. 180-201.
46. Бларамберг, И. Кавказская рукопись / И. Бларамберг. – Ставрополь: Кн. Изд-во, 1992. – 240 с.
47. Блиев, М.М. Кавказская война / М.М. Блиев, В.В. Дегоев. – Москва: Росет, 1994. – 592 с.
48. Блиев, М.М. Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации / М.М. Блиев. – Москва: Мысль, 2004. – 877 с.

49. Бочарников, И.В. Феномен казачества в истории Российского Отечества/ И.В. Бочарников. – URL: <https://nic-pnb.ru/analytics/fenomen-kazachestva-v-istorii-rossijskogo-otechestva/?ysclid=mh7njq8v6t273631010> (Дата обращения: 27.10.2025).
50. Бромлей, Ю.В. Очерки теории этноса /Ю.В. Бромлей. – Москва: Наука, 1983. – 413 с.
51. Бутова, Е. Станица Бороздинская, Терской области, Кизлярского округа / Е. Бутова // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. – Тифлис, 1889. – Вып. 7. – С. 3–156.
52. Васильев, Д.С. Очерки истории низовьев Терека: (Досоветский период) / Д.С. Васильев. – Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1986. – 248 с.
53. Великая, Н.Н. Казаки Восточного Предкавказья в XVIII-XIX вв. / Н.Н. Великая. – Ростов-на-Дону, 2001. – 278 с.
54. Великая, Н.Н. К истории взаимоотношений народов Восточного Предкавказья в XVIII–XIX вв. / Н.Н. Великая. – Армавир, 2001. – 192 с.
55. Вертепов, Г.А. Хозяйственное положение низовьев реки Терек / Г.А. Вертепов // Терский сборник. – Владикавказ, 1903. – Вып. VI. – С. 13-53.
56. Винер, Б.Е. Этничность: в поисках парадигмы изучения / Б.Е. Винер // Этнографическое обозрение. – 1998. – № 4. – С. 3–26.
57. Виноградов, В.Б. О месте первоначального расселения гребенских казаков / В.Б. Виноградов, Т.С. Магомадова // Сборник избранных статей Виталия Борисовича Виноградова. К 70-летию со дня рождения. – Армавир: Редакционно-издательский центр АГПУ, 2008. – С. 83–90.
58. Востриков, П.А. Станица Наурская, Терской области / П.А. Востриков // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. – Тифлис, 1904. – Вып. 33. – Отд. 2. – С. 102–309.

59. Гачев, Г.Д. Национальные образы мира. Евразия – космос кочевника, земледельца и горца / Г.Д. Гачев. – Москва: Институт ДИДИК, 1999. – 368 с.
60. Голованова, С.А. Государственная политика России по регулированию численности казаков Терека и Кубани в XVIII–XIX вв.: этнодемографический аспект / С.А. Голованова. – Армавир: РИО АГПА, 2014. – 124 с.
61. Гордеев, А.А. История казачества / А.А. Гордеев. – Москва: Вече, 2006. – 640 с.
62. Гордин, Я.А. Ермолов / Я.А. Гордин. – Москва: Молодая гвардия, 2012. – 600 с.
63. Гордин, Я.А. Кавказская Атлантида. 300 лет войны / Я.А. Гордин. – Москва: Время, 2014. – 512 с.
64. Гребенец, Ф.С. Новогладковская станица в её прошлом и настоящем / Ф.С. Гребенец // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. – Тифлис, 1915. – Вып. 44. – Отдел 1. – С. 77-116.
65. Григорьев, А.Ф. Этническая картина мира гребенских казаков (на примере ритуально-обрядовых традиций и песенного фольклора) / А.Ф. Григорьев. / Под ред. И.И. Горловой. Ставрополь: Возрождение; Ставролит, 2011. – 336 с.
66. Гриценко, Н.П. Социально-экономическое развитие Притеречных районов в XVIII – первой половине XIX вв. / Н.П. Гриценко / Под ред. Н.А. Тавакаляна. – Грозный: «Грозненский рабочий», 1961. – 197 с.
67. Дегоев, В.В. Введение в политическую историю Северного Кавказа (XVI век – 1917 год) / В.В. Дегоев. – Москва: Навона, 2009. – 128 с.
68. Дегоев, В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. Статьи, очерки, эссе / В.В. Дегоев. – Москва: Русская панорама, 2001. – 448 с.

69. Джарылгасинова, Р.Ш. Теория этнического самосознания в современной этнографической науке (основные аспекты и проблемы) / Р.Ш. Джарылгасинова // Советская этнография. – 1987. – № 4. – С. 9–22.
70. Дубровин, Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе / Н.Ф. Дубровин. – Санкт-Петербург, 1885. – Т. V. – 495 с.
71. Дударев, С.Л. Об одном примере западного взгляда на историю интеграции Северного Кавказа в состав России / С.Л. Дударев // Известия научно-педагогической Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова. – Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2016. – Вып. 5. – 32 с.
72. Емельянов, О.Б. Земледелие в казачьих станицах Терского левобережья в системе природных и общественно-политических факторов в первой половине XIX века / О.Б. Емельянов. – Георгиевск: ИП Банный М.И., 2014. – 199 с.
73. Емельянова, Л.А. Хозяйственное развитие волгских станиц Кавказского Линейного казачьего войска в контексте военно-политических процессов (1840–1864 гг.) / Л.А. Емельянова, О.Б. Емельянов. – Георгиевск: ИП Банный М.И., 2014. – 186 с.
74. Ерёмин, Н.М. Гребенской участок Кавказской линии в конце XVIII–XIX вв. / Н.М. Ерёмин. – Белгород: Издательство «Константа», 2014. – 176 с.
75. Заринов, И.Ю. Время искать общий язык (проблема интеграции различных этнических теорий и концепций) / И.Ю. Заринов // Этнографическое обозрение. – 2000. – № 6. – С. 3–18.
76. Заседателева, Л.Б. Терские казаки (середина XVI – начало XX в.). Историко-этнографические очерки / Л.Б. Заседателева. – Москва: Издательство Московского университета, 1974. – 424 с.
77. Зубов, П. Картина Кавказского края, принадлежащего России, и сопредельных оному земель; в историческом, статистическом,

этнографическом, финансовом и торговом отношениях / П, Зубов. – Санкт-Петербург, 1835. – Ч. II. – 270 с.

78. Исторические сведения о Гребенском казачьем полку // Сборник общества любителей казачьей старины. – 1912. – № 4. – С. 27–54.

79. Кабузан, В.М. Население Северного Кавказа в XIX – XX веках. Этностатистическое исследование / В.М. Кабузан. – Санкт-Петербург: Издательство «Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ», 1996. – 224 с.

80. Караулов, М.А. Терское казачество / М.А. Караулов. – Москва: Вече, 2007. – 320 с.

81. Карпов, Ю.Ю. Россия и этносоциальные процессы на Северном Кавказе в Новое и Новейшее время / Ю.Ю. Карпов // «Россия и Кавказ – сквозь два столетия». Исторические чтения. – Санкт-Петербург: Звезда, 2001. – С. 190-202.

82. Каспари, АА. Покоренный Кавказ / А.А. Каспари. – Москва: Центрполиграф, 2016. – 576 с.;

83. Клычников, Ю.Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827 – 1840 гг.) / Ю.Ю. Клычников. – Пятигорск: ПГЛУ, 2002. – 494 с.

84. Клычников Ю.Ю. «Находился у непокорных горцев...»: побудительные мотивы предательства казаков-перебежчиков (по материалам ЦГА РСО-А) // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнической культуры казачьих групп России за 2011-2012 гг. Дикаревские чтения (17): Материалы Всероссийской науч. конф., Зерноград, 11-13 октяб. 2013 г. / сост., науч. ред. М.В. Семенцов; Оргкомитет по проведению Всероссийской науч. конф. «Дикаревские чтения»; ФГБОУ ВПО «Азово-Черноморская агроинженерная академия». – Краснодар: Эдви, 2014. – С.153–156.

85. Клычников, Ю.Ю. Тысячелетие формирования российского Кавказа. Часть I. Ранние русско-северокавказские контакты / Ю.Ю. Клычников. – Пятигорск: ПГУ, 2020. – 195 с.

86. Клычников, Ю.Ю. «В наущении его крестьян к отысканию свободы...»: участие священнослужителей в протестном движении на Северном Кавказе в первой половине XIX в. на примере с. Маслов Кут / Ю.Ю. Клычников, А.Н. Рябиков // Народы Кавказа в XVIII – XXI вв.: история, политика, культура: материалы X Международного форума историков-кавказоведов (г. Ростов-на-Дону, 12-13 октября 2023 г.) / [отв. ред. акад. Г.Г. Матишов]. – Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 2023. – С. 420 – 427.
87. Козлов, В.И. Этнос и территория / В.И. Козлов // Советская этнография. – 1971. – № 6. – С. 89–100.
88. Козлов, С.А. Кавказ в судьбах казачества (XVI-XVIII) / С.А. Козлов. – Санкт-Петербург: историческая иллюстрация, 2002. – 288 с.
89. Колесников, В.А. Однодворцы-казаки. К 200-летию со дня основания Рождественской, Каменнобродской, Сенгилеевской и Новотроицкой станиц / В.А. Колесников. - Санкт-Петербург: Издательство «НЕСТОР», 2000. – 319 с.
90. Коломиец, В.Г. Очерки истории и культуры терских казаков / В.Г. Коломиец. – Нальчик: Эльбрус, 1994. – 88 с.
91. Косвен, М.О. Этнография и история Кавказа. Исследования и материалы / М.О. Косвен. – Москва: Издательство Восточной литературы, 1961. – 260 с.
92. Краткие известия об успехах шелководства, виноделия и садоводства в полуденных губерниях России, за 1835 год // Журнал Министерства Внутренних Дел. – 1836. – Ч. XX. – С. 27-64.
93. Кудашев, В.Н. Исторические сведения о кабардинском народе. К 300-летию Дома Романовых / В.Н. Кудашев. – Киев: Типо-литография С.В. Кульженко, 1913. – 303 с.
94. Лазарян, С.С. Становление предпринимательства в регионе КМВ. 1780-1917 гг. / С.С. Лазарян. – Пятигорск: Спецпечать, 2003. – 196 с.

95. Лазарян, С.С. Кавказ под управлением князя М.С. Воронцова (1844-1854 гг.) / С.С. Лазарян. – Москва: Проспект, 2022. – 768 с.
96. Лазарян, С.С. Служба поляков в укреплениях Черноморской береговой линии и на судах Черноморского флота. 1830-1856 годы / С.С. Лазарян, Ю.Ю. Клычников. – Пятигорск: ПГУ, 2023. – 356 с.
97. Лазарян, С.С. Польский сюжет в кавказско-черноморских реалиях XIX века / С.С. Лазарян, Ю.Ю. Клычников. – Москва: Проспект, 2024. – 568 с.
98. Лапин, В.В. «Убедить непокорные племена в превосходстве нашего оружия...». Военные планы покорения Кавказа/ В.В. Лапин // Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX– начало XX вв. – Санкт-Петербург: Звезда, 2005. – С. 9-29.
99. Лапин, В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII-XIX вв. / В.В. Лапин. – Санкт-Петербург: Европейский Дом, 2008. – 400 с.
100. Лаудаев, У. Чеченское племя / У. Лаудаев // Сборник сведений о кавказских горцах. – Тифлис, 1872. – Вып. 2. – С. 1-62.
101. Лебедева, Н.М. Психологические аспекты этнической экологии // Этническая экология: теория и практика / Н.М. Лебедева. – Москва: Наука, 1991. – С. 100-124.
102. Лесман, Ю.М. К теории этногенеза: этногенез древнерусской народности / Ю.М. Лесман // Петербургский археологический вестник. – 1993. – № 6. – С. 98–104.
103. Лонгворт, Дж. Год среди черкесов: В 2 т. / Пер. с англ. В.М. Аталиков / Дж. Лонгворт. – Нальчик: Эль-Фа, 2002. – 540 с.;
104. Любавский, М.К. История русской колонизации, или как возникла империя / М.К. Любавский. – Москва: Вече, 2021. – 288 с.
105. Максимов, Е.Д. Терское казачье войско. Историко-статистический очерк / Е.Д. Максимов. – Владикавказ, 1890. – 167 с.
106. Маркарян, Э.С. Узловые проблемы теории культурной традиции / Э.С. Маркарян // Советская этнография. – 1981. – № 2. – С. 78–96.

107. Миронов, Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.) / Б.Н. Миронов: В 2 т. – Санкт-Петербург: «Дмитрий Буланин», 2003. – Т. I. – XL, 548 с.
108. Невская, Т.А., Чекменев С.А. Ставропольские крестьяне. Очерки хозяйства, культуры и быта / Т.А. Невская. – Минеральные Воды: Кавказская здравница, 1994. – 167 с.
109. Омельченко, И.Л. Терское казачество / И.Л. Омельченко. – Владикавказ: Ир, 1991. – 301 с.
110. Осли, Э. Покорение Кавказа. Геополитическая эпопея и войны за влияние / Э. Осли / Пер. с фр. Е.Д. Богатыренко. – Москва: Плюс-Минус, 2008. – 624 с.
111. О состоянии разных отраслей сельского хозяйства в южной России, в 1849 г. // Журнал министерства государственных имуществ. – Санкт-Петербург, 1850. – Ч. XXXVI. – С. 19-40.
112. Очерк виноделия Кавказа // Сборник сведений о Кавказе. – Тифлис, 1875. – Т. III. – С. 177-563.
113. Писарев, С.И. Трехсотлетие Терского казачьего войска 1577-1877: ко дню юбилейного празднования 3-го октября 1881 г. / С.И. Писарев. – Владикавказ, 1881. – 52, 15 с.
114. Покровский, Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля / Под ред. В.Г. Гаджиева, Н.Н. Покровского / Н.И. Покровский. – Москва: РОССПЭН, 2009. – 584 с.
115. Пономарёв, Ф. П. Материалы по истории Терского казачьего войска / Ф.П. Пономарев // Терский сборник. – Владикавказ, 1903. – Вып. VI. – С. 149-232.
116. Попко, И.Д. Терские казаки со стародавних времён. Гребенское войско / И.Д. Попко. – Нальчик: Эль-Фа, 2001. – 527 с.
117. Попов, И. Станица Луковская (Историко-статистический очерк) / И. Попов // Терские ведомости. – 1889. – № 21. – 17 февраля. – С. 2.

118. Попов, И. Станица Луковская (Историко-статистический очерк) / И. Попов // Терские ведомости. – 1889. – № 22. – 19 февраля. – С. 2.
119. Потто, В.А. Два века Терского Казачества (1577-1801) / В.А. Потто. – Владикавказ: Типография Терского Областного Правления, 1912. – Т. 1. – 235 с.
120. Потто, В.А. Два века терского казачества / В.А. Потто / Репринтное издание. – Ставрополь: Кавказская библиотека, 1991. – 383 с.
121. Потто, В.А. Кавказская война: В 5 томах / В.А. Потто. – Москва: Центрполиграф, 2006. – Т. 1. – 527 с.
122. Потто, В.А. Кавказская война: В 5 томах/ В.А. Потто. – Москва: Центрполиграф, 2006. – Т. 2. – 591 с.
123. Путилов, Б.Н. Русская былина на Тереке (Собирание и изучение терской казачьей поэзии, особенно эпической) / Б.Н. Путилов // Ученые записки № 3. Филологическая серия. Выпуск 3. / Под редакцией Н.И. Пруцкова. – Грозный: Грозненское областное издательство, 1947. – С. 7–46.
124. Путилов, Б.Н. Кавказская война в песнях Терского казачества / Б.Н. Путилов // Известия Грозненского областного краеведческого музея. Выпуск 5. – Б.м., 1953. – С. 62–71.
125. Решетов. Старообрядческий скит в станице Калиновской / Решетов // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. – Тифлис, 1893. – Вып. 16. – С. 134–140.
126. Ржевуский, А.А. Терское казачье войско / А.А. Ржевуский. – Москва: Вече, 2014. – 400 с.
127. Ригельман, А.И. История или повествование о Донских казаках / А.И. Ригельман. – Москва: Университетская тип., 1846. – 165 с.
128. Ровинский, И.В. Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний по гражданскому и естественному их состоянию.

- В отношении к земледелию, промышленности и домоводству / И.В. Ровинский. – Санкт-Петербург., 1809. – VI, 527, XIV с.
129. Российское казачество. Научно-справочное издание / Отв. ред. Т.В. Таболина. – Москва, 2003. – 880 с.
130. Рыбаков, Б.А. Язычество древних славян / Б.А. Рыбаков. – Москва: Издательство «Наука», 1981. – 608 с.
131. Савельев, Е.П. Древняя история казачества. (Историческое исследование) / Е.П. Савельев. – Новочеркасск: Донской печатник, 1915. – Ч. 1. – Вып.1. – 56 с.
132. Северный Кавказ в составе Российской империи. – Москва: Новое литературное обозрение, 2007. – 460 с.
133. Севрюков, А.А. Виноградарство и виноделие в низовьях р. Терека (Доклад на съезде виноградарей и виноделов 1902 г. в г. Москве) / А.А. Севрюков // Терский сборник. – Владикавказ, 1903. – Вып. V. – С. 268–297.
134. Семенов, П. Несколько страничек из жизни казаков ст. Слепцовой, Сунженского отдела, Терской области / П. Семенов // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. – Тифлис, 1893. – Вып. 16. – С. 162-210.
135. Сибирь в составе Российской империи. – Москва: Новое литературное обозрение, 2007. – 368 с.
136. Скорик, А.П. Кубанский хутор: фазы и повседневность топохронной эволюции (конец XVIII – первая треть XX вв.) / А.П. Скорик, И.М. Федина. – Новочеркасск: Лик, 2016. – 420 с.
137. Смирнов, Н.А. Политика России на Кавказе в XVI-XIX веках / Н.А. Смирнов. – Москва, 1958. – 244 с.
138. Соловьёв, С.М. История России с древнейших времен: В 18-ти книгах / С.М. Соловьёв. – Москва: Мысль, 1989. – Кн. 3. – Т. 5-6. – 783 с.

139. Спенсер, Э. Описание поездок по Западному Кавказу в 1836 году / Э. Спенсер / Пер. с англ. К.А. Мальбахов. – Нальчик: Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 2008. – 256 с.
140. Статистические монографии по исследованию станичного быта Терского казачьего войска: Сост., по поруч. наказ. атамана Войска, О. Марграфом, П. Линтваревым и др. под ред. Н. Благовещенского. – Владикавказ, 1881. – VI, 466 с.
141. Стевен, Х.Х. Шелководство, виноделие и садоводство южных губерний России в 1838 году / Х.Х. Стевен // Отечественные записки. – 1839. – Т. IV. – № 7. – С. 25-50.
142. Степаненко, Н.С. Беглые казаки и крестьяне – рабовладельцы на Северо-Западном Кавказе в середине XIX века / Н.С. Степаненко // Slavery: Theory and Practice. – 2019. – № 4(1). – С. 29–34.
143. Стефаненко, Т.Г. Этническая идентичность и некоторые проблемы ее изучения / Т.Г. Стефаненко // Этнос. Идентичность. Образование. / Под ред. В.С. Собкина / Труды по социологии образования. – Москва: Центр социологии образования РАО, 1998. – С. 85–104.
144. Сухоруков, В.Д. Историческое описание земли войска Донского: В 2-х томах / В.Д. Сухоруков. – Новочеркасск, 1867. – Т. 1. – 322 с.
145. Тернер, Ф.Д. Фронтир в американской истории / Ф.Д. Тернер. – Москва: Весь мир, 2009. – 304 с.
146. Ткачев, Г.А. Гребенские, Терские и Кизлярские казаки. Книга для чтения в станичных и полковых школах, библиотеках и командах / Г.А. Ткачев. – Владикавказ, 1911. – 238, VI с.
147. Ткачев, Г.А. Станица Червленая. Исторический очерк / Г.А. Ткачев // Сборник общества любителей казачьей старины. – Владикавказ, 1912. – № 7–12. – 223 с.

148. Толстов, С.П. Основные проблемы этногенеза народов Средней Азии / С.П. Толстов // Советская этнография. – 1947. – № 6–7. – С. 303–305.
149. Трут, В.П. Явление казачества в истории и культуре России / В.П. Трут // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Кубани за 1998 год. Материалы региональной научно-практической конференции. – Краснодар, 1999. – С. 8–11.
150. Тургенев, Н.И. Россия и русские / Н.И. Тургенев. – Москва: ОГИ, 2001. – 744 с.
151. Тхамокова, И.Х. Русское и украинское население Кабардино-Балкарии / И.Х. Тхамокова. – Нальчик: Эль-Фа, 2000. – 240 с.
152. Тхамокова, И.Х. Традиционная культура казачества КБР / И.Х. Тхамокова. – Нальчик, 2003. – 132 с.
153. Указатель географического, статистического, исторического и этнографического материала в «Ставропольских губернских ведомостях». Первое десятилетие (1850-1859 г.) / Под редакцией Д.А. Кобякова. – Тифлис, 1879. – 374 с.
154. Фадеев, А.В. Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период / А.В. Фадеев. – Москва: Изд-во АН СССР, 1957. – 260 с.
155. Фадеев, Р.А. Кавказская война / Р.А. Фадеев. – Москва: Эксмо, 2003. – 640 с.
156. Фальк, И.П. Записки путешествия академика Фалька / И.П. Фальк // Полное собрание учёных путешествий по России, издаваемое Императорскою Академиею Наук, по предложению её президента. – Т. VI. – Санкт-Петербург, 1824. – X, 2, 446 с.
157. Ходарковский, М. Горький выбор: верность и предательство в эпоху российского завоевания Северного Кавказа / М. Ходарковский. – Москва: Новое литературное обозрение, 2016. – 232 с.

158. Чекменёв, С.А. Социально-экономическое развитие Ставрополья и Кубани в конце XVIII века и в первой половине XIX века / С.А. Чекменёв. – Пятигорск: ПГУ, 2022. – 368 с.
159. Черников, В.В. Казачество в истории России / В.В. Черников. – Москва: Айрис-пресс, 2013. – 160 с.
160. Чернозубов, Ф.Г. Самашкинское зверство / Ф.Г. Чернозубов // Терский сборник. – Екатеринбург: Издательские решения Ridero, 2023. – Т. 10. – С. 469–476.
161. Чернозубов, Ф.Г. Очерки Терской старины. Побег в горы / Ф.Г. Чернозубов // Терский сборник. – Екатеринбург: Издательские решения Ridero, 2023. – Т. 10. – С. 482–489.
162. Чеснов, Я.В. О социально-экономических и природных условиях возникновения хозяйственно-культурных типов (в связи с работами М.Г. Левина) / Я.В. Чеснов // Советская этнография. – 1970. – № 6. – С.15 – 26.
163. Чеснов, Я.В. Ранние формы этнонимов и этническое самосознание / Я.В. Чеснов // Этнография имен / Отв. ред. В.А. Никонов, Г.Г. Стратанович. – Москва: Наука, 1971. – С. 6–13.
164. Шидловский, Ю. Записки о Кизляре / Ю. Шидловский // Журнал Министерства Внутренних Дел. – 1843. – Ч. IV. – С. 161-208.
165. Щепанская, Т.Б. Зоны насилия (по материалам русской сельской и современных субкультурных традиций) / Т.Б. Щепанская // Антропология насилия. / Отв. редакторы В.В. Бочаров и В.А. Тишков. – Санкт-Петербург: Наука, 2001. – С. 115–177.

Литература на английском языке

166. King C. The Ghost of freedom. A History of the Caucasus. – New York: Oxford university press, 2008. – 291 p.